

ЧЕСТЬ ОТВАГА МУЖЕСТВО

ЧЕСТЬ ОТВАГА МУЖЕСТВО

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛЬЯНОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1979

Составители:

В. И. Лебедев, А. Д. Ермолаев, В. А. Радыльчук

Честь, отвага, мужество. [Сборник очерков]. —
Ч-51 Саратов: Приволж. кн. изд-во (Ульяновск. отд-
ние), 1979. — 250 с., ил.

В книгу вошли воспоминания и документальные очерки о ратных подвигах воинов-ульяновцев в Великой Отечественной войне. Среди них есть широкоизвестные имена — дважды Герой Советского Союза И. С. Полбин, Герои Советского Союза легендарный А. Матросов, В. Хазов, А. Старостин, но есть и такие, чей подвиг только теперь представал во всем своем духовном и гражданском величии. Это военврач М. Мусорова, зверски замученная в фашистском концлагере, отважная разведчица Лиза Вологодская и многие другие.

11302

10-79

63.3(2)722

9(с)27

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В Берлине у входа в Трептов-парк возвышается монумент героям Великой Отечественной войны. Советский воин, разрубив мечом фашистскую свастику, прижимает к груди спасенного им ребенка. Этот величественный памятник стоит как символ вечной благодарности человечества солдату Страны Советов. Исключительная стойкость и беспримерный героизм, проявленные им в Великой Отечественной войне, избавили человечество от угрозы фашистской тирании, обеспечили длительный мир народам.

— С тех пор как отгремели залпы Победы, прошло более 30 лет. Но подвиги советских людей, совершенные ими ради жизни на земле, не перестают нас волновать. Мы победили. Победил наш общественный и государственный строй, победили дружба и братство наших социалистических наций, единство партии и народа. Победило наше идейное оружие — марксизм-ленинизм. Ни трудности, ни временные неудачи в начальный период войны не сломили духа нашего народа, его воли к борьбе за правое дело.

В жестоких битвах с немецко-фашистскими захватчиками советские люди проявили исключительную стойкость, самоотверженность, мужество, отвагу и массовый героизм, совершили бесчисленное множество подвигов, равных которым не знает история.

Внесли свой вклад в великую победу и наши земляки. Тысячи ульяновцев мужественно сражались на фронтах. Их можно было встретить всюду: под Брестом и Москвой, Ленинградом и Севастополем, на берегах Волги и в предгорьях Кавказа, в лесах Брянщины и в степях Украины... Смелостью и отвагой, проявленной в боях, прославили наши земляки 154-ю стрелковую дивизию, ставшую потом 47-й гвардейской. Она дошла до Берлина, штурмовала центральные правительственные кварталы. Ульяновцы по праву считают эту дивизию своей, родной. И не только потому, что формировалась она в Ульяновской области. В ней служили в основном наши земляки.

Есть и другие соединения, которые тесно связаны с Ульяновской областью. Среди них: легендарная Самаро-Ульяновская Железная дивизия, Инзенская, Сивашско-Штеттинская, 45-я дивизия Щорса, оборонявшая Сталинград, 58-я гвардейская Пражская, 344-я Рославльская и другие дивизии. Солдаты и офицеры этих соединений самоотверженно сражались с гитлеровскими полчищами. Достаточно ска-

зять, что около 10 тысяч воинов 58-й гвардейской дивизии награждены орденами и медалями.

В славной плеяде пламенных патриотов Родины — наши земляки-ульяновцы: свыше 140 Героев Советского Союза, более 20 полных кавалеров ордена Славы, десятки тысяч солдат и офицеров, награжденных орденами и медалями.

Имена многих сынов земли ульяновской, отличившихся в дни войны, широко известны не только у нас в стране, но и за ее рубежами. Национальной гордостью стало имя гвардии рядового, воспитанника Ивановского детского дома Ульяновской области комсомольца Александра Матросова. Образ этого храброго воина, который во имя победы закрыл своим телом смертоносную амбразуру вражеского дзота, будет вечно жить в памяти поколений.

Широко известны героические подвиги летчиков — наших земляков — дважды Героя Советского Союза мастера пикирующих ударов генерал-майора Ивана Семеновича Полбина, Героя Советского Союза майора Виктора Каштанкина, повторившего бессмертный подвиг Николая Гастелло.

Одним из первых в 8-й армии открыл счет уничтоженным гитлеровцам отважный снайпер Петр Голиченков. Находясь на Ленинградском фронте, он истребил огнем из винтовки и в рукопашной схватке 225 фашистов.

Героически сражался с немецко-фашистскими захватчиками уроженец села Лава Сурского района волевой командир, мастер меткого огня и дерзкого маневра Владимир Хазов. Так, в июне 1942 года под Харьковом он тремя танками своей роты уничтожил более 30 вражеских машин.

Невозможно назвать имена всех героев войны ульяновцев и рассказать об их подвигах, совершенных во имя победы над фашизмом, во славу нашей Родины.

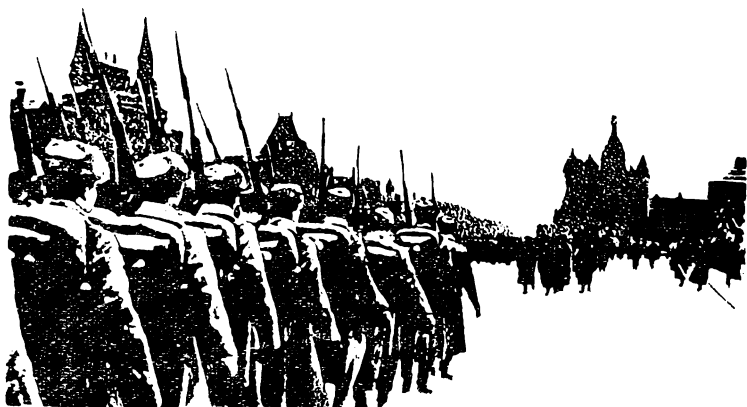
В книгу «Честь, отвага, мужество», которая подготовлена Ульяновским отделением Приволжского книжного издательства совместно с Военно-научным обществом при Ульяновском Доме офицеров Советской Армии, вошли воспоминания и документальные очерки о ратных подвигах героев, награжденных «Золотой Звездой», полных кавалеров ордена Славы и других героях Великой Отечественной войны.

Для удобства читателей сборник разделен на пять разделов: «Вставай, страна огромная...», «Стоит над Волгой курган», «В степях Украины», «Вперед, на Запад!», «Весна Победы».

Составители и авторский коллектив выражают искреннюю благодарность всем организациям и отдельным лицам, оказавшим помощь в сборе материалов и подготовке книги к печати.

*Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война.*

В. Лебедев-Кумач

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ...

О. Фортушина

НА ПЕРВЫХ РУБЕЖАХ ВОЙНЫ

На окраине Бреста, в нескольких сотнях метров от государственной границы, на братском кладбище стоит высокий гранитный монумент: советский воин скорбно склонил голову над могилами павших бойцов. Это памятник героическим защитникам Брестской крепости.

Родина помнит своих героев. В городе-герое Бресте воздвигнут мемориал. В его комплекс входят развалины Тереспольской башни, ныне «Башня Наганова». На одной из ее стен на мраморной плите выгравированы золотом слова: «На этом рубеже, защищая Тереспольские ворота в июне — июле 1941 года, стояли насмерть славные воины отдельных подразделений 333 стрелкового полка и погранвойск. Здесь, при героической обороне Тереспольских ворот, вместе с бойцами своего взвода погиб верный сын Ленинского комсомола, командир 1-го взвода полковой школы 333 стрелкового полка лейтенант А. Ф. Наганов».

В 1949 году при разборке развалин Тереспольской башни были обнаружены останки 15 советских бойцов. На одном — полуистлевшая гимнастерка. На ее петлицах видны отпечатки двух квадратиков и пехотной эмблемы: погибший воин был офицером Советской Армии. У его ног лежал покрытый ржавчиной пистолет ТТ. Оружие на боевом взводе. Один патрон — в канале ствола, три — в обойме. Смерть вырвала оружие из рук героя. В нагрудном кармане погибшего лежали почерневшие от времени документы — удостоверение личности и бережно завернутый в плотную бумагу комсомольский билет номер 0957174. Время его сберегло. Можно было прочитать каждое слово.

Так была установлена личность владельца комсомоль-

ского билета, погибшего офицера Наганова Алексея Федоровича.

Рядом с останками воина была найдена разорванная осколком полевая сумка. В ней — «История ВКП(б). Краткий курс», обрывки топографической карты с пометками, пробитая пулей тетрадь с конспектом занятий по теме «Стрелковый взвод в обороне», рапорт старшего сержанта Беличенко на имя командира взвода с просьбой ходатайствовать перед начальником школы о направлении его в авиационное училище. И еще нашли автобиографию, написанную на двух листочках школьной тетради.

«Родился в 1919 году в селе Красная Река Старомайнского района Куйбышевской (ныне Ульяновской — *Ред.*) области. Отец и мать с 1929 года работали в колхозе имени Чапаева. В семье было восемь детей. Учился в школе, затем пошел в колхоз, к отцу в помощники. В тридцать шестом вступил в комсомол. Осенью 1937 года призван в армию. Окончил полковую школу, курсы младших лейтенантов, Минское военное училище имени Калинина».

Автобиография, которой суждено было сохраниться до наших дней, написана в училище. Она так и подписана: «Курсант Наганов».

За год до войны Алексей Наганов стал офицером, командиром взвода полковой школы. Тогда он последний раз побывал дома. Его провожала вся семья: отец, мать, братья и сестры. Обнимая сына, Федор Андреевич спросил: «Что там, сынок, на границе слышно? Будет война?»

Алексей ответил: «Знай, отец, долг свой выполняю, Родину буду защищать до последней капли крови...»

Больше Алексею не суждено было встретиться с родными. Он служил в Бресте.

...Воскресное утро 22 июня 1941 года. Летнее страшное утро. Незабываемое. Фашистские полчища, подобно саранче, ринулись на нашу Родину. Первый удар врага приняли на себя пограничные войска. Приняли и выстояли, сражаясь с превосходящими силами противника. Падали на родную землю, истекая кровью, двадцатилетние. Даже тяжелораненые не выпускали из рук оружия. Собрав последние силы, они вновь принимали к пулеметам, брали в руки винтовки. В тот первый день войны фашисты поняли: сражаться с небольшим советским гарнизоном в России гораздо труднее, чем с целыми армиями на Западе. Одна Брестская крепость стоила фашистам дороже, чем вся война за Францию.

Полчаса отводили гитлеровцы на захват Бреста. Это по их плану. Но прошло около месяца, прежде чем они сумели это сделать. Крепость на западной границе России стала символом подвига советского воина, символом мужества и отваги.

Даже враги вынуждены были это признать. В марте 1942 года в районе Орла наши войска разгромили 45-ю пехотную дивизию гитлеровцев. При этом был захвачен архив ее штаба, в котором среди других документов было обнаружено «Боевое донесение о взятии Брест-Литовска». В его заключительных строках сказано: «Наступление на крепость, в которой сидит отважный противник, стоит много крови... Русские в Брест-Литовске дрались исключительно настойчиво и упорно. Они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к борьбе...».

Бои в крепости шли за каждый метр земли. Гитлеровцы рвались к цитадели — основному укреплению, расположенному на Центральном острове, путь к которому лежал через Тереспольские ворота.

Оборону Тереспольского моста через Буг возглавлял Алексей Наганов. Стойко держалась группа советских воинов, окруженная гитлеровцами с трех сторон, прижатая к реке. Порой казалось, что фашисты вот-вот сбросят наших бойцов в реку. Но каждый раз лейтенант Наганов поднимал своих солдат в контратаку. В рукопашной схватке они отбивали у врага захваченные метры прибрежной русской земли.

Участник обороны Брестской крепости танкист А. Чернов вспоминает: «Много наших пало там смертью героев, но еще больше потерь понесли гитлеровцы. Берег был завален их трупами. Наш танк, помогая группе Наганова, вертелся, как юла, поворачивая ствол пулемета туда, где создавалась наибольшая опасность для бойцов, оборонявших мост. Сам Наганов то и дело появлялся то в одном, то в другом месте обороны, и в первую очередь там, где особенно тяжело приходилось бойцам, воодушевлял их своим присутствием».

Кончались боеприпасы. Бойцы отходили к цитадели. Лейтенант с небольшой группой отползал последним. Вот он остановился около танка, постучал по броне. Приоткрыв крышку люка, Чернов увидел, как по лицу Наганова вместе с каплями пота стекали тонкие струйки кро-

ви, сочившиеся из-под марлевой повязки, обтянувшей раненую голову. Дышал тяжело, прерывисто.

— Задержитесь тут минут десять, а потом отходите,— крикнул он.

— А мост как же?

— Взорвем. Отходите к Холмскому мосту. Ну, прощайте!

И пополз за своими бойцами к цитадели. Тереспольский мост взлетел на воздух, а курсанты Наганова заняли оборону в районе Тереспольских ворот. Их оставалось 15. Фашисты кричали, предлагали сдаваться. Но над башней ворот все так же гордо трепетало на ветру красное знамя. Не одну сотню солдат потеряли гитлеровцы в этот день.

Лейтенант Наганов ободрял и поддерживал бойцов. Но силы иссякали. Один за другим выбыли из строя все защитники башни. Наганов остался один. Продолжая сражаться с врагом, он укрылся в одной из комнат Тереспольской башни. Гитлеровца, который ворвался в комнату первым, он сразил метким выстрелом. Затем уложил еще четырех фашистов. Стрелял до тех пор, пока очередь из немецкого автомата не прошила его грудь.

В ходе дальнейших боев верхний этаж башни был разрушен артиллерийским снарядом, останки бойцов засыпаны щебнем и обломками кирпича.

С гибелью Наганова пала Тереспольская башня — один из рубежей обороны цитадели. Но долго еще сражалась крепость над Бугом.

...Останки наших солдат жители перенесли на городское кладбище и похоронили с воинскими почестями в братской могиле. У подножия памятника на могиле не увядают цветы, шумят листвой деревья, утверждая вечную юность и бессмертие героев.

Часто здесь можно встретить молодую, стройную женщину. Это — Надежда Алексеевна Наганова. В ее больших глазах, в разлете бровей чувствуется что-то отцовское. Алексею Федоровичу не суждено было увидеть дочь. Она родилась через несколько месяцев после его смерти, в октябре 1941 года. В те страшные дни жене Наганова удалось убежать из колонны военнопленных и добраться до своих родственников. Она сумела сберечь и вырастить дочь, родившуюся в первый год войны.

Сейчас Надежда Алексеевна — врач детской поликлиники Бреста. Там же живет и ее мать.

Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1957 году лейтенант Наганов посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Его имя носит одна из улиц Бреста, где ему сооружен памятник. На родине героя в селе Красная Река, в сквере перед школой имени А. Ф. Наганова, на средства, заработанные комсомольцами и молодежью, Алексею Наганову установлен бронзовый бюст. В районном центре Старая Майна есть улица Наганова.

Не зарастет народная тропа к историческим музеям Москвы, Бреста, Минска.

В Минском государственном музее истории Великой Отечественной войны героям Бреста посвящен целый зал. И когда при входе в музей вы открываете дверь, на стенде перед вашими глазами — полуистлевшая гимнастерка защитного цвета и комсомольский билет № 0957174. Это билет Алексея Наганова.

Ф. Галимов

ОДИН ИЗ ДВАДЦАТИ ВОСЬМИ

Поздно ночью генерал Панфилов возвращался из Ставки Верховного Главнокомандования. Машина шла по темным тревожным улицам столицы. В эмке было холодно и неудобно. Где-то гудели самолеты. Лучи прожекторов ударялись в черное небо, на миг вспарывали его и моментально исчезали. Потом снова рассекали ночную мглу. Враг был близко, готовился к отчаянному броску.

Иван Васильевич Панфилов думал о разговоре в Ставке. Гитлеровцы намеревались в ближайшее время любой ценой захватить Москву. Они спешно перебрасывали на фронт людские резервы и технику.

Не зря в дивизии уделяли столько времени учебе. Генерал Панфилов предвидел: личному составу придется встретиться с танками. И он делал все, чтобы бойцы были психологически подготовлены к этому, научились уничтожать бронированные машины. Уже первые бои показали, насколько он был прав. Бойцы дивизии не испугались танков, смело вступали с ними в единоборство и выходили победителями. О бесстрашном подвиге

комсомольца Василия Ожередова стало известно всем. Одним из первых уничтожил он два фашистских танка.

А Степан Жигалов, Илья Дерепаскин, Никита Тищенко, Федор Кокорин, Кашимбек Авасов... Не говоря уже о Василии Георгиевиче Ключкове, который накануне Октябрьских праздников в бою под селом Нелидово с группой бойцов отразил психическую атаку гитлеровцев, а потом с этой группой пошел в наступление. Много тогда они уничтожили фашистов, захватили пленных.

...Утром комдив отправился на передовую. Он еще и еще раз внимательно осматривал окопы, давал указания, как лучше их оборудовать. В четвертой роте 1075-го полка генерал Панфилов задержался несколько дольше. Он посоветовал сделать ложные позиции.

— Тут вам оставаться нельзя, — сказал генерал солдатам. — Перебирайтесь поближе к разъезду Дубосеково.

Генерала, как всегда, окружили солдаты. Подошел политрук Ключков.

— Ну как дела? — спросил Панфилов.

— Готовимся, товарищ генерал, — ответил Ключков. — Люди рвутся в бой. Вот только что говорил с земляком, тоже с Волги, — Ключков показал на красноармейца Максимова.

— А откуда вы? — поинтересовался генерал.

— Ульяновец я, товарищ генерал, — ответил Максимов.

— Вот как, — улыбнулся Панфилов. — Значит, земляк Владимиру Ильичу!

— Так точно, товарищ генерал!

— Ну что же, волжане, — сказал Иван Васильевич, — испытание нам выпало трудное. — И, обращаясь уже ко всем, генерал спросил:

— Как, выстоим?

— Выстоим! — дружно ответили бойцы.

Старший сержант Митин подал команду, и все немедленно приступили к оборудованию новых позиций. Всю ночь без устали работали бойцы. Вырыли окопы в полный рост, притащили шпалы, укрепили ими траншеи, тщательно замаскировали.

Наступило хмурое утро 16 ноября 1941 года. Шел 147-й день войны. Противник начал второе генеральное наступление на Москву.

С самого утра гитлеровцы с ожесточением бомбили

и обстреливали позиции наших войск. Враг намеревался пробить брешь в обороне и своими танками с ходу прорваться к Москве.

...В небе раздался гул самолетов. Начался очередной налет.

— Воздух! — пронеслось по траншее.

Фашистские самолеты развернулись и сбросили бомбы. На этот раз все рассмеялись: фашисты сбросили бомбовый груз на ложные позиции — старые окопы, откуда панфиловцы ушли еще вчера.

Не успела улечься пыль от бомбежки, как показались танки врага, в атаку пошли автоматчики. Они, видимо, думали, что после бомбежки на позиции никого не осталось, и поэтому шли во весь рост. Гитлеровцы все ближе и ближе. Панфиловцы молчат. Когда фашисты подошли метров на 50, раздалась команда:

— Огонь!

Затрещали пулеметы, винтовочные выстрелы. И сразу цепь автоматчиков поредела. Нарушился строй. Еще один залп и еще... Заметались черные фигуры на снежном поле, скрываясь от губительного огня.

Атака гитлеровцев захлебнулась. Но панфиловцы знали, что враги снова пойдут на позиции. И не ошиблись. Вслед за первой атакой началась вторая. Впереди опять шли танки, а под их прикрытием — пехота. Грозно лязгая гусеницами, танки ползли прямо на окопы храбрецов. Все кругом дрожало, горело. Враг бросил большие силы, чтобы прорвать оборону панфиловцев. Все громче слышался скрежет металла, и казалось, что каждая пушка нацелена в твое сердце.

Нет, не испугались солдаты. Каждый в эти минуты готовился к схватке. Николай Максимов деловито огляделся. Рядом с ним напряженно следят за движением танков Шадрин, Шемякин, Москаленко, Болотов, Есбулатов, Касаев...

В эту тревожную минуту раздался спокойный голос политрука Ключкова:

— Двадцать танков. Меньше чем по одному на брата. Это не так уж много...

Слова политрука воодушевили воинов. Максимов положил рядом гранаты, бутылки с горючей жидкостью, поудобнее устроился для броска. Вот уже впереди и над окопами вспыхнули взрывы, снежная равнина покрылась копотью. Николай увидел, что одна из

машин идет прямо на него. Четко видны ненавистные кресты на броне. Вот она ближе и ближе — еще один миг, и навалится на окоп. Но Максимов успел метнуть гранату. Раздался грохот — и танк завертелся волчком. Затем Максимов бросил бутылку с горючей смесью. Вспыхнуло огромное пламя. Жаром обдало лицо. Факелами загорелись танки около Шадрина, Шемякина, Васильева. Максимов увидел, как Конкин тоже расправился с наседавшим на него танком...

А они все ползут и ползут. Летят в них гранаты, бутылки с горючей жидкостью. С шипением и свистом проносятся снаряды, бушует пламя, расплавляя и снег, и броню. Четвертый час идет бой. Уже 14 танков горят около позиций панфиловцев, валяются десятки фашистских трупов. Враг дрогнул и отступил.

Но и мужественных защитников Москвы, принявших на себя этот танковый таран, стало меньше. Недвижно, словно прислушиваясь к сердцу родной земли, лежали Митченко и Болотов, Крючков и Петренко, Ельцов и Шопоков...

Страшная картина открылась перед глазами Максимова после боя. Зеленый бор и заснеженные поля стали черными. Кругом зияли воронки, пылали стальные чудовища, горел лес. Чадный дым застилал горизонт, въедался в глаза, вызывал кашель. Кое-где окопы были смяты, некоторые раздавлены. Лица бойцов от пота и грязи почернели. Только глаза светились радостью: выстояли!

И вдруг Николай услышал тишину. Смолк гул моторов, только под огнем потрескивало железо. Дым застилал все кругом.

По траншее шел политрук Клочков. Закопченное лицо его светилось, глаза блестели.

— Выстояли, ребята, — ободряюще говорил он бойцам.

Клочков подошел к Максиму.

— Ну как, браток? — спросил он Николая. — Жарко?..

— Воюем, — ответил Николай. — Вон их сколько горит.

Политрук пошел дальше. И не успели бойцы всласть покурить, как враг, словно охваченный новым приступом бешенства, ринулся в атаку. Снова, разрывая тишину, поползли громадные чудовища с черной свастикой.

Снова лязг железа, вой снарядов. Снова на окопы панфиловцев обрушился шквал огня. Опять по искореженной земле ползли фашистские танки. Их было много, во всяком случае больше, чем в первый раз. Это потом стало известно, что на горстку отважных бойцов шло 30 танков. Но тогда их не считали...

В этот момент раздался твердый, уверенный голос политрука Клочкова. Он произнес бессмертные слова:

— Видно, ребята, всем нам придется умереть. Велика Россия, а отступить некуда! Позади Москва!..

Эти слова облетели всю страну, повели в неравный бой с врагом миллионы советских людей.

Услышав слова политрука, Николай Максимов задумался. На миг ему представилась Волга, бескрайние поля и небольшой, но дорогой сердцу поселок Мордовский, где прошло его детство. Вспомнил, как мальчишкой остался без отца, который погиб в первой империалистической войне, как умерли от голода мать и сестра, как рос и воспитывался у тетки. Думая о словах, только что сказанных политруком Клочковым, Николай сравнивал его судьбу со своей. И политрук тоже рос сиротой. Дорога жизни привела их в столицу Казахстана, а война — на разъезд Дубосеково.

Потом Николай вспомнил друзей, с которыми работал до войны в Алма-Ате. Это, наверное, всегда так. В решающую минуту человек оглядывается на жизнь, оценивает сделанное им для людей. А люди ему дали многое, они заменили родных, воспитали его, поставили, как говорится, на ноги. И вот теперь надо доказать: достоин ли ты их, сумеешь ли выполнить свой долг?..

Все ближе лязг железа. Вот уже танки рядом с окопами. Летят гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Неостывшая земля снова накалилась. Вспыхнули первые танки. Горит железо. Но силы слишком неравны. Прорываются танки, утюжат окопы. Вот один из них подмял Елизарова, ожесточенную борьбу ведет Есбулатов, с гранатой в руке бросается на вражескую машину Кожебергенов, падает подмятый гусеницами Москаленко, истекая кровью, самоотверженно борются с танками Васильев, Шемякин, Натаров...

Максимов увидел рядом фашистский танк. Он круто повернулся, подставив борт. Этого было достаточно. Николай швырнул в него гранату, а вслед за ней — бутылку. На мгновение его ослепило, раздался грохот.

«Еще один», — подумал отважный воин, и в это время что-то прижало его, окоп наполнился удушливым газом.

— Вот гад, прорвался! — злобно крикнул Максимов и схватил гранату.

Танк повернулся, фашисты решили раздавить окоп, сровнять его с землей. В окопе стало темно, тесно. «Что же делать?» — Максимов зубами вырывает чеку из гранаты и, изловчившись, кидает ее под моторную группу. На миг его ослепило, взрыва мужественный солдат уже не слышал, что-то горячее обожгло ему сердце, он схватился руками за гусеницы и бледнеющими губами прошептал: «Нет, не пройдешь!..» Так и застыл наш земляк, вцепившись во вражеский танк руками. В ужасе гитлеровцы выскакивали из подбитой машины, но их настигал огонь панфиловцев.

Горит уже несколько фашистских танков. Кажется, что на этом клочке ничего не осталось живого. А гранаты и бутылки с горючей жидкостью летят в стальные громадины. Все, кто мог ходить или немного двигаться, бьются с врагом. Но слабеют ряды бойцов. Вот уже и политрук Клочков ранен, но он ползет навстречу танку, ослабевшей рукой бросает гранату и падает, сраженный пулеметной очередью...

Весь день шел бой. Весь день фашисты штурмовали рубеж 28 советских воинов. Но и на этот раз враг не прошел.

...День угасал. Догорали окутанные дымом 18 фашистских танков. На поле битвы валялись сотни трупов гитлеровских солдат. Гитлеровцы больше не пытались сюда сунуться. То там, то здесь раздавались выстрелы, взрывы гранат. Это поднимались раненые, это поднимались те, кто еще был в силах держать оружие, кто еще мог стрелять. Они не ушли с поста, не покинули рубеж. Затихло поле боя. Молчал легендарный окоп. Защитники родной земли исполнили свой долг и не пропустили врага к сердцу России.

Раскинув натруженные руки, как бы прикрывая своими бездыханными телами израненную, пропитанную кровью родную землю, лежали те, кто стоял насмерть и победил врага.

Через день в полку, а затем и в дивизии узнали, что произошло у разъезда Дубосеково. И дали клятву **воины-панфиловцы** отомстить за погибших товарищей, с честью пронести боевые знамена дорогами войны.

За беспредельное мужество, героизм, воинскую доблесть и отвагу, сыновью преданность социалистической Отчизне Советское правительство посмертно присвоило участникам боя у разъезда Дубосеково звание Героя Советского Союза.

Подвиг героев-панфиловцев у разъезда Дубосеково известен всему миру. Это пример беззаветного служения своему народу, Родине. О героях написаны книги, сложены песни, стихи и поэмы. Народ вечно хранит в своем сердце имена отважных.

Идут годы, проходят десятилетия. От человека к человеку, от поколения к поколению передается рассказ о мужестве и бесстрашии 28 героев-панфиловцев, вместе с которыми храбро сражался отважный сын земли ульяновской — Николай Гордеевич Максимов.

Б. Вайнтрауб,
генерал-майор

НЕУСТРАШИМЫЙ КОМБАТ

Стояли жаркие июльские дни сорок первого. Наша 154-я стрелковая дивизия, прибыв из Ульяновска на Западный фронт, вышла к Днепру. На его правом берегу виделся город Жлобин. Дивизия получила приказ: задержать продвижение врага на восток, овладеть Жлобином и развивать далее удар в направлении Бобруйска.

Ночью саперы оборудовали две переправы: частично восстановили взорванный фашистами железнодорожный мост, а рядом навели второй мост на понтонах.

На рассвете 13 июля по этим переправам под шквальным огнем вражеской артиллерии и пикирующих бомбардировщиков форсировали Днепр батальоны нашего головного 437-го полка.

Сбив на берегу прикрытие противника, передовые роты вышли на восточную окраину города и завязали бой.

Вместе с капитаном Баталовым и другими комбатами мы забрались на чердак одного из высоких домов. Перед нами развернулась панорама города. На фоне основной массы деревянных домов выделялись здания двух железнодорожных депо.

Выслушиваю мнение комбатов и оценку ими обстановки.

— Ну, что скажешь, Федор Алексеевич?

Баталов оторвался от карты:

— Фланги у немцев, по-моему, прикрыты слабо. Вон там, в глубине, очевидно, несколько артиллерийских и минометных батарей. В общем, все сходится с данными разведки. У нас хоть и небольшое, но все же превосходство.

Предлагаю: на фланги и в тыл противнику послать три усиленных взвода для того, чтобы они сковали своими действиями его батареи и позиции пехоты, создали там у них панику. Этим мы ослабим сопротивление гитлеровцев с фронта.

План Баталова был утвержден. Из своего батальона он послал в тыл врага взвод комсомольца Александра Ерохина. Взвод повели два местных парня и пожилой железнодорожник.

В 15 часов полк начал наступление на город. Противник оборонялся, используя в качестве укрытий железнодорожную насыпь, каменные здания. Основными опорными пунктами его обороны были здания северного и южного железнодорожных депо. Во многих домах засели автоматчики и пулеметчики.

Стремительным ударом батальон Баталова выбил фашистов из северного депо. Посланные взводы оказали существенное влияние на исход боя. Особенно отличился взвод Ерохина. Внезапный огонь его четырех пулеметов и минометов в спину врага и по его батареям посеял панику. В бою сам Ерохин получил ранение. Но в этот момент упал сраженным один из пулеметчиков. Ерохин занял место погибшего и продолжал вести огонь. За пулеметом его и настигла смерть. За героический подвиг он был награжден посмертно орденом Ленина.

И вот город очищен от немецких фашистов. Наступают сумерки, бой затихает.

Утром 14 июля советские люди слушали очередную сводку Совинформбюро: «В течение 13 июля на западном направлении наши войска штурмом снова овладели городами Жлобин и Рогачев...»

Первый бой — первая победа.

В этом бою воины нашего полка (в основном это были ульяновцы) показали себя стойкими, мужественными людьми. Многие из них уже имели боевой опыт — уча-

ствовали в боях на озере Хасан, Халхин-Гол, в Финляндии.

Хорошо проявили себя командиры батальонов: капитан Александр Автономович Васильев, старший лейтенант краснознаменец Александр Васильевич Гусев. А наиболее сплоченным и стремительным в бою был батальон Баталова. Сказалась его упорная подготовка в дни мирной учебы. Мне неоднократно приходилось наблюдать, с какой старательностью Федор Алексеевич создавал, сколачивал свой батальон. Вся его жизнь была связана с армией. Он вступил в ее ряды добровольно, когда ему было 18 лет. Участвовал в разгроме белогвардейцев в годы гражданской войны на Восточном фронте, активно боролся с басмачами в Восточной Бухаре, за финскую кампанию 1940 года был награжден орденом Красного Знамени...

Почти вся ночь ушла у нас на разработку плана боя на 14 июля. Теперь ближайшей задачей полка было разгромить гитлеровцев, оборонявших западные пригороды Жлобина, и выйти на рубеж высот в районе Бобруйской шоссеиной дороги.

На рассвете началась артподготовка. Пошли в атаку танки, а за ними батальоны полка. В центре главного направления — батальон Баталова. Слева ему умело содействует первый батальон капитана Васильева. Противник за ночь окопался, организовал систему огня. Теперь он усилен минометами и артиллерией.

Перед нами поле несжатой пожелтевшей ржи. Пустить бы по ней сейчас косилки да комбайны! А ее придется сжигать, ничего не поделаешь. Через это поле будет атаковать второй батальон. И вот Баталов с болью в сердце поджигает рожь. Ветер погнал густые клубы дыма в стан врага. Запахло горелым хлебом. К этому времени две роты Баталова уже нашли щель в обороне фашистов и под прикрытием дымовой завесы стали обтекать их позиции с флангов. Ведя заградительный огонь из минометов, враг начал отходить. Следуя за ним по пятам, баталовцы вырвались на рокадную дорогу* Ленино — Новики. Подтягивают пулеметы, орудия, минометы... А батальон Васильева в это время овладевает соседней высотой.

Из деревни Новики и из-за железнодорожной насы-

* Р о к а д а — дорога, идущая параллельно линии фронта.

пи вышли вражеские танки. Они контратакуют батальон Баталова с двух направлений.

— Истребители, вперед! — раздается команда.

Меткие броски бутылок с горючей смесью — и два танка горят. В поединок с вражескими машинами вступают наши полковые противотанковые орудия — «сорокапятки», как их любовно называют бойцы. Ими командует политрук Дикунец.

Дмитрий Миронович — опытный артиллерист. Он умело организовал взаимодействие батареи с пехотными батальонами. Его пушки не раз выручали нашу пехоту огнем. Так было и на этот раз: четыре танка уже дымились, а остальные отошли.

Однако враг отчаянно пытается отбросить нас с захваченного рубежа. Над полем боя появились фашистские стервятники. Они стали в круг и методично, один за другим штурмуют баталовцев, вышедших на рокадную дорогу. Стремясь облегчить положение нашей пехоты, рота ПВО открыла интенсивный огонь по самолетам. Вот один из них загорелся и, распустив черно-сизый шлейф дыма, врезался в край болота.

Но бой не затихает. Теперь он распался на отдельные очаги. Борьба идет за каждую высотку, канаву, дом, рощицу. Баталовцам приходится выбивать врага из каждого окопа пулей, штыком, гранатой.

Вот остановилось продвижение на фланге одной роты. Комбат уже тут как тут:

— В чем дело? Почему лежите?

— Товарищ капитан! Снайперы не дают ходу.

— Где? А ну, дай-ка сюда. — Баталов уже берет винтовку у одного из бойцов. Прицелился. Выстрел. Вражеский снайпер падает с дерева.

— Вот так, сынок!.. А теперь смелее вперед!

В последующие дни сопротивление немцев заметно усилилось. На основном направлении по-прежнему впереди второй батальон. 17 июля он занял деревню Придорожье. Очередная задача: захватить поселок Заводное — важную и выгодную позицию у Бобруйского шоссе. Условия местности неблагоприятные. Между селами тянется двухкилометровая открытая болотистая низина, пересекаемая канавами и небольшой речкой.

Противник, засевший в Заводном, сосредоточил по батальону, только что занявшему деревню Придорожье, сильный артиллерийский огонь. Предстояло проскочить

эту двухкилометровую полосу и овладеть Заводным.

Капитан Баталов смело повел батальон в атаку.

Шесть огневых налетов сделали фашисты по батальону. Но это не остановило атаку. Бойцы уверенно шли за своим мужественным командиром. Хорошо понимая тактику немецкого заградительного огня, Баталов бросками вел батальон вперед и к моменту начала налета успевал выводить роты на более безопасный рубеж. Поселок Заводное был взят штурмом...

К вечеру пришло подкрепление. Политрук Дикунец привел с собой 10 бойцов и одну «сорокапятку».

— Как обрадовался Баталов нашему приходу! — рассказывал Дикунец. — Сумрачный (погибло много людей), почерневший, весь покрытый гарью и пылью, он бросился ко мне, крепко обнял и расцеловал.

— Вот здорово! Ведь это же для нас большая сила! — И тут же предупредил: — Разведчики слышали справа в лесу шум моторов. Видимо, враг готовит против нас танки.

И действительно, на рассвете под прикрытием пяти танков фашисты пошли в атаку. Используя местность, они приближались к позициям баталовцев. Однако бить по вражеским танкам и немецкой пехоте прямой наводкой пока было нельзя, но, как только они появились на открытом поле, две наших пушки открыли огонь.

Умелым артиллеристом показал себя в этом бою наводчик ульяновец Васильев. Он быстро подбил один танк, но вскоре был тяжело ранен. Его тут же заменил политрук Дикунец. Он подбил еще одну машину. Оставшиеся три танка, дрогнув, повернули назад.

Тогда баталовцы пошли в штыковую. Контратака врага была отбита.

Перед фронтом полка появились части свежей 255-й пехотной дивизии противника. Они непрерывно атакуют наши подразделения. Потери, потери... Смертью героя погиб старший лейтенант Гусев, в бою под селом Малевичи тяжело ранен комбат капитан Васильев. По приказу командира дивизии полк переходит к обороне. В центре обороны — второй батальон. Он «седлает» дорогу Жлобин — Бобруйск, занимает поселок Заводное и соседние высоты.

Начались упорные оборонительные бои. В течение двух дней — 19 и 20 июля — противник шесть раз атаковал наш полк. И почти все его удары приходились по вто-

рому батальону. Шла борьба за главную ключевую позицию — поселок Заводное. Кто владел поселком, тот владел и дорогой!

Гитлеровцы дважды окружали второй батальон, но безуспешно. Умело сочетая огонь с маневром, Баталов оба раза выводил своих людей из окружения.

Утром 20 июля Федор Баталов появился на командном пункте полка. Он был в крайне возбужденном состоянии. В каске, в плащ-палатке, с пистолетом в руке. По всему было видно, что он только что вышел из горячего боя. Кратко доложил обстановку: противник превосходящими силами при поддержке танков вновь атаковал. Батальон, понеся потери, был вынужден отойти. Заверил, что положение будет восстановлено. Попросил человек 30 для усиления батальона и «немножко огоньку для прикурки фрицам... Я эту сволочь фашистскую сейчас же вышибу...»

На усиление батальона пошел резервный взвод. Против вражеских танков мы выдвинули «сорокапятки» полковой батареи Дикунца. Своим огнем по флангам противника помогли и соседние батальоны. Контратака второго батальона была успешной.

Спустя два дня Баталов рассказывал:

— Через сорок пять минут высота и поселок Заводное были снова в наших руках. Остаток дня и ночь мы затратили на реорганизацию обороны и системы огня. А утром гитлеровцы снова окружили батальон. Начали сильный обстрел. Но отступать мы и не думали. Отбили несколько контратак. Два раза я водил в штыки группы по полсотни человек. В конце концов окружавшие наш батальон немцы бежали...

Но и на этот раз фашисты не успокоились. Для обхода батальона с флангов они бросили большую группу пьяных солдат.

— Драться до последнего патрона, до последнего снаряда! — приказал Баталов.

Минометный расчет Ивана Казакова, отражая атаку гитлеровцев, нанес им большой урон. Враг нащупал позицию наших минометчиков — разорвавшийся снаряд оглушил расчет Казакова, завалил его землей. Увидев это, бойцы соседнего миномета поспешили на выручку к товарищам. Пичугин и Веселов разбросали землю и помогли казаковцам подняться на ноги. Через несколько минут расчет Казакова уже снова ведет огонь по врагу. Но ис-

сякают и наши силы. Один за другим гибнут минометчики. В самый напряженный момент отражения атаки врага падает на землю тяжело раненный последний солдат расчета. Миномет замолчал. Заметив это, снайпер Костицкий ползком добрался до миномета и открыл из него беглый огонь по наседавшим гитлеровцам. Когда были израсходованы все мины, отважный снайпер снова взял в руки винтовку и, посылая пулю в перебежавшего фашиста, приговаривал: «Нет, гад, живым с нашей земли не уйдешь!»

Так сражался батальон Баталова. В этом неравном бою он вновь одержал победу.

23 июля 1941 года командование полка представило ходатайство на присвоение капитану Баталову звания Героя Советского Союза. В наградном листе комдив приписал: «Баталов — храбрейший командир. В нем сочетаются личная храбрость и умение командовать батальоном. С представлением командира полка согласен. Достоин присвоения звания Героя Советского Союза. Командир 154-й стрелковой дивизии комбриг Фоканов».

* * *

В первых числах августа 1941 года Федор Баталов вступил в командование 473-м стрелковым полком. Он умело управлял им в оборонительных боях за Жлобин и тогда, когда прикрывал отход дивизии.

Почти полтора месяца героические войны 63-го стрелкового корпуса сдерживали на Днепре превосходящие силы противника, сковывая на своем участке фашистские войска, рвавшиеся к Москве. Лишь стянув сюда семь пехотных дивизий против наших неполных двух, враг оттеснил нас на левый берег Днепра.

В середине августа 154-я дивизия и другие части 63-го корпуса оказались окруженными в лесах восточнее Жлобина.

Для выхода этих частей из окружения полк Баталова на рассвете 17 августа ударом на юг прорвал кольцо окружения, форсировал реку Охра и отбросил врага к селам Скепня-Первая и Скепня-Вторая. Тем самым он помог нашей дивизии соединиться с частями 3-й армии. В этом бою на подступах к названным селам славный сын нашей Родины капитан Федор Баталов погиб.

Ежегодно 9 мая собираются на свою встречу ветераны нашей дивизии, ставшей впоследствии 47-й гвардейской, собираются в Москве, Туле, Ульяновске. И каждый раз, вспоминая погибших воинов, они одним из первых называют имя Федора Баталова — первого в дивизии Героя Советского Союза.

А. Царев

ОДИН МИГ И ВСЯ ЖИЗНЬ

Стали седыми защитники Брестской крепости, участники обороны Москвы, великой битвы под Сталинградом и на Курской дуге, пожелтели в музеях страницы газет и листовок, отпечатанных на скорую руку в городе, вызволенном из фашистского плена. Но дети до сих пор играют не только в «Чапая», но и в «Матросова». И только самый храбрый и честный получает право называться этим именем.

То, что совершил воспитанник Ивановского детского дома Александр Матросов февральским днем 1943 года у деревни Чернушки Псковской области, носит одно имя — подвиг.

А было так: в самый напряженный момент боя за деревню Чернушки, когда огонь вражеского пулемета прижал роту советских солдат к земле, Матросов встал в полный рост и грудью закрыл амбразуру фашистского дзота. Пожертвовав собой, Матросов спас десятки жизней товарищей и обеспечил успех операции.

Героический подвиг Матросова не был внезапным порывом. Он подготовлен множеством честных и бесстрашных поступков героя в довоенные и фронтовые годы жизни. В решающую минуту в характере Матросова раскрылось все лучшее, что дали ему Ивановский детский дом, школа, пионерская и комсомольская организации. Он не колеблясь принял решение, на какое может отважиться лишь человек сильной воли, настоящий патриот Родины, для которого советская земля дороже самой жизни.

Прославленный летчик, трижды Герой Советского Союза Александр Иванович Покрышкин, отвечая на вопрос, что такое подвиг, сказал: «Главным в подвиге, на

мой взгляд, является его общественная значимость. Подвиг совершается во имя людей и требует от человека максимального напряжения всех сил, самоотверженности, а иногда и самопожертвования. Дело ведь не в риске, к которому приводит проявление мужества, отваги. Матросов пожертвовал собой, спас десятки жизней, обеспечил успех боевой операции. Причем, вспомните, как расчетливо действовал герой. Он не подвергал себя случайному риску, не бравировал своей храбростью. Настоящий героизм проявляется вовсе не в том, что люди не считаются с опасностью. Саша это отлично понимал и действовал с предельной осторожностью, трезво учитывая опасность, и бросился на амбразуру дзота только тогда, когда исчерпал другие возможности подавить огневую точку врага».

Так утвердил свое бессмертие юный автоматчик, девятнадцатилетний комсомолец Александр Матросов. С этого дня его имя стало означать предел благородства, стойкости, мужества и преданности Отчизне. Там, где оборвалась нить его жизни, началось его бессмертие.

Отважному воину было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза, а его имя навечно зачислено в списки 1-й роты своего гвардейского полка, который стал полком имени Александра Матросова.

О подвиге Героя Советского Союза Александра Матросова написано много книг и статей. Но очень скупо рассказано о годах его жизни в Ивановском детском доме Ульяновской области, где он прожил почти шесть лет (с 1935 года по август 1940 года). А между тем это были важные для Саши Матросова годы, когда формировалось его мировоззрение, складывался и мужал его характер. Здесь, на ульяновской земле, на волжских просторах, — истоки его бессмертного подвига.

В Ивановке, под кровлей старого, неприметного дома, прошло детство и отрочество Александра Матросова. Но Саше тесны были эти добротные сосновые стены детдома. Ему нужен был весь мир. С его ранними летними рассветами, с вешними ручьями, с зимними выюгами. С его трудом и борьбой.

И Саша смело шел в этот сложный и прекрасный мир, стремясь понять его и жить в нем, не боясь трудностей. Здесь, в Ивановке, ему были преподаны первые уроки трудолюбия, честности, справедливости и доброты. Позднее они помогли Саше стать Человеком с большой буквы.

Тогда он еще не знал и не мог знать, что ему, простому пареньку, суждено навечно остаться правофланговым в атакующих шеренгах, в рядах борцов за счастье человечества.

Известны десятки примеров, которые говорят о Сашинем благородстве, о его доброте, скромности, смелости.

Бывший детдомовец, ныне рабочий совхоза «Россия» Ульяновского района Иван Михайлович Синягин с чувством большой благодарности вспоминает такой случай. Однажды, летом 1937 года, Ваня Синягин осколком стекла поранил ногу и слег в постель. Ему очень хотелось вместе со всеми купаться в речушке Дреме, ездить в ночное, ловить рыбу... А нога заживала медленно. Чтобы помочь товарищу, Саша Матросов смастерил тележку и возил в ней Ваню на рыбалку или на поляну к семи дубкам, где ребята играли в «Чапаева».

Вспоминает друг Саши по Ивановскому детскому дому Михаил Григорьевич Саулин.

— Как-то, тем же летом 1937 года, мальчишки купались в пруду: одни барахтались в воде, другие лежали на песке. Вдруг один мальчик стал тонуть. Воспитанники перепуганно заметались по берегу. В это время прибежал Саша Матросов. Он не раздумывая прыгнул в воду и спас товарища.

А однажды Саша вместе с другими ребятами был в ночном, пас в лесу лошадей. Неожиданно на жеребенка напал волк. Саша схватил горящее полено и с криками бросился на серого разбойника. Зверь отступил.

В канун 1937 года Саша решил устроить для малышей-детдомовцев елку. Перед Новым годом, захватив санки, он отправился в лес. Пока бродил по лесу, выбирая елочку, разыгралась метель. В детдоме заметили отсутствие мальчика и отправились на поиски.

А Саша между тем упрямо пробивался сквозь пургу к детскому дому, с трудом волоча за собой санки с пушистой елкой.

Другой Сашин товарищ, Федор Иванович Хасанов, вспоминает о том, что Саша охотно помогал детдомовскому пасечнику и садоводу Андрею Лаврентьевичу Сироткину. В те годы в детском доме был богатый сад. Саша любил работать в нем, а когда созревали плоды, он переселился в шалаш и почти все лето жил в саду.

У Саши с Андреем Лаврентьевичем установились дружеские отношения: привлекал к себе Сашу «пчели-

ный комендант» (так в шутку Саша звал Андрея Лаврентьевича) не только душевностью, но и влюбленностью в природу. Многое знал садовник, многое подмечал его зоркий глаз. И все это он старался передать Саше.

Старожилы Ивановского детского дома помнят, как Матросов однажды в грозу спас грачат. Было это в начале лета. На вершине самого высокого дерева, росшего близ школы, грачи свили гнездо. У них появились птенцы. И вот как-то во время урока разразилась гроза. Над парком бушевал ливень. От порывистого ветра вершина дерева так раскачалась, что из гнезда выпали два птенца (к счастью, они упали на сено). Это заметил Саша. И с криком: «Они разбились!» — выскочил на улицу. Урок, конечно, был сорван. Когда ветер притих, Саша сунул грачат за пазуху, вскарабкался на дерево и положил птенцов в гнездо... Директор детского дома вызвал к себе Сашу, сделал ему строгое внушение, но не наказал: ведь он в страшный ливень спас птенцов.

Матросов рос трудолюбивым мальчиком. Больше всего он любил косить. Едва занимался рассвет, Саша уже был на ногах. Вместе с дедом Исаем — конюхом детдома — запрягут лошадь и — в отраденский лес. А там, присев у шалаша, отобьют косы, наточат их и выходят на обширную лесную поляну. Впереди — дед Исай. Сухой, жилистый. Саша приотстанет, но не сдается.

Бывший старший пионервожатый детдома Петр Петрович Федорченко вспоминает:

— В 1937 году у нас была создана пионерская организация. Первым в нее вступил Саша Матросов. Когда мы ездили на экскурсии в Ульяновск, то он особенно внимательно осматривал Дом-музей В. И. Ленина. И дольше всего задерживался в комнате Володи Ульянова. Сильное волнение охватывало Сашу всякий раз, когда он видел подлинные вещи, принадлежавшие юному Владимиру Ильичу.

Матросов восхищался крепкой дружбой братьев Ульяновых — Александра и Владимира, мужеством и сильной волей семнадцатилетнего Владимира Ульянова, который, несмотря на большое горе (казнь любимого брата Александра), упорно занимался, отлично сдал выпускные экзамены и 10 июня 1887 года окончил гимназию с золотой медалью.

Эти посещения ленинских мест в Ульяновске оказывали благотворное влияние на характер Матросова. Он ста-

новился более собранным, подтянутым, активным, еще охотнее, чем прежде, помогал отстававшим в учебе товарищам.

Саша восторгался героями гражданской войны. Он читал о них книги, любил ходить к братским могилам, которые находятся вблизи железнодорожной станции Охотничья и деревни Отрада.

— Надо было видеть, — продолжает Петр Петрович Федорченко, — каким суровым становилось лицо Матросова, когда он стоял перед обелиском на братской могиле красноармейцев Железной дивизии, павших в боях за освобождение Симбирска от белогвардейцев и интервентов.

...Лето 1937 года на Среднем Поволжье было на редкость благодатным, щедрым на тепло и дожди. Однажды Саша Матросов возвращался с рыбалки вместе со своим другом Федей Хасановым. В пути их застигла гроза. Запыхавшись от быстрого бега, они влетели в коридор школы. Саша подошел к окну, прижался лбом к раме и стал слушать шум дождя. Ливень мыл стекла, молнии, то и дело вспыхивая, словно вонзались в землю где-то совсем рядом, озаряя на миг тяжелую лиловую тучу. И когда очередная молния голубым светом наполнила школьный коридор, а затем грохнуло так, что задрожали стены школы, Саша заметил:

— Вот так, наверное, под Гвадалахарой пушки бабахают. Эх, если бы ты знал, Федя, как мне в Испанию хочется. Фашистов бить!..

В двадцатых числах июня Саша вместе с товарищами поехал в пионерский лагерь на Волгу. Но еще до отъезда он вместе с друзьями решил на плоту доплыть по Волге до моря, а затем махнуть в Испанию. Но их «заговор» был раскрыт, о чем Саша искренне сожалел...

С холма, на котором находится Ивановский детский дом, открывается красивейшая панорама. На юго-западной стороне метрах в 500, за небольшой сверкающей речушкой, пестреет разноцветьем крыш деревня Ивановка.

На восточной стороне площади уютного благоустроенного городка, каким выглядит теперь Ивановский детский дом, стоит двухэтажное деревянное здание, а в нем — музей Александра Матросова. Это здание возводили сами

воспитанники. Старожилы помнят, как осенью 1937 года распахнулись двери нового жилого корпуса.

По крутой деревянной лестнице мы поднимаемся на второй этаж, заходим в светлую, просторную комнату, в которой Саша прожил более трех лет. Первое, что бросается в глаза, — это огромный стенд «В детском доме у нас рос мальчишка Матросов». Над стендом — крылатые слова Александра Матросова: «Жизнь надо прожить так, чтобы легче было другим оттого, что ты живешь!» Они звучат как наказ нынешнему поколению воспитанников.

В Доме-музее на одной из многочисленных фотографий запечатлено занятие музыкального кружка. Среди юных музыкантов мы видим и Сашу Матросова. Он со своей неразлучной гитарой. Кружком тогда руководил воспитатель П. П. Резин. По его свидетельству, Саша активно участвовал в художественной самодеятельности, лихо плясал матросское «Яблочко», хорошо играл на гитаре и пел.

В комнате, где жил Матросов, хранятся многие его личные вещи. Тут можно видеть матросскую тельняшку, бескозырку. Саша так любил носить их! Кажется, что хозяин этих вещей отлучился из комнаты на минуту и вот-вот вернется сюда, наденет тельняшку, возьмет гитару, соберет вокруг себя друзей и заиграет любимое «Яблочко».

На тумбочке, рядом с бескозыркой, лежит стопка любимых Сашиных книг. Среди них — «Чапаев» Д. Фурманова и «Как закалялась сталь» Н. Островского. Героям этих книг — В. И. Чапаеву и Павке Корчагину — Саша старался во всем подражать.

Интересную деталь в связи с этим отмечает в своих воспоминаниях Сашин друг Федор Иванович Хасанов. Он утверждает, что Саша не курил. И если кто-нибудь из сверстников предлагал ему закурить, он решительно заявлял: «Чапаев не курил, и я не буду!»

Бывший директор Ивановского детского дома Петр Иосифович Макаренко рассказывал о том, каким страстным любителем книг и вдумчивым читателем был Матросов.

Атмосфера, в которой он рос, пример старших товарищей, книги, которые он читал, песни, которые он пел, — все это научило его страстно любить свою Родину и ненавидеть врагов, подготовило к свершению подвига.

Как видим, высокие моральные качества, проявленные Александром Матросовым в боях с фашистами, формировались в стенах Ивановского детского дома. Об этом хорошо сказали в своей статье «В защиту героя», напечатанной в газете «Советская Россия» 14 мая 1970 года, Маршал Советского Союза А. И. Еременко и генерал армии М. И. Казаков: «Именно здесь, в Ивановке, в условиях здорового коллектива, на ленинских традициях формировался Матросов с его идейной убежденностью и высокими моральными качествами».

На широкой площади перед Домом-музеем, на пьедестале из серого гранита, подавшись вперед, застыл бронзовый Александр Матросов. Последнее мгновение перед броском на вражеский пулемет. В этом порыве он запомнился всему миру и стал символом.

Сюда ежедневно приходят воспитанники детского дома. Они бережно кладут цветы у подножия памятника и долго всматриваются в дорогие черты героя. Они знают, что в дни жестокого сражения с фашизмом он, Саша Матросов, спас жизнь, их будущее, их счастье.

И они стараются во всем быть похожими на него. И в эти минуты невольно вспоминаются слова Максима Горького:

«Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером...»

Н. Кузминский

БОЙ У РАЗВИЛКИ ДОРОГ

Широкое осеннее поле изрыто траншеями, испещрено воронками, исполосовано гусеницами танков. Через поле бегут три дороги. И по какой из них ни иди — обязательно столкнешься с врагом, который рвется к Москве. Да, по всем трем дорогам движутся сюда, к развилке, танковые дивизии генерал-полковника Гепнера.

Судьба Москвы в какой-то степени решалась и здесь, у этой развилки дорог на южных подступах к Волоколамску, где занял оборону 1289-й истребительный противотанковый артиллерийский полк, чтобы огнем своих орудий остановить врага.

Не обращая внимания ни на холодный дождь пополам со снегом, ни на изматывающую липкую грязь, артиллеристы оборудовали огневые позиции: рыли окопы, землянки и ходы сообщений, маскировали орудия, выкладывали снаряды. Знали, что бой предстоит тяжелый.

Однако три дня немецкие танки не появлялись. Пользуясь этим, батареи совершенствовали свою оборону, улучшали маскировку, глубже закапывались в землю.

Наступило утро четвертых суток.

Тучи рассеялись. Все вокруг заливали яркие солнечные лучи. Артиллеристы сидели у пушек, делились махоркой. В такое чудесное утро хорошо было вспомнить родные места.

— А у нас, на Суре, леса как здесь, — рассказывал товарищам радист пятой батареи Петр Стемасов. — И земля такая же. Гляжу вот на это поле и думаю: как похоже оно на одно место у нашего села. Даже вон и березка такая же...

Все посмотрели на одинокую березку у разбитой дороги и удивились: до сегодняшнего утра никто ее не замечал. А она, тоненькая, прямая, с кудрявыми пучками красновато-коричневых веток, стояла среди вымоин и грязи, родная, красивая, будто вымытая и расчесанная ласковыми материнскими руками. И уже жалели: сохранится ли она, когда здесь начнется бой...

Часам к девяти над лесом появился немецкий воздушный разведчик. Он кружил на большой высоте, потом улетел в сторону ближнего села, сбросил над ним листовки и вскоре исчез за горизонтом.

— Приготовиться! — скомандовал командир батареи лейтенант Беляков. — «Рама» не зря прилетала. Видимо, немцы уже где-то недалеко.

Но время шло, а вражеских войск не было. Лишь к вечеру на дорогу, охраняемую пятой батареей, из леса вышли три легких танка. Они двигались на большой скорости к селу Спас, находившемуся в двух километрах от огневых позиций полка. Очевидно, это была разведка.

— К орудиям! — скомандовал комбат Беляков.

И четыре пушечных ствола повернулись по направлению к танкам.

— Огонь!..

Последовал залп. Два танка были сразу подбиты. Один загорелся. Другой завертелся на месте, оставляя в грязи разорванную гусеницу. Третий круто развернулся

и попятился назад. Из подбитых машин выскакивали танкисты, но тут же падали, сраженные меткими пулями советских воинов. И снова над полем установилась тишина.

Остаток этого дня и ночь прошли спокойно. Враг не появлялся. Но от орудий артиллеристы не отходили, дежурили поочередно.

Рано утром, как только взошло солнце, небо загудело от появившихся из-за горизонта фашистских бомбардировщиков. Начав с ближнего села, они бомбили лесную дорогу, приближаясь к опушке, занятой полком. Вскоре бомбы начали падать и на пятую батарею. Лейтенант Беляков приказал расчетам укрыться в землянках. Только наблюдатели не спускали глаз с противоположного конца поля, откуда в любую минуту мог появиться враг.

«Ну теперь после бомбежки — начнется!.. — подумал Стемасов. — Главное — не прозевать танки». И он выглянул из землянки.

То, что увидел радист, заставило его забыть об опасности. В ста метрах позади траншеи от зажженного бомбой стога соломы загорелся трактор-тягач. Деревянный кузов его уже пылал. Огонь добирался до баков с горючим. «Куда же девался водитель?» — мелькнуло в мозгу. Стемасов кинулся к трактору. На горящие места полетели комья грязи и земли. Огонь отступил. Рывком распахнув дверцу кабины, Стемасов сел на сиденье, схватился за рычаги. В это время откуда-то прибежал водитель. Вдвоем они вывели трактор в безопасное место.

Стемасов нырнул в ближайший ход сообщения, чтобы вернуться к своим. В это время начались новые взрывы.

Комбат выскочил из укрытия и побежал к ближайшему орудью, рядом с которым взметнулось пламя. Но тут же раздался грохот нового разрыва, и лейтенант исчез в дыму. Стемасов бросился на помощь командиру. Он увидел его распластанным у колеса орудия. А с неба доносился приближающийся скрежет следующей бомбы. Подхватив лейтенанта, Стемасов перетащил его в свежую, еще горячую воронку.

Комбат был жив, но сильно контужен. Стемасов привел лейтенанта в сознание, вытер кровь с иссеченного мелкими осколками лица. В воронке было безопасно.

Им необходимо было теперь прорваться под огнем к блиндажу.

Но добрались они до блиндажа не скоро. Едва лишь переползли через край воронки, как оба тут же прижались к земле: у четвертого орудия горели ящики со снарядами. Над батареей нависла опасность. Снаряды могли начать рваться в любую секунду. Рыздумать некогда! Петр кинулся к ящикам.

Ослабевший после контузии комбат едва ли был способен вести борьбу за спасение боеприпасов. Под осколками бомб, рискуя погибнуть от взрыва снарядов, Петр Стемасов один вступил в единоборство с огнем. Опять пришла на выручку земля. Ею удалось присыпать, потушить снарядные ящики.

Отбомбившись, вражеские самолеты улетели. Артиллеристы вылезли из укрытий, проверяли состояние орудий, устраняя повреждения. Бомбовым ударом была разрушена одна землянка. Находившийся в ней орудийный расчет погиб. Орудия не пострадали, если не считать небольших царапин от осколков да присыпанных землей станин и колес.

Закончить восстановление позиций бойцам так и не удалось. Откуда-то издалека ударила вражеская артиллерия. Тяжелые снаряды нутужно сверлили воздух, падали где-то позади огневых позиций артполка на лесной опушке. Так продолжалось минут 30. А потом снова наступила тишина.

— Теперь скоро появятся танки, — предупредил батарейцев лейтенант Беляков. — Стрелять только по моей команде. Подпускать будем на самое близкое расстояние. Чтобы ни один снаряд не пропал даром!

Через четверть часа действительно показались немецкие танки. Шли они сразу по всем трем дорогам. Их было много...

Артиллеристы замерли у своих орудий, каждое мгновение готовые открыть огонь по фашистам. Однако комбат не спешил.

Но соседняя батарея не выдержала и открыла огонь. «Эх! Напрасно», — с досадой подумал Беляков.

Немецкие танки повернули стволы пушек в сторону преждевременно обнаружившей себя батареи. Передние свернули с дороги, вероятно получив приказ раздавить батарею гусеницами.

И в то же мгновение раздалась команда Белякова:

— Батарея, огонь!

Ухнули все орудия. Вспыхнули и остановились подбитые танки врага. Их обходили другие, открыв ответный огонь теперь уже и по пятой батарее.

Начался жестокий неравный бой: против каждой советской пушки вели огонь несколько фашистских танков. Дрожала от взрывов земля. Все вокруг окуталось дымом и пламенем.

Одно из орудий батареи, оставшееся без расчета, молчало. А танки наседали. Младший сержант мгновенно принял решение.

— Ботвин, за мной! — крикнул он санинструктору и побежал к пушке. Правда, прежде ему никогда не приходилось стрелять из нее. Но ведь он — радист батареи — постоянно был рядом с орудиями. И Стемасов стал наводить орудие на приближавшийся танк, а санинструктор занял место заряжающего.

— Огонь! — скомандовал сам себе младший сержант и дернул за шнур.

Танк остановился. Из него вырвались языки пламени. Попал! Теперь следующий! Так они подбили три танка, но внезапно рядом разорвался снаряд и вывел из строя накатник орудия...

— Танки с тыла! — слышался тревожный голос командира батареи. — Стемасов, давай к первому орудю!

Двенадцать машин, скрываясь за редколесьем, обошли огневые позиции и теперь выползали на открытое место позади батареи. И младший сержант бросился к первому орудю. Около него находились тяжело раненный командир взвода лейтенант Соколовский, который сидя пытался управлять орудием, и один боец из расчета. На помощь к ним прибежал комбат и стал наводчиком, а Стемасов — заряжающим.

5 танков из 12 прорвавшихся в тыл были подбиты. Остальные повернули назад и скрылись в лесу.

А бой продолжался. Вскоре еще два орудия батареи вышли из строя. Артиллеристы взялись за гранаты.

В это время из штаба полка поступил приказ: оставшемуся личному составу батареи отходить к Волоколамску. Комбат собрал уцелевших людей. Вместе с ранеными их было всего около десяти человек.

Стемасов забежал в землянку радистов. Он приказал свернуть рацию и отходить по траншее в лес. Потом сам

стал выбираться вслед за ними. Но тут услышал рокот моторов: из лесу с юга опять выходили танки, медленно двигаясь по разбитой дороге. А рядом — наше орудие. Оно оказалось исправным, только разбита панорама. Все бойцы расчета лежали мертвыми. В окопе — несколько снарядов.

Но как теперь развернуть пушку в сторону приближавшихся танков? Стемасов уцепился руками за конец станины — она не сдвинулась. Рядом в траншее нашел лом и, подсунув его под станину, стал медленно поворачивать орудие. Пот лил с него градом.

Первый выстрел — мимо! По неопытности он намотал спусковой шнур на правую руку, и когда дернул за спуск, то вывихнул себе палец. Превозмогая боль, левой рукой оттянул палец и поставил его на свое место. Со второго выстрела танк загорелся. Неожиданно к Стемасову подбежал наводчик соседней батареи Неронов.

— Давай скорей панораму!

Неронов быстро принес запасную панораму. Теперь можно было наводить точнее.

На дороге уже пылали три немецких танка. На большее не хватило снарядов.

В опустевших траншеях артиллеристы нашли несколько ящиков. К сожалению, это были не бронебойные, а шрапнель.

— Такими броню не пробьешь, — сказал Неронов. — Ими только по пехоте.

— Подождем ее, — сказал спокойно Стемасов. — За танками она обязательно появится.

Они выложили все снаряды на землю у станины пушки и стали ждать. Нужен был ключ для установки взрывателя на определенную дистанцию стрельбы. Но ключа у Неронова не было.

— Обойдемся и без него. Подпустим фашистов ближе и будем бить в упор.

И вот из леса показалась пехота. Гитлеровцы шли походной колонной, уверенные, что танки смяли все. Они двигались медленно: дорога разбита, грязь, кругом на поле — подбитые и горящие машины.

Неронов горячится. Настаивает быстрее открыть огонь. И Стемасову приходится осаживать его: «Подожди, пусть подойдут поближе».

Напряженно наблюдают два бойца, как к ним приближаются серо-зеленые мундиры.

Вот первые ряды уже в двухстах метрах. Сто пятьдесят! Сто!

Огонь! Выстрел!.. Огонь! Выстрел! Два отважных артиллериста стали бить в упор. Шрапнель разила заматававшихся фашистов. На поле — крики, автоматная стрельба, свист пуль. Враги залегли и открыли по смельчакам ответный огонь.

Стемасов и Неронов укрылись за бруствером окопа.

Когда пушка замолчала, немцы попытались пойти в атаку. Но смертоносный огонь снова прижимал их к земле. Они расплзались по сторонам, укрывались в воронках, за подбитыми танками, но и там их настигала оружейная шрапнель.

Около часу шел этот поединок двух советских солдат с пехотной колонной противника.

А когда был выпущен последний снаряд, наши храбрыцы сняли с орудия панораму, вынули затвор и, пробираясь по траншее, исчезли в лесу.

...Шагая по глухой лесной дороге, куда немцы не сме-ли соваться, Стемасов и Неронов молча вспоминали события этого напряженного боевого дня. И самим не верилось, что это случилось с ними и что после всего они остались живы.

Вскоре из молодой сосновой поросли навстречу им вышел лейтенант Беляков. Он был ранен и опирался на палку. Стемасов доложил ему о бое с пехотой и танками. Беляков крепко пожал обоим руки. Солдаты принесли им хлеба и по куску сала. Тут только Стемасов почувствовал, как он голоден: с самого утра ничего не ел. Когда подкрепились, Стемасов обратился к комбату:

— А как же с пушкой? Нельзя же ее бросать.

Лейтенант молчал. Молчали и остальные: все знали приказ — врагу ничего не оставлять.

— Пушку, конечно, надо увезти, — сказал Беляков. — Но как? Ведь у нас последний тягач. А там кругом немцы: их люди, автомашины.

— Вот и хорошо. Подумают, что это их машина. Мы пойдем на тихом ходу.

— Ну что ж... Берите трактор. Только будьте осторожнее!

Расчет Стемасова оказался верным. Среди темной ночи, когда на дорогах ревели моторы немецких автомашин, их не заметили. Тихо подошли к орудью, прицепили его и тронулись в обратный путь. Пушка была спасена.

Семь долгих суток вызволяли Стемасов с Нероновым драгоценную пушку, пробираясь на тракторе по глухим лесным дорогам в тылу у противника. Где не хватало лошадиных сил мотора, подключали свои, человеческие. Однажды засели в трясине. Да так, что лишь с помощью местных крестьян — стариков и подростков — спасли боевую технику от стремительных объятий болота. По дороге подбирали шедших раненых и оставших бойцов.

И, когда под Истрой разыскали свой полк, Стемасов доложил комбату: «Прибыл с трактором, пушкой и семнадцатью бойцами».

Беляков обнял его: «А ведь мы уже считали вас погибшими...»

* * *

Впереди предстояли новые жестокие бои с врагом. До последнего дня войны в них участвовал ульяновец Стемасов из села Аркаево Сурского района. Сержантские погоны его сменились офицерскими, грудь украсили полоски орденских ленточек, выше которых поблескивала гранями Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Петр Дмитриевич Стемасов на всю жизнь связал свою судьбу с Вооруженными Силами страны. Он и поныне служит в их рядах, делясь боевым богатым опытом с молодыми солдатами.

П. Ковальчук

СНАЙПЕРСКИЙ СЧЕТ

Генералу уже не раз докладывали о необыкновенно метком снайпере, который без промаха бьет фашистов с больших дистанций. И вот он решил лично посмотреть «работу» солдата.

Задолго до рассвета вместе с Петром Голиченковым устроились в хорошо замаскированном снайперском блиндаже и стали ждать.

Стояла гнетущая тишина. На этом участке фронта фашисты были очень осторожны. Они боялись меткой снайперской пули, которая доставала их, казалось, в самом недостижимом месте. Немцам было известно не только

то, что здесь действует необыкновенно меткий снайпер. Они знали даже его фамилию. Не раз из их репродукторов слышались выкрики:

— Голиченков капут!.. Голиченков свинья!..

Снайпер начал было уже досадовать, что ему, видимо, так и не придется сегодня ни одного фрица ухлопать, как за Невой показался гитлеровец. Он, пригибаясь, отбежал в сторону от блиндажа, присел...

— Больше тысячи метров... — на глаз определил генерал.

— Ничего, попробуем, — ответил снайпер, не отрываясь от оптического прибора...

Раздался выстрел, фриц клюнул носом, перевернулся, да так и остался лежать.

— Благодарю за службу, — сказал генерал. — Признаться, не ожидал, что достанешь фашиста на таком расстоянии...

И хотя Петр ничего не ответил генералу, но про себя подумал: «Это для меня не ново. Многие не верили». Недоверие окружающим Голиченков внушал прежде всего своим ростом. Даже в армию брать не хотели: мал ростом, говорили, четырех сантиметров до нормы не хватало. А когда в плен попал, немцы и обыскивать его не стали. Видимо, не приняли этого «коротышку» за полноценного солдата. Это обстоятельство, как мы узнаем позже, и спасло его.

Было это еще в начале войны. Нападение фашистской Германии на Советский Союз застало полк, где служил Голиченков, в литовских лесах, у самой границы. С первого же дня им пришлось отступать.

Батальон, в котором находился Петр Голиченков, прикрывал отступление. В то время наши солдаты были не обстреляны и кланялись каждой пуле. Немцы, воспользовавшись внезапностью нападения и превосходством в силах, шли безостановочно вперед. Они растекались по многочисленным дорогам и тропам, просачивались в тыл. И неудивительно, что батальон оказался в окружении.

Командир батальона капитан Кондрашин, земляк Голиченкова, решил послать группу бойцов в разведку. Он приказал выяснить расположение и численность вражеских войск, возможность выхода из окружения. Уже вторые сутки разведчики вели наблюдение, изучали расположение противника. Немцы не подозревали, что у них

П. И. Голиченков.

под самым носом — советские воины. Разведка подходила к концу, когда один из бойцов своей неосторожностью выдал себя и товарищей. Завязался жестокий неравный бой. Четыре товарища Петра были убиты. Голиченков, оставшись один, упорно отстреливаясь, отползал в глубь леса и не заметил, как несколько здоровенных фашистов, подкравшись сзади, неожиданно навалились на него. Увидев, как он дрожит всем телом, как у него подкашиваются ноги, гитлеровцы начали гром-

ко хохотать, перебрасываясь между собой непонятными для него, но, видимо, обидными репликами. Они настолько развеселились, что даже не обыскали этого щуплого и, как им казалось, насмерть перепуганного солдатика. А у него в карманах были гранаты.

Подталкивая пленного прикладами и потешаясь над ним, фашисты привели его в штабную землянку. Там пьянствовали офицеры. Один из них тупо уставился на пленного, вытащил парабеллум и стал угрожать ему:

— Рус Иван, ковори!.. Буду стреляй!.. Раз... два!..

Голиченков прикинулся глухонемым. Он глупо моргал глазами, дрожал, показывал то на язык, то на уши, издавал нечленораздельные, мычащие звуки. Фашисты громко хохотали. Их забавляло поведение пленного «Ивана». Потом один из офицеров приказал отправить его в тыл.

Голиченков шел в окружении десяти немецких солдат. Скорее всего это был не конвой, им надо было куда-то по своим делам. Вероятно, поэтому они и не обращали внимания на пленного. Лишь изредка подталкивали, указывая ему, куда идти. Пройдя километра 2—3 лесом, сделали привал на небольшой полянке. Летняя ночь подходила к концу. На востоке занималась заря. Немцы рас-

селись около ручья. Закурили, потом вынули из рюкзаков водку и стали готовить закуску. Голиченков начал знаками показывать, что ему бы надо отлучиться по нужде. Немецкий ефрейтор брезгливо поморщился и показал на дальние кусты. Никто из фашистов даже не посмотрел в ту сторону, куда направился русский «Иван». Все они были заняты своим делом. А Голиченков, воспользовавшись этим, зашел за куст, вытащил из кармана две «лимонки» и метнул их одну за другой в гитлеровцев. Гранаты сделали свое дело. Пять фашистов были убиты, три тяжело ранены, а двое, легко раненные, бросились бежать. Голиченков в мгновение оказался у дерева, на сучьях которого висело несколько немецких автоматов, схватил один из них и короткими очередями уложил убегающих.

Забрав документы, Петр Голиченков решил пробираться к своим. И тут у него мелькнула дерзкая мысль: а что, если попытаться уничтожить тех пьяных фашистов, что так пренебрежительно смеялись над ним? При воспоминании о недавно перенесенном унижении его охватывала такая жгучая ненависть, что он больше ни о чем не думал. Голиченков подобрал несколько гранат, надел немецкое обмундирование. Правда, оно было ему немного великовато. Но ничего! Через полчаса он уже был у офицерского блиндажа, в котором его допрашивали. Выждав, когда часовой отошел в сторону, Голиченков быстро проскользнул в блиндаж. Там было тихо. Перепившиеся фашисты спали мертвецким сном. Никто даже не пошевелинулся, когда он вошел. Голиченков уже поднял автомат, но тут он увидел на столе офицерскую планшетку с картой, на которую было нанесено расположение немецких и наших войск. И это остановило Голиченкова. Не поднимая шума, он прихватил эту планшетку и незаметно выскользнул из блиндажа.

Добытая разведчиком карта оказала батальону неоценимую услугу. Через сутки он вышел из окружения, не потеряв почти ни одного человека!

В те первые месяцы войны, когда наша армия под натиском превосходящих сил противника вынуждена была отступать, Петру Голиченкову приходилось быть не только разведчиком. Он ходил в атаки, был пулеметчиком, метко разил врага.

Но недолго Петру Голиченкову пришлось воевать в своем батальоне. 19 июля его ранило. Госпитальное суд-

но, на котором он находился вместе с другими ранеными советскими воинами, на пути в Ленинград в нарушение всех международных норм было атаковано фашистскими самолетами. Почти все раненые погибли. Голиченков сумел несколько часов продержаться в открытом море на спасательном поясе, пока его не подобрало проходящее судно.

После излечения в госпитале он был направлен в 340-й стрелковый полк 46-й стрелковой дивизии, оборонявшей Ленинград. Тут он и стал снайпером. Наши войска под Ленинградом перешли к обороне. Фашисты, окружившие плотным кольцом город, начали долгую и жестокую блокаду. Но даже в короткие часы, когда на фронте устанавливалось относительное затишье, снайперская дуэль не прекращалась. В числе лучших стрелков Ленинградского фронта был и Петр Голиченков. Его снайперское мастерство росло с каждым днем. Он, что называется, не по дням, а по часам увеличивал свой снайперский счет. По всему фронту гремело имя Петра Голиченкова — грозного истребителя фашистов.

Но в боевой жизни снайпера были не только успехи. Не случайно в народе говорят: на войне, как на войне. Здесь малейшая оплошность может обойтись дорого. Так случилось однажды и с Голиченковым.

21 декабря. Голиченков вместе со старшим лейтенантом Калининым засели в одном из блиндажей на переднем крае обороны. Был на редкость ясный, морозный день. Ночью прошел снег, и теперь все вокруг отливало серебром, слепило глаза. Даже маленькая черная точка была видна за километры.

Голиченков напряженно, до боли в глазах вглядывался в каждый бугорок, в каждый кустик. Надо сказать, что «охота» в этот день была на редкость удачной. Только за полдень перевалило, а снайпер уже уложил 17 фашистов. Поймав в оптический прицел очередную свою жертву, Голиченков нажал спусковой крючок, но выстрела не последовало: кончились патроны. Не отрываясь от прицела, он попросил старшего лейтенанта подать патрон. Тот выполнил его просьбу. Голиченков зарядил винтовку, выстрелил. Фашист свалился. Но этот выстрел обошелся дорого. По недосмотру Калинина пуля оказалась трассирующей. Этого было достаточно, чтобы враг сразу обнаружил нашего снайпера. Фашисты сначала выкатили пушку, намереваясь прямой наводкой расстрелять

блиндаж. Но, пока они изготавливались к стрельбе, Голиченков уничтожил весь артиллерийский расчет. Разъяренные фашисты открыли по блиндажу огонь с закрытых позиций. Они выпустили около ста тяжелых снарядов. Блиндаж не выдержал. Гитлеровцы имели основание торжествовать: бревенчатые накаты обрушились. Значит, со снайпером покончено, решили враги. Их репродукторы надрывно кричали: «Голиченков капут!.. Нет больше русский снайпер!..»

Однако рано радовались фашисты. К разбитому блиндажу пробралась храбрая девушка-санитарка. Здесь она увидела Голиченкова, который сидел в углу, прижатый бревнами. Он был сильно контужен. Только к утру ему стало чуть полегче. Отважная санитарка вынесла его на себе из разрушенного блиндажа и доставила в санчасть, откуда Голиченкова перевели в один из ленинградских госпиталей. Там его навестил член политбюро ЦК нашей партии, член Военного Совета Ленинградского фронта А. А. Жданов. Правда, поговорить с ним Петр Голиченков не смог. В результате сильной контузии он лишился речи и слуха. Жданов вызвал лучших специалистов медиков и попросил их сделать все возможное для спасения отважного солдата. А пока Петр находился в госпитале, его заменяли ученики. Меткие пули по-прежнему настигали врага.

Выздоровев, Петр Голиченков вернулся в свой полк и опять взялся за свое снайперское дело. 6 февраля 1942 года на его боевом счету было уже 140 уничтоженных фашистов.

...Вечером едва Петр появился в землянке снайперов, как его вызвали в штаб батальона. Он почему-то заволновался. В штабе командир торжественно объявил, что рядовому Петру Ивановичу Голиченкову Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза.

В эту ночь Петру Голиченкову так и не удалось уснуть. Из штаба батальона его направили в штаб полка, оттуда в штаб дивизии, потом в штаб армии, а к утру он уже был в Смольном.

Смольный... Здесь был штаб революции. Здесь работал Ленин. Сейчас здесь штаб героической обороны Ленинграда.

Героя Советского Союза Петра Голиченкова встретил член Военного Совета фронта А. А. Жданов. В ответ на

его поздравление снайпер четко ответил: «Служу Советскому Союзу!»

Спустя несколько дней здесь же, в Смольном, А. А. Жданов вручал Петру Голиченкову орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», именную снайперскую винтовку и бинокль. В заключение он выразил пожелание, чтобы Голиченков занялся подготовкой снайперов.

Вернувшись в часть, Голиченков организовал прямо на переднем крае снайперскую школу. Петр постоянно напоминал своим ученикам, что для снайпера главное — выдержка, сосредоточенность и наблюдательность, хитрость и умение быстро ориентироваться на местности. И, конечно, твердая рука, хладнокровие, меткий глаз. Все эти качества были присущи самому Голиченкову. Он мог сутками на морозе терпеливо ждать, пока не появится фашист. Он так натренировал свой глаз и память, что стоило ему побывать только раз на участке, чтобы запомнить его в мельчайших подробностях.

В 1943 году, когда ему был предоставлен отпуск по болезни (после этого на фронт он уже не возвратился: по состоянию здоровья в звании лейтенанта его направили в войска Приволжского военного округа), в снайперской книжке Голиченкова значилось 225 истребленных захватчиков. Целый батальон! К тому же времени он подготовил 231 снайпера, на боевом счету которых было более 4 тысяч немецких фашистов.

* * *

Давно отгремела война. Вернулся в отчий дом и Петр Голиченков. Он поселился в родном селе Должниково Инзенского района. И хотя врачи не позволяют ему работать, он сидеть без дела не может. Много у него общественной работы. Его часто приглашают в школы, и он рассказывает ребятам о войне, об отваге и мужестве фронтовых друзей. И каждый раз в эти часы воспоминаний у него перед глазами встает тот четырехлетний мальчишка, которого он со своими боевыми товарищами спас в одной из захваченных немцами деревушке.

А было это так. Голиченков и еще три разведчика отправились на выполнение боевого задания. Темная осенняя ночь. Кругом зловещая тишина. В деревеньке, кажется, ни души. Разведчики где ползком, где перебежками пробирались от двора ко двору. И вдруг слышат плач ре-

бенка. Сквозь закрытые ставни окон пробивался едва заметный луч света. Голиченков на минуту припал глазом к щелке.

— Товарищ сержант, фрицы пьяные, и мальчишка на полу, — взволнованно доложил он.

Разведчики бесшумно врываются в дом. За столом пьяные немцы. Они громко разговаривают, хохочут, а на полу ползает ребенок и жадно подбирает разбросанные объедки...

Гитлеровцы не успели опомниться, как были уничтожены.

Голиченков бережно поднял на руки дрожавшего от страха мальчонку, прикрыл его плащ-палаткой и, ласково погладив по белокурой головке, сказал:

— Не бойся, теперь тебе будет хорошо.

Утром он чуть ли не со слезами расставался с малышом, которого командование отправляло в глубокий тыл.

— Где он теперь? Наверное, где-то работает, а может быть, служит в Советской Армии. Пускай будет счастливым, — задумчиво говорит Петр Иванович.

В. Лебедев

ПОДВИГ ВОЕНВРАЧА

Детство Марии, пожалуй, ничем не отличалось от детства ее подруг. Она была такой же, как и ее сверстницы. Может быть, только упрямее других.

В те годы Мусоровы жили в городе Мелекессе (ныне Димитровград), что раскинулся на живописных берегах реки Черемшан, впадающей в Волгу. Отец Марии всю свою жизнь, почти полвека, проработал на льнокомбинате — ремонтировал прядильные машины. Дом на фабричной улице Федор Яковлевич построил своими руками. Развел сад, в котором каждое деревце было любовно выращено им, его женой Анастасией Петровной с помощью дочерей. В детях своих с ранних лет родители воспитывали любовь к труду и то упорство, без которого немислим успех любого дела.

Многое успевала делать Мария и по дому. Бывало, придет из школы и тут же берется за дело, чтобы помочь

матери, — то постирает, то погладит белье, то за уборку в доме возьмется. А в отсутствие матери вообще все хозяйство оставалось на ней.

Родители берегли Машу, но не баловали. Они считали, что заниматься домашними делами должен каждый член семьи.

Училась Маша прилежно. Особенно любила она литературу.

— Все мы в ту пору увлекались литературой, — рассказывает одноклассница Марии Нина Шуранова. — Учили наизусть произведения Пушкина, Лермонтова и других писателей, зачитывались книгами Горького. Любили поспорить, думали о будущем. В выпускном классе мы часто занимались вместе, и, как бы поздно ни засиживались вместе, Маша никогда не оставляла невыученного урока, с какой-то мягкой настойчивостью обязательно заставляла выучить их и меня. В выполнении уроков проявлялась характерная ее черта: то, что поручено, беспрекословно выполнять, не жалуясь на трудности, не оставляя на завтра.

Учителя любили Марию Мусорову за прилежность, за глубокий и гибкий ум, за постоянную пытливость. Эти черты ее характера особенно по душе пришлись преподавателю русского языка и литературы Елене Петровне Горбалевой. Но эта любовь педагога к первой ученице появилась не сразу.

— Припоминается такой случай, — рассказывает Мария Артамонова, дружившая с Машей Мусоровой с десятилетнего возраста до ухода ее на фронт. — Однажды, готовясь вместе к урокам, мы отвечали друг другу выученное. Маруся очень подробно, даже образно, рассказала материал по литературе.

— Не понимаю, почему тебе Елена Петровна ставит «удочку»? — невольно вырвалось у меня.

— Она очень требовательная, — ответила Маруся. — И все-таки я буду учиться на «отлично».

Да, Елена Петровна Горбалева — одна из тех учителей, которые обычно строги с учениками и которые добиваются признательности и расположения у них не поблажками, а справедливой требовательностью. Елена Петровна была человеком душевным, влюбленным в свою профессию. Она сумела зажечь в Марии и ее подругах любовь к Родине, к Волге, к своему городу. Уроки, душевные беседы учительницы заронили в сердцах

учеников те искры великого и прекрасного чувства, которые мы называем патриотизмом *.

Предмет, который вела Е. П. Горбалева, Мария Мусорова любила, изучала его настойчиво. Но учительница все же считала, что от Маши можно ожидать большего, и потому первое время выставляла ей оценку «удовлетворительно».

Как-то Мария, получив такую оценку, с обидой в голосе сказала:

— У меня все «уд» и «уд». Когда же будет «хорошо»?

— Это зависит только от тебя, — ответила учительница.

Мария задумалась, вспомнила разговор на эту тему с подругой и повторила свое обещание:

— Хорошо, я постараюсь, будет и у меня «отлично». И Маша сдержала свое слово.

Миновала пора детства. Позади — выпускные экзамены. На вопрос, который всегда волнует выпускников, — кем быть? — Мария уже давно ответила: «Буду врачом».

...Стоял жаркий летний день. В доме Мусоровых собрались подружки Марии по случаю ее отъезда в Куйбышев.

Вдруг разразилась сильная гроза. Почти непрерывно, словно артиллерийская канонада, грохотал гром. Ливневый дождь барабанил по крышам, по улицам неслись шумные потоки воды.

— Приближалось время отхода поезда, — вспоминает М. Артамонова, — а ливень и гроза не утихали. В комнате все сотрясало от раскатов грома. Стрелки часов показывали десять вечера.

— Всё, едем! — сказала Мария и решительно направилась к двери. Поднялись и подружки.

— Ну куда ты в такую погоду? — уговаривала мать. — Обожди до завтра.

— Нет, мама, нельзя терять ни одного дня, — ласково, но настойчиво сказала Мария.

Подружки вышли из дома и побежали по улице...

Вот и вокзал. Билет куплен. Мария, промокшая до нитки, вошла в вагон и облегченно вздохнула. Было радостно на душе оттого, что она все-таки едет сегодня, а не завтра...

* Молодые ульяновцы в боях за Родину. Изд-во «Ульяновская правда», 1947, с. 16.

Когда Мария приехала в Куйбышев и пришла в медицинский институт, выяснилось, что поступить в это учебное заведение трудно: на каждое место несколько желающих. Многие абитуриенты приуныли. Но Мария упорно готовилась и была уверена, что выдержит экзамены.

Настойчивость и упорство помогли комсомолке Мусоровой стать студенткой медицинского института.

Мария училась хорошо. Она вела в институте большую общественную работу, была душой факультета. Комната в общежитии, где она жила с подругами, считалась образцовой.

— Хотя мы учились в разных институтах, — замечает Мария Артамонова, — но наша дружба не прервалась. В свободное от работы время я приходила к ней в общежитие и нередко заставляла ее за газетой в руках в кругу своих подруг. Ее, как и многих других комсомольцев, увлекали грандиозные стройки страны, сильные характеры людей.

— Чкалов мечтает о полете вокруг «шарика», — с восхищением говорила она однокурсникам. — Вот это мечта!

Она тоже любила мечтать. Но считала, что ее мечты не так смелы и потому не заслуживают того, чтобы о них говорили вслух...

Однажды она сказала подругам:

— Если человек усердно трудится, если хорошо делает свое дело, помогает людям жить лучше и сам стремится к чему-то большому, красивому и если он добивается того, чего хочет, то он совершает подвиг.

Эта мысль не была новой, но она увлекала ее своей простотой и логичностью. Наверное, как тысячи других советских девушек, она мечтала о таком подвиге*.

Быстро пролетели студенческие годы. В 1940 году Мария Федоровна Мусорова стала врачом. Ей предложили работу в Юловском санатории для детей. Она приняла это предложение с радостью, хотя ей сказали, что там будет трудно. Дело в том, что санатория как такового, по существу, не было. Было лишь название его да 5—6 деревянных домиков, требовавших большого ремонта. Но это не испугало молодого врача. С первых же дней она энергично взялась за дело. С помощью сельских женщин навела полнейший порядок в домах.

* Наша сверстница. — В кн.: Молодые ульяновцы в боях за Родину, с. 18.

Группами и в одиночку стали приезжать в санаторий школьники. С большой любовью и нежностью встречала их Мария Федоровна, окружая каждого материнской заботой и лаской. Каждый день, после утренней зарядки и завтрака, она приходила в палаты, справляясь о здоровье ребят, внимательно осматривала каждого из них. И, если находила, что мальчик или девочка нуждается в усиленном питании или индивидуальном уходе, Мария Федоровна делала необходимые назначения, принимая все меры, чтобы ребенок как можно быстрее поправился.

Работать приходилось много. Зато как радостно было у нее на душе, когда она, осматривая детей, видела, что их здоровье улучшается. Ребята возвращались домой посветлевшими, окрепшими, здоровыми.

Недолго пришлось работать Марии в санатории. Грянула война. Враг рвался к Москве. Мария, как и тысячи других патриотов, ушла на фронт. Первое боевое крещение она получила 25 июля 1941 года. То было тяжелое время, но письма, которые приходили от нее в родной дом, были наполнены оптимизмом, верой в нашу победу. Вот некоторые выдержки из них:

«...Мы уже на месте. Работаем. Не знаю только, долго ли мы здесь продержимся, так как по характеру нашей работы мы должны будем передвигаться. Местечко прекрасное. Лес. Вода. Плохо только, что беспокоят немецкие «птички». Вот и сейчас сижу на лужайке, а они «поют». Но это не так страшно, как казалось вначале. Прошу, особенно маму, обо мне не беспокоиться. Будем надеяться на скорую встречу. Надеяться всегда надо только на лучшее...»

«...Здесь я чувствую, что моя роль возросла во много раз, — пишет Мария в другом письме, — ведь я должна возвращать жизнь многим людям, которые снова пойдут на фронт защищать наше Отечество. Я еще больше поняла, насколько значимо мое пребывание именно здесь, а не дома. Как приятно смотреть, когда человек, благодаря твоим заботам, возвращается снова к жизни.»

«...Работать приходится много... Люди трудятся с энтузиазмом, с большим желанием помочь раненым, вкладывая в это дело всю свою силу и любовь...»

В этих и других письмах Марии Мусоровой, датированных первым годом войны, нет и тени уныния тех «отсталых», по ее выражению, настроений, которые она не любила.

А потом письма перестали приходить. Пропал человек...

И вот, когда уже отгремела война и наши люди вернулись к мирному труду, в дом Мусоровых на имя Федора Яковлевича пришло письмо из Франции.

«...Я только что возвратился на родину после четырехлетнего плена в Пруссии, — писал Дэфен Гастон, служащий городской управы. — В течение моего пребывания в Ортельсбурге, в Восточной Пруссии, я познакомился со многими русскими пленными, которые были нашими товарищами по несчастью. Я выжил благодаря Вашей дочери капитану-врачу Марии Мусоровой».

Из этого письма, напечатанного 9 июня 1946 года в «Комсомольской правде», все советские люди узнали о подвиге Марии Федоровны Мусоровой. Ни пытки, ни изощренные издевательства фашистов не сломили гордого духа советской женщины. Она погибла как героиня в страшных мучениях, пожертвовав собой ради спасения советского офицера и сохранения доверенной ей военной тайны.

А произошло это так.

26 марта 1942 года Марию Мусорову, находившуюся в Барановической крепости, гитлеровцы отправили в Восточную Пруссию в лагерь военнопленных близ города Ортельсбурга. Здесь, как об этом свидетельствует Дэфен Гастон, военврач Мария Мусорова около года выполняла тяжелую физическую работу, часто без пищи и теплой одежды. «...Я не могу все это вспоминать без боли в сердце, — пишет Д. Гастон, — так велики были страдания этих несчастных женщин».

Изнурительная физическая работа на фашистской каторге, холод и голод, моральная подавленность наводили порой на горькие размышления. Всякое приходило в голову. Много передумано в те долгие бессонные ночи. Казалось, все кончено. Для чего теперь жить? В такие минуты хотелось плакать, кричать. Ведь она еще так молода? Еще так мало сделано, а как хотелось быть полезной людям. И Мария продолжала стойко бороться. Среди военнопленных в фашистском лагере были и французы, и поляки, и чехи, и русские. Мария, видя их страдания, не только сочувствовала им, но и, постоянно рискуя жизнью, тайком оказывала им медицинскую помощь.

Когда у гитлеровцев не стало хватать врачей не только для лагерных пленных, но и для лечения своих раненых солдат и офицеров, поступавших в тыловые госпитали с

Восточного фронта, Марию взяли на работу в госпиталь для пленных.

Занимаясь лечебной работой, Мария Мусорова делала все возможное, чтобы облегчить страдания больных. Добывая тайком информацию о положении на фронтах, Мария приходила по вечерам к пленным и рассказывала им о последних новостях, об успешном продвижении советских войск на том или ином участке.

В августе 1944 года, когда советские войска успешно наступали в Восточной Пруссии, в фашистский лагерь привезли тяжело раненного советского офицера-парашютиста. У него были перебиты обе ноги. Мария Федоровна немедленно оказала ему медицинскую помощь. Улучив момент, когда она осталась одна, раненый лейтенант передал ей какие-то документы, которые она, не имея возможности сохранить, впоследствии уничтожила.

На другой день раненого парашютиста стал допрашивать гитлеровский офицер. «Он обещал пленному всяческие снисхождения в его пользу, — пишет Д. Гастон, — лишь бы он говорил. Но пленный категорически отказался отвечать на его вопросы и выдать какие-либо сведения. Он сказал переводчику, что теперь фашисты могут сделать с ним что угодно, так как он выполнил свою задачу. Это привело гитлеровцев в бешенство, и они бросили раненого в сарай».

Узнав об этом, Мария Мусорова ночью пробралась в сарай, где лежал умирающий советский парашютист. Осмотрев его, она поняла, что жизнь патриота под угрозой смерти и что спасти его сможет только переливание крови. Мария, не теряя ни минуты, отдала ему 400 граммов своей крови.

Утром снова начались допросы и издевательства над тяжелораненым. Но и на этот раз фашистские палачи не смогли сломить советского офицера. Не получив нужных им сведений, они увезли его из лагеря в Алейнштайн (Пруссия) и там расстреляли.

После этого для Марии наступили самые тяжелые дни в ее жизни. Гитлеровцы обвинили ее во всех неудачах с допросом русского офицера и уничтожении его документов. Ей было отказано во всем, даже в самой необходимой одежде. Допрашивали Марию каждый день. Иногда эти изнурительные допросы длились по часу и больше, фашисты жестоко избивали и мучили ее. Тело покрывалось кровоточащими ранами, но ее дух оставался непо-

колебимым. Мария стойко держалась на допросах. Никакая сила не могла заставить ее выдать тайну советского парашютиста, тайну его документов. Ни пытки, ни изощренные издевательства фашистов не сломили гордого духа советской женщины.

После допросов и издевательств, которые ничего не дали фашистским палачам, они решили покончить с Марией — утром ее привели в кабинет главного врача госпиталя и сделали укол якобы против тифа. На самом деле это было не так.

«На другой день, — пишет Д. Гастон, — Мария Федоровна слегла в постель от загадочной болезни. В следующие дни состояние ее здоровья быстро ухудшалось... После долгой агонии Мария Федоровна скончалась. Это было в 8 часов утра 14 октября.

Ее глаза горели, когда нам она говорила о своей стране, о Волге... Нужно было видеть, с каким вдохновением, несмотря на свои страдания, она умела подбодриться и уверить тех, которые в черные дни сомневались в конечной победе... Она была всегда для нас примером мужества...»

Последние слова военврача Марии Мусоровой были обращены к семье, к родителям, которые так горячо любили свою Марию, к ее сестрам. «Как жалко, — говорила она, — умереть, не имея возможности видеть радости и присутствовать на торжествах в честь окончательной победы нашей славной Красной Армии над врагами».

Отвечая Гастону Дэфену на его письмо, Федор Яковлевич Мусоров писал:

«В тяжелом родительском горе лишь одна мысль утешает меня — мысль о том, что в самые тяжелые минуты жизни она оставалась верной дочерью нашего народа. Я знаю, что в своем горе я не одинок. Во многих советских семьях погибли сыновья и дочери, отдав свои жизни на благо Родины, на благо всего человечества... И всех нас, отцов и матерей, потерявших своих детей в эту ужасную войну, сегодня беспокоят происки реакции... Народ Франции, народ моей страны, народы всего мира видели и пережили столько горя, ужаса, что сама мысль о том, что еще существуют, еще не раздавлены последователи кровавого фашизма, причиняет боль. Мы все вместе должны сказать: «Хватит!»

**«ПРИНАДЛЕЖУ К ДИНАСТИИ
ТАНКИСТОВ»**

Дмитрий Федорович Михеев двенадцатилетним мальчишкой поступил на Румянцевскую суконную фабрику. Принадлежала фабрика министру внутренних дел царского правительства Протопопову. Работа была тяжелой, работал много, но в отличие от министра богатств не накопил. Так и жил в тесной, полутемной землянке. Когда в Воецкое пришла весть об Октябрьской революции, колебаний не было. Путь выбрал раз и навсегда.

Банды, отряды, полчища недобитых, обманутых, охочих до чужого добра накатывались то с юга, то с севера. Надо было отбивать, отстаивать фабрику, теперь уже свою, народную. И был еще враг — голод. Продотрядовец Михеев не раз чувствовал, что, зло прищурившись, следит за ним кулацкий обреза.

После гражданской войны с такими же бедняками, как и сам, организовал сельскохозяйственную артель. И пошла жизнь все быстрее и быстрее...

Первая доменная печь Магнитогорска. Первый трактор. Первая линия московского метро... Все это было где-то там, далеко. Это было частью жизни каждого, потому что вся страна — наша, и каждый успех, каждый шаг, где бы он ни был сделан, — наш. И это было что-то совсем новое. Дмитрий Федорович приглядывался к людям, внимательно, подолгу смотрел на мальчишек. Его спрашивали:

— Ты что? Ты что замирать-то стал?

— А ведь люди-то новые растут... Вот что... Вот что главное...

И новые песни летели над страной — уже не тоска-кручинушка, не бесконечная усталость, не стон одиночки, а марш идущих вперед... идущих вместе, в одном строю. Не было еще такого. Не было таких песен раньше...

И новые сны снились мальчишкам. Мечтали мальчишки о новостройках, о садах в пустыне, об Арктике...

Приглядывался Дмитрий Федорович к мальчишкам, улыбался и головой покачивал, чувствовал — нет, не

удержать... Будто птиц на волю отпустили. Только и смотрят вдаль... Вот окрепнут крылья...

И в Воецком менялось все. Отступало старое. Вернее — неудержимо, как рассвет, наступало новое.

Трактор гремел серединой улицы. Шарахались в стороны ошалевшие куры. Жались к заборам старушки в темных платочках. А трактор — серединой улицы, сверкая металлом, гремя, будто раздвигая и сминая все, что было, а тракторист... Что там — Добрыня Никитич, Добрыня Никитич — сказка, а тут... И не смотрит — еще бы, такое дело! Трактор!

Трактор гремит по улице, а впереди — мальчишки, лавиной. И Михеевы, конечно, тут, всей стаей. Глаза огромные, кричать все еще пытаются:

— Трактор! Трактор! — а голосов-то уже нет, докричались...

Торжественно открыли школу. Загорелась лампочка Ильича... А учитель, Петр Васильевич, рассказывал о Дальнем Востоке, о танках... Видел, когда служил в армии, наши первые танки...

Подошла юность. Уехал на стройки Урала старший из братьев Михеевых, Александр. Ушли в армию Павел и Виктор. Павел — по возрасту, Виктор — добровольцем. Службу заканчивали на Дальнем Востоке. Там и на сверхсрочную решили остаться. Были уже старшинами. Уехал к ним Владимир. Мечтал об армии, но был молод, и в армию его пока не взяли. Жил то у Павла, то у Виктора. Если у старшины Виктора Михеева — художничал в красноармейском клубе, если у старшины Павла Михеева — слесарил в армейской ремонтной мастерской. Был уже мастер на все руки.

Подрастали Федор и Иван. Работали в МТС.

В бою у озера Ханко погиб пограничник Семен Лагода. По селу будто вихрь:

— Лагода?

— Семен? Наш?

Иван прибежал из МТС:

— Отец, надо ехать! Я заменю!

В комнату влетел Федор:

— Я старше! Граница — не шутки!

Отец слегка повысил голос:

— Тише! Кажется, я старше. Так решим. Едет Федор. А Ивану здесь за двоих работать и смену готовить. Осенью посмотрим...

В тот же день Дмитрий Федорович написал письмо командующему 1-й Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией маршалу В. К. Блюхеру: «...В пограничной схватке погиб наш земляк, Семен Лагода. Я — отец девяти сыновей. Два моих сына служат на Дальнем Востоке... Прошу Вас, разрешите еще одному моему сыну досрочно вступить в ряды РККА».

Для Федора наступили тяжелые дни. Если бы мог, пешком пошел бы навстречу ответу. И вот — ответ. Федор, как на крыльях, пролетел по селу:

— Разрешили! Еду!

Провожали его всем селом. Отправился с ним и отец: Федора проводить, старших проведать, землю нашу посмотреть. За окном проплывали города, новостройки, степи, бесконечные леса. Восходы один за другим спешили навстречу поезду...

— Смотри, Федор, какую страну охранять берешься!

— Понимаю...

Сыновья-дальневосточники показали, как живут, как служат. Дмитрий Федорович побывал в роте, где предстояло служить Федору. Видел танки. Сразу понял, как нужны армии эти машины. Подумал: «Вот бы моих на такую... Целый экипаж...» Мысль мелькнула... и осталась. Она крепла, становилась планом... В июне 1937 года Михеевы, отец и четверо сыновей, были на приеме в штабе армии. Долго говорили с начальником штаба и начальником политического управления. И решено было создать танковый экипаж братьев Михеевых — первый в нашей армии экипаж братьев.

Незадолго до двадцатой годовщины Великого Октября к Дмитрию Федоровичу примчались ребята, принесли телеграмму:

— Маршал Блюхер на парад приглашает!

— Сам маршал! Сам Блюхер!

И вот Дмитрий Федорович опять на Дальнем Востоке, в Хабаровске. Стоит на трибуне рядом с легендарным командармом. Крепится. Только трудно отцу быть спокойным: ведь первым идет танк Михеевых, его сыновей... Отличный экипаж, по которому равняются и сейчас, на параде, и всегда...

Потом Дмитрий Федорович придиричиво расспрашивал, что да как. Сыновья улыбались: чувствовали, что для отца они все еще малыши.

Дмитрий Федорович и сам видел — не мальчишки... Да ведь — если бы не его, а то его! Помнит и разбитые носы, и коленки в коричневых заплатах ссадин, и ссоры... И вечера, тихие и долгие. Брело усталое стадо. И мальчишки сидели усталые. Всё дню отдали. Добега-лись...

Так как же — не мальчишки?

И опять тревога — ну, хорошо, технику знают. Освоили. Молодцы. А понимают ли, что за плечами? Видят ли ясно, что защищать будут? И будто холодок пробежал — понял Дмитрий Федорович: так вот она, тревога, вот оно — главное... Огромная страна... Каждый успех, каждый шаг — наш... И новые песни... И если что — надо будет защищать... И защищать будут его сыновья, его мальчишки... Кольцо замкнулось — мальчишки... Все равно — мальчишки, всегда они будут для него мальчишками, его мальчишками!

Вечером Дмитрий Федорович подвел итоги:

— Кажется, все как надо...

— Почему — кажется, отец?

Отец думал о чем-то. Трогал седой ус.

— Что же, отец, а?

Дмитрий Федорович улыбнулся:

— Да нет, я о себе...

— О себе? Ты что?

— Край у вас хороший... Сказка. И вы тут... Вот что...

Ранней весной 1938 года семья Михеевых перебралась на Дальний Восток.

Дмитрий Федорович присматривался к земле, подмечал различия в цветах и травах, вглядывался, прищурившись, в необычно синюю даль.

— Вот, значит, новые места... И работать теперь — по-новому...

Жена улыбнулась:

— Это как же — по-новому? — Знала, что работать по-новому, как-то иначе, он не сможет. Работа всегда была для него главным. Работа была нужна ему как воздух, как радость.

Через год Дмитрий Федорович был утвержден участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Не отставали и сыновья. Еще двое ушли в армию и стали танкистами. И не просто танкистами, а отличниками службы, как и старшие. Владимира Михеева товарищи избрали депутатом Верховного Совета РСФСР.

Дни работы сессии Верховного Совета запомнились Владимиру на всю жизнь. Он слушал выступления депутатов, а видел огромную страну, новые заводы, колхозы, школы... Когда возвращался, в поезде узнал, что вечером 29 июля 1938 года японские самураи напали на пограничные посты в районе высоты Заозерной. Узнал о подвиге 11 пограничников. Они первыми встретили врага. В жестоком бою пятеро погибли, остальные были ранены, но не отступили.

Казалось, что поезд чуть ползет. Больше всего боялся, что полк уйдет в бой без него.

В полку все было готово к выступлению. Ждали приказа. Но проходили часы... Братья обратились к командиру:

— Просим послать в бой. Машина в отличном состоянии. Мы должны быть там!

Командир полка долго смотрел на братьев.

— У вас, Михеевы, все еще впереди...

* * *

Как отличников службы, Михеевых направили в танковое училище, в Ульяновск. Это было для них большим событием. Ехали в училище, известное всей стране, ехали на родину. И не просто на родину, а в Ульяновск...

Тихо прошли по небольшим комнатам Дома-музея Владимира Ильича Ленина. Молча постояли под тополями перед домом. И яснее, как-то шире увидели, какое дело доверено им — защита огромной страны, защита нового мира...

В училище Михеевы оставались первыми. Виктора Михеева, как отличника, товарищи избрали делегатом XVIII партийного съезда...

Танковое училище братья Михеевы окончили досрочно, в феврале 1940 года. Назначение получили в войска Киевского военного округа, на западную границу. Виктор стал командиром роты, Павел — его заместителем, Федор, Иван и Владимир возглавили танковые взводы.

Дмитрия Федоровича вызвали в Москву на совещание. И опять он ехал через всю страну. Под стук колес думал о жизни, подводил итоги последних лет. Сыновья на верной дороге. Он при нужном деле. И с делом справ-

ляется. Вот послали на Всесоюзное совещание. Избрали в Приморский краевой Совет депутатов трудящихся... За окном опять бегут леса, степи... Встречные поезда везут станки, автомашины... Все уже по-новому... И все хорошо... Все бы хорошо, если бы не война. Война полыхала в Европе, настойчиво и неотвратно подбиралась к нашим границам...

Из Москвы дал телеграмму сыновьям: «Еду проверить вашу боевую готовность...»

Как и положено, вначале заехал в штаб.

— Хочу посмотреть, как служат сыновья, чему научились, чему других учат...

С Дмитрием Федоровичем поехал пожилой полковник, командир дивизии. У него было усталое лицо и тревожный взгляд.

— Хороших командиров вы вырастили, — сказал полковник. — Боевые, упорные и дело знают.

«А что же?» — хотел спросить Дмитрий Федорович. Казалось, полковник недоговаривает чего-то...

Машина выехала на склон. Внизу белели палатки лагеря. Желтые дорожки расчертили зелень. Полковник смотрел за лагерь в размытую даль.

— А там, Дмитрий Федорович, граница... Близко...

Дмитрий Федорович слушал, как говорят сыновья с подчиненными, что подчиненные говорят о своих командирах, а в сердце звучали слова: «Граница... Близко...»

Проводили Дмитрия Федоровича в ночь на 20 июня 1941 года. Утром 22-го он был в Москве. Весть о войне застала на вокзале. И потемнело в глазах отца: как же ребята... Они ведь там, совсем близко...

Война для братьев Михеевых началась в первый день, в первый час. В четыре часа утра на лагерь упали бомбы. По дороге к границе — опять налет. Остановился танк Ивана: повреждена гусеница. Рвались бомбы, а экипаж ремонтировал машину: надо было спешить туда, к границе...

Первый бой приняли в Перемышле. На узких улицах гулко грохотали снаряды. Танкисты обороняли железнодорожный мост, отбивали атаки северо-западнее города. Фашисты стремились выйти на львовскую дорогу, отрезать город. Рота Владимира получила приказ отстоять дорогу. Владимир видел, что пехота до предела вымотана атаками врага. Надежда была только на танкистов.

Фашистские машины шли уверенно, строем. Владимир подпустил их совсем близко...

— Огонь!

Полетела в сторону башня первого танка. Завертелся, загребая гусеницей, второй. Черный дым над третьим. Пылает еще один...

Виктор был ранен, но продолжал бой... Потеряв восемь машин, гитлеровцы отступили.

Танкисты Михеевы начали тяжелый, непомерно долгий путь к сорок пятому...

В районе Буска танковая рота Михеевых нанесла удар по колонне врага. Было уничтожено 6 танков, 23 автомашины, 6 орудий.

Под Золочевом взвод Ивана Михеева оборонял переправу. Командир взвода помог спасти от огня танк товарища, отбуксировал под огнем еще одну поврежденную машину и опять— в бой... Удар... Танк резко развернулся... Гусеница... Вместе с водителем Иван пытался исправить гусеницу... Вражеский снаряд упал рядом...

Дымный закат отражался в реке. И зарево полыхало, как закат. Молча стояли танкисты. Стояли экипажи танков, спасенных коммунистом Михеевым.

— Клянемся отомстить! — сказал Владимир. Отгремел прощальный салют. И уже звали танки — моторы не глушили. Ждал новый бой...

Это был восьмой день войны... Сколько впереди таких дней? И как написать отцу?

Дмитрий Федорович ответил: «...Мне очень тяжело читать ваше письмо. Не хочется верить, что Ивана нет в живых. Стойте за русскую землю, сыны, беспощадно бейте ненавистного врага!»

Опять бои, опять дороги. Дороги отступления. Страшно было терять друзей. Страшно было видеть глаза детей, женщин...

Под Киевом погиб старший брат, Александр. Только он из братьев сомневался: получится ли из него солдат? Работал на Челябинском тракторном. Под Киевом, в Голосеевском лесу, полк, в который прибыл доброволец Александр Михеев, отбивал атаки эсэсовской дивизии «Дойчланд». Силы были неравными. Немецкие танки опять шли в атаку. Уже рядом... Сейчас прорвутся... И тогда Александр Михеев со связкой гранат бросился вперед...

Закалялось, крепло в боях мастерство Михеевых. Был назначен командиром отдельного танкового батальона Виктор. Его братья стали командирами рот. За бои под Сухачевкой Михеевы были награждены орденами Красного Знамени.

В июле 1942 года под Воронежем батальон получил приказ — еще на одном рубеже задержать врага. На рассвете, прямо с марша, танкисты ударили по колонне гитлеровцев. Оправившись от удара, враг начал атаки. Над полем появились вражеские самолеты. И бомбы не сломили танкистов. На несколько минут все стихло. Но уже нарастал грохот: опять шли машины с черными крестами. И опять бой...

Снаряд попал в машину Виктора. Тяжело раненного командира батальона заменил Владимир. Был ранен водитель танка Павла. Павел сам повел танк дальше. У танка Федора заклинило пушку, но и он не вышел из боя. Увидев, что немецкий танк рядом, он пошел на таран. С тремя танками противника сражался Владимир...

Танки врага отступили, и опять повисли в небе бомбардировщики, опять бьют по броне осколки, и опять — танки с черными крестами...

Был ранен Павел. Осколок перебил руку Владимиру. Он передал по ради: «Из боя не выходить. Нет снаряда — давите гусеницами. Перебиты гусеницы — используйте пулеметы и гранаты...»

После этого тяжелого боя война разбросала братьев по госпиталям, по разным дорогам, по разным фронтам...

Тяжело было Дмитрию Федоровичу, но, когда младшие сыновья молча встали перед ним, он понял все и только спросил:

— Иначе не можете?

— Нет.

И понял, что мог не спрашивать. Ведь Михеевы... И младшие ушли в армию. Опять на дальневосточную границу. Опять — в один танковый экипаж...

От Волги Михеевы начали путь на запад... На Курской дуге Владимир и его танкисты встретились с «тиграми». Немецкая пропаганда делала все, чтобы уверить советских воинов, что немецкие «тигры» будто бы непобедимы.

На рассвете, когда тишина стала особенно хрупкой, когда уже знали — вот-вот начнется, Владимир собрал товарищей. Чтобы поднять боевой дух, рассказал о дальневосточных тигроловах Богачевых. Кто-то из танкистов протянул:

— Да... Там, конечно, пострашнее... Ведь на настоящего тигра выходят...

Кто-то подхватил:

— Факт... И они ведь просто так идут, ножками, а мы на танках едем, со всеми удобствами...

И кто-то улыбнулся:

— Да вы, товарищ командир, не сомневайтесь...

И вот бой. Несколько «тигров» уже горят. А один в глубине, на высоте. Поле боя оттуда — как на ладони.

Владимир крикнул водителю:

— Берем?

— Берем!

Танк рванулся вперед. Высота не так близка... Высота не так низка... «Тигр» заметил советский танк. Поспешно разворачивает башню... Поздно. Снаряды, посланные Владимиром, попали в цель. И этот «тигр» запылал.

25 января 1944 года батальону, в котором служил Павел, пришлось особенно трудно. Гитлеровцы несколько раз переходили в контратаки. Вечером наши танки освободили село, вышли на взгорье.

Подросла пехота. Остановились на короткий отдых.

Украинская ночь плыла над селом. Снег мерцал на ветках. Какой доброй была бы эта ночь, если бы не свинцовая усталость, не мертвый свет ракет...

Павел Дмитриевич шел по большому саду. Бомба, случайная, сброшенная просто так — фашистский самолет пытался уйти от наших истребителей, — упала близко...

В медсанбат Павла везли на танке. Везли и думали, что не довезут... После операции Павел на несколько минут пришел в себя и торопливо попросил передать сыну, будто продиктовал:

— Будь всегда честным, смелым человеком, Алик. Помни, что самое дорогое для тебя — Родина. Береги честь нашей, михеевской, фамилии...

И опять бред... Как-то утром опомнился. Увидел белый потолок, белые халаты. Хотел подняться... Что-то нето... Опоры нет.

— Так, сестренка... С рукой, значит, все?

Сестра прижала ладони к лицу.

— Да ты, сестра, не расстраивайся. Ничего, проживем...

Когда вернулся на родину, повторил сыну то, что хотел сказать там, в госпитале. Повторил так, будто еще в детстве на память, на всю жизнь выучил.

* * *

Граница... Владимир заглушил мотор и выбрался из танка. Рядом стояли танкисты.

— Граница! Граница, товарищи!

Вечером принесли почту. На каждом конверте — несколько штемпелей: письма долго догоняли адресата.

Отец писал, что ездил в часть, в которой служат младшие братья. «Исправно несут ребята службу, и все в одном танке...»

Павел сообщал: «...четвертый месяц лежу в госпитале. Веселого мало... При форсировании Днестра мне пришлось драться с десятью гитлеровскими танками. Что это значит, ты сам знаешь. Все же четырех я поджег... А сейчас лежу без руки. В общем, отвоевался. А чертовски не хочется уходить с полдороги...»

Федор писал, что участвовал в Корсунь-Шевченковской операции, бил гитлеровцев под Яссами. «Фашисты драпают... Торопись, братишка, в Берлине встретимся!»

И они дошли до Берлина.

* * *

Вечером 22 апреля 1945 года танковый полк Владимира Михеева вышел к пригороду Берлина. За время войны у Владимира выработалась привычка — писать пись-

ма после боя. Тогда и время посвободнее и мыслям попросторнее. На этот раз бой предстоял необычный, и Владимир писал перед боем.

«...Дорогой отец! Ты спрашиваешь: как дела? Я сообщу обо всем подробно, когда войдем в Берлин. А пока скажу, что уже позади вся Польша и Одер, позади Зееловские высоты. Сейчас, когда я пишу, впереди виднеется Берлин...»

Майор Михеев был назначен командиром штурмовой группы. Фашисты обороняли каждую улицу, каждый дом. Били из окон, с крыш, в непрерывном грохоте, в дыму терялось чувство времени...

После долгих, тяжелых боев танки вышли на Шульцштрассе. Надо было прорываться в центр. Впереди, около перекрестка, горел танк. Там засели фашисты с фаустпатронами. А прорываться надо...

— Прорвемся, товарищ майор!

Владимир взглянул на механика-водителя, кивнул:

— Обязательно прорвемся! Но скорость нужна хорошая.

И опять танк Михеева впереди. Опять прошел там, где, казалось, пройти невозможно...

Вечером Владимир выбрался из танка и не узнал машины. Она была серая. Будто поседела...

Сквозь пыль и дымплыли очертания домов. И вдруг — громада рейхстага... рядом... А над его куполом — красный флаг! Наш красный флаг!

Владимир поднялся на ступени рейхстага. Он смотрел на чужой, поверженный город, на ликующих наших солдат, а видел то далекое, светлое и тихое утро... И белые палатки на зелени, расчерченной желтыми дорожками. И черные взрывы первых бомб... И тот могильный холмик... Эх, Иван, Иван... И видел наши разбитые, сожженные города... Видел товарищей, которые не дошли сюда...

На рейхстаге он написал: «Михеевы в Берлине. Да здравствует победа! Майор Владимир Михеев».

* * *

Осенью Михеевы-младшие — Михаил, Семен и Петр — громили отборную Квантунскую группировку японских самураев в Маньчжурии. Только в одном бою они уничтожили 6 танков, 2 броневика, несколько огневых точек...

Родина высоко оценила боевые подвиги братьев Михеевых. За годы войны им было вручено 56 правительственных наград.

Ушли в запас ветераны, но фамилия Михеевых и сегодня в боевых списках Советской Армии. В бронетанковых войсках несут службу уже внуки Дмитрия Федоровича — Альберт, Валентин, Олег. Навсегда запомнились им строки из письма деда, Дмитрия Федоровича:

«...Очень я доволен, что вы пошли по танковой части. Смотрите, марку нашу михеевскую не роняйте. Помните, на какой пост народом поставлены. Пост этот самый почетный и наиважнейший».

А вот строки из письма Олега Владимировича Михеева:

«Я горжусь тем, что принадлежу к династии танкистов: девять братьев Михеевых, среди которых был и мой отец, Владимир Дмитриевич, представляли броневой щит Родины.

Мы, три двоюродных брата, тоже стали танкистами. Служит в Киевском военном округе майор Валентин Викторович Михеев. В Ульяновском училище, которое я закончил и в котором учился мой отец, служит майор Альберт Павлович Михеев.

Идти по стопам отцов, по пути, указанному Лениным, — нет большей чести для нас, нынешних защитников социалистического Отечества».

*Здесь мы в бою видали смерть не раз,
На волжском рубеже ломала сила силу,
И посидели многие из нас,
А многие здесь голову сложили.
Война не кончилась. Нас ждут еще бои,
Походы дальние, потери и награды.
Запомни, гвардия: Отчизну мы спасли
Вот здесь, на черных глыбах Сталинграда..*

Гв. сержант Поляков

54

СТОИТ НАД ВОЛГОЮ КУРГАН

Н. Кузминский, С. Жмырев

ОН ЗАЩИЩАЛ СТАЛИНГРАД

Речной песок уже остывал. Вечернее солнце опускалось за дальний лес. От воды тянуло пахучей сыростью.

Вдруг донесся детский крик: «Тону!»

С берега в воду бросилось несколько человек. Впереди — тринадцатилетний мальчуган. Он подплыл первым и в тот момент, когда девочка, захлебнувшись, стала уходить на дно, схватил ее.

Так Володя Хазов впервые спас человеку жизнь. Тогда он еще не знал, что наступит время, когда от его подвига будут зависеть тысячи жизней...

...Летом село Большой Кувай просыпается рано. Встала и Екатерина Никитична. Прошла в комнату к Володе, а его уже нет. Со дня на день ждет вызова из училища. Отдыхать бы ему, а он опять ускакал к своим «железкам». Кончил техникум — только бы работать. Так нет, неймется ему. Я, говорит, хочу стать танкистом.

Работает на лафетной жатке. Стараются парень. Все хочет трактор изучить: в армии пригодится. Сегодня утро выдалось росное, жатке не пройти. Поэтому Володя целый день помогал трактористам ремонтировать машину...

Уже затемно он идет домой. Запыленный, усталый. Еще издали что-то кричит матери, ждущей его у ворот. Но почему у нее такое грустное лицо?

— Володя, вызов тебе пришел...

Так Владимир Хазов попал в Ульяновское танковое училище имени В. И. Ленина. Шел 1937 год.

«...Учиться здесь не так-то легко. Сам понимаешь — за два года мы должны многое познать и стать командирами взводов. А «кони» посложнее тех, с которыми мы имели дело в коневодческом техникуме. Но трудности все пересилю. Знаю, что теперь попал на свою дорогу...»

Нужно заканчивать письмо: через несколько минут вечерняя поверка. Владимир быстро надписал адрес своего друга из родного села, бросил письмо на тумбочку дневального и побежал на построение.

...На центральной улице города, чеканя шаг, шла рота курсантов-танкистов.

— Хазов, запевай, — слышится голос командира.

И над вечерним городом полетела боевая песня, прославляющая Особую Дальневосточную армию. Это была любимая песня курсантов.

...Дальний Восток. Легендарные места, овеянные славой походов гражданской войны. Еще свежи были в памяти упорные бои с китайско-маньчжурскими милитаристами на КВЖД. «Вот бы куда попасть служить!» — мечтали многие курсанты. Но посылали туда только отличников.

Эти устремления еще более подогревал приехавший с Дальнего Востока капитан Дорошкевич. Стройный, подтянутый, до самозабвения любивший специальность танкиста, он быстро завоевал курсантские сердца. Ему подражали, с него брали пример. Его рассказы о Дальнем Востоке звали к подвигам, зажигали романтикой героизма.

В те годы училищем командовал комбриг П. Е. Шуров, герой гражданской войны. Живой и энергичный, он настойчиво добивался отличного знания курсантами боевой техники. Полевые занятия требовал проводить так, как это делается на войне.

В училище появились новые, совершенные по тому времени танки. Чтобы ими овладеть, требовалось учиться и учиться... Каждый день курсанты приходили в танковый тир. Здесь они тренировались в стрельбе и действиях при танковом оружии. Хазову трудно давалась стрельба с ходу по движущейся цели. Пули летели мимо. Так было и на этот раз.

— А ну-ка, подождите. — Рядом с ним стоял командир роты. Капитан обстоятельно объяснил курсанту его ошибки.

— Смотрите, как нужно действовать, — и он сам занял место стрелка. Все мишени были поражены. Дорошкевич показывал образцово. Недаром он носил в кобуре именной пистолет — подарок наркома за отличную стрельбу.

Хазов упорно тренировался и добился того, что стал

В. П. Хазов.

поражать мишени с первого выстрела. Многие перенял он от своих командиров.

А когда стал метким стрелком, классным водителем, то помогал другим. Как вспоминает подполковник в отставке Ф. Мозоль, учившийся вместе с Хазовым, друзей у него было много. Таким уж он был человеком, что привлекал к себе. Его любили за находчивость, за готовность всегда помочь словом и делом. Помню, как он помог курсанту Юрлову научиться водить боевую машину. Зани-

мался с ним в свободное время, и в результате Юрлов получил хорошую оценку.

А как умело он сам водил танк! В любых условиях: по бездорожью, с преодолением препятствий, по глубокому снегу. Был Володя хорошим спортсменом. Как-то раз мы вместе с ним в одном экипаже участвовали в соревнованиях, и благодаря его умелым и энергичным действиям наш экипаж занял первое место и был поощрен командованием.

Даже в увольнение в город с ним было интересно ходить. Он был скромн, выдержан и в то же время очень общителен.

...Май 1939 года. Новая провокация японской военной на реке Халхин-Гол... Осенью выпуск. Туда, обязательно туда — на Дальний Восток!.. Во что бы то ни стало сдать все экзамены на «отлично»!

И тот день наступил. В новых командирских тужурках застыл строй выпускников. Начальник училища зачитывает приказ наркома:

«...Окончившему училище по 1-му разряду Хазову Владимиру Петровичу присвоить звание лейтенанта... на-

править в распоряжение командующего Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией...»

Итак, его мечта сбылась. Он ехал туда, в самую гущу событий... Но в боях участвовать не пришлось. Когда прибыл к месту назначения, боевые действия уже кончились.

И Хазов снова учится сам, настойчиво учит своих подчиненных. Много сил отдает он боевой подготовке. Через год его взвод становится лучшим в бригаде.

И все-таки Владимиру казалось, что все эти стрельбы, тревоги так и останутся учебными, что никакой враг не посмеет напасть на нашу страну, а если и посмеет, то его разобьют быстро и решительно.

...Наступило 22 июня 1941 года. В тот же день Хазов подал рапорт командованию об отправке его в действующую армию. Ему отказали. Но затем последовал второй рапорт, третий...

В сентябре с группой командиров Хазов был направлен на Сталинградский тракторный завод за танками.

Получив новенькие «тридцатьчетверки», Владимир с товарищами уехал на фронт. Как он воевал? Об этом красноречиво говорится в одном документе, который хранится в Ульяновском танковом училище:

«...Хазов проявил себя отважным воином. Он обычно не ограничивается пассивным ожиданием противника, если только его рота не имеет задачи прикрывать какое-нибудь направление. Чаще всего он оказывается в центре событий, в гуще сражения. Он жаждет встреч с врагом, ищет боя.

Так он воспитал и своих подчиненных. Однако он не действует опрометчиво. Даже в самом горячем бою он в меру осторожен, победа не кружит ему голову...»

Впервые с фашистскими танками Хазову пришлось встретиться весной сорок второго года в районе Харькова. В итоге этих встреч на его счету четыре уничтоженных танка. Командование представило его к награждению орденом Красного Знамени.

Хазов воевал в составе 13-го танкового корпуса, которым командовал генерал Шуров — бывший начальник Ульяновского училища.

10 июня противник в районе Волчанска крупными силами перешел в наступление. Танкисты генерала Шурова и соседнего с ним корпуса приняли на себя основной удар танков противника. Они задержали его продвижение, чем

дали возможность войскам 28-й армии организованно отойти на новый оборонительный рубеж.

Об этом говорится в истории советских танковых войск (Советские танковые войска. 1941—1945. М., 1973, с. 61). А в качестве примера отваги и доблести наших танкистов там же дано описание подвига Хазова.

Но расскажем об этих боях подробнее.

14 июня Хазов получил приказ организовать засаду в районе села Ольховатка. В роте оставалось три танка. Владимир выбрал позицию на опушке рощи перед небольшим оврагом. Отсюда открывался хороший обзор и обстрел в сторону противника, а овраг прикрывал подступы. Позицию тщательно подготовили. Несколько часов танкисты оборудовали окопы, маскировали их, измеряли расстояние до ориентиров, составили карточки огня. Когда работа была окончена, Хазов удовлетворенно сказал:

— Пусть теперь попробуют сунуться!..

Вскоре послышался рокот моторов: с запада приближалась колонна немецких танков. Впереди — тупорылый Т-IV. Хазов передал по радио: «По моей команде второму бить по центру, третьему — по хвосту колонны», после чего занял место наводчика и припал к прицелу... Команда: «Огонь!», и почти одновременно прогремели три выстрела. Передний танк загорелся. Тогда Хазов сосредоточил огонь по хвосту колонны. Несколько выстрелов, и задымили еще две машины. Движение колонны приостановилось. Впереди создалась пробка. Вот когда нужно использовать момент! И Хазов использовал его блестяще. Он командует: «Огонь вести самостоятельно. Громи тупорылых!..»

В танке становится жарко. От порохового дыма слезятся глаза, трудно дышать. Но думать о себе некогда. Немецкие танки открыли ответный огонь. Удержать инициативу боя в своих руках! Чаше огонь! Хазов словно слился с пушкой.

— Заряжай! Выстрел!.. Выстрел! — следуют команды одна за другой. И с каждым выстрелом все новые вражеские машины охватывает пламя.

Потеряв более десяти танков, противник беспорядочно отступил...

Когда Хазов отдыхал, трудно сказать. Вот и сейчас: еще не успели остыть машины от боя, а он уже расспрашивает вернувшихся разведчиков.

— Товарищ капитан, — доложил Хазов после этого комбату. — В лощине, в трех километрах отсюда, немцы. Двадцать семь танков! О нашей близости они не подозревают.

И Хазов изложил план уничтожения вражеских машин, предлагая атаковать их... двумя танками.

— Главное здесь — фактор внезапности. Немецкие танки стоят скученно. Им потребуется время, чтобы развернуться в лощине и принять бой. Поэтому внезапное нападение двумя танками даст больший эффект, чем открытая атака несколькими.

Комбат одобрил план Хазова.

Стояла настороженная предрассветная тишина. На горизонте вспыхивали зарницы дальнего боя, да где-то в стороне приглушенно гудели моторы. Это по просьбе Хазова работали двигатели нескольких наших танков. Маскируясь их шумом, два советских танка приближались к цели.

Гитлеровцы действительно не думали, что рядом могут оказаться советские танки. На дне балки, поросшей кустами, они заканчивали последние приготовления к наступлению.

Наши танки подошли незамеченными на совсем близкое расстояние. Хазов остановил машину и подозвал старшего сержанта Тугарова.

— Видишь, как увлеклись фрицы? — прошептал он. — Я проскочу еще немного вперед и ударю вон по тем, а ты отсюда бей в лоб. Главное — не дать опомниться. Ну, давай, брат!

Предрассветную тишину разорвали звуки пулеметных очередей. На какую-то секунду, ошарашенные такой дерзостью, гитлеровцы застыли как вкопанные, а потом было метнулись к люкам. Но в это время уже работали два наших пулемета, которые вывели из строя немалую часть экипажей. Когда же беготня в стане врага прекратилась, Хазов и Тугаров открыли огонь из пушек. В первую очередь они били по тем танкам, которые загораживали выход из лощины.

Одна за другой загорались черные громадины. Яркими факелами вспыхнули бензозаправщики, осветив всю лощину.

Несколько уцелевших машин все же вырвалось из лощины на ровное место. Они вступили в бой и обрушили огонь на ближний к ним танк Хазова. Броня выдержи-

ла. Но гитлеровцы могли повредить ходовую часть и вооружение.

На помощь своему командиру уже спешил Тугаров. Теперь он бил по вражеским танкам с фланга, отвлекая огонь на себя.

Эта схватка была быстротечной. На месте боя осталось 22 сгоревших и подбитых немецких танка. Дно лощины было усеяно трупами вражеских солдат и офицеров.

За этот подвиг командование бригады представило Хазова к присвоению звания Героя Советского Союза, а его товарищей — к награждению орденами...

В Ульяновск на имя начальника училища с фронта пришло письмо. В нем Хазов рассказывал о том, как воюет. «...Благодарю своих бывших командиров и преподавателей за хорошую выучку, — писал он. — Горжусь тем, что я — воспитанник Ульяновского училища...»

Очевидно, и генерал Шуров, подписывая представления Хазова к наградам, также испытывал законное чувство гордости за то, как воюют на фронте его воспитанники*.

А сам он в это время продолжал сражаться с фашистами. Враг наседал и в сентябре 1942 года вышел на подступы к Сталинграду.

«Ни шагу назад!» — обратилась к своим сынам Родина. Черный от жары и копоти по несколько раз в день водил Хазов свою роту в бой. На фронте он стал членом Коммунистической партии. К этому времени на его личном счету было уже 27 уничтоженных немецких танков.

...Получен приказ: контратаковать противника с десантом на броне. Танк командира первым идет на врага. Гитлеровцы открыли артиллерийский огонь. И опять разгорелся жестокий бой у стен города-героя.

Этот бой стал последним для Хазова. Вражеский снаряд пробил бортовую броню и разорвался внутри танка. Танк задрожал всем корпусом и остановился. Медленно приподнялась крышка башенного люка. В его дымящемся отверстии появилась окровавленная голова танкиста.

* В боях в районе Ольховатка — Валуйки генерал П. Е. Шуров получил смертельное ранение. 23 июня он умер в Балашовском госпитале. Похоронен в Ульяновске. На его могиле поставлен памятник от Министерства обороны СССР.

— Погибли... Все погибли, — прошептал он. Это был Владимир Хазов. Собрав последние силы, он выполз из люка и упал на крыло.

Десантники бережно подняли тяжело раненного командира и отнесли в ложину, где находился санвзвод.

...По улице города среди дымящихся развалин тихим ходом шел танк. На его броне танкисты везли в госпиталь своего командира роты. «Во время движения машины по улице, — вспоминал потом комиссар батальона Чернышев, — девять немецких самолетов атаковали танк и стали бомбить и обстреливать его. Экипаж танка стремился пробиться к клубу, где были зенитные батареи. Владимир (по рассказу экипажа) потребовал запасной пулемет и из него бил по самолетам. Один самолет был сбит, кем он был сбит, никто не уточнил, но в этой схватке был убит тяжело раненный Владимир. Тело его было привезено к клубу имени Ленина и захоронено в парке».

Так погиб Владимир Хазов — Герой Советского Союза. Память о славном защитнике города на Волге свято хранит советский народ.

Его имя — на одной из гранитных плит мемориального комплекса на Мамаевом кургане. Подвигу Хазова посвящена большая картина в Волгоградском музее. Есть в городе и улица Хазова.

Имя героя носят и памятные места на его родине: школа, где учился Владимир в Большом Кувае, улица в районе поселке Сурское.

Н. Васильев

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕР ОРДЕНА СУВОРОВА

В утренней сводке Советского информационного бюро 27 декабря 1942 года коротко сообщалось: «Наши войска в районе Среднего Дона, продолжая успешно развивать наступление, заняли крупную железнодорожную станцию Тацинская...» Подробностей не приводилось. Казалось, обычный эпизод войны, но те, кто внимательно следил за ходом боевых событий, обратили внимание, что Тацинская находится в глубоком тылу противника, что фронт до нее еще не докатился.

Как же это могло случиться?

Наступление советских войск в районе среднего течения Дона началось 16 декабря. После двухдневных упорных боев оборона противника была сокрушена. 8-я итальянская армия потерпела здесь полное поражение. Участок фронта, который она обороняла, быстро развалился. И тогда в образовавшуюся брешь ринулись советские танковые корпуса.

24-й танковый корпус, которым командовал генерал-майор Баданов, имел особую задачу. Он должен был совершить глубокий рейд в тыл врага и нанести внезапный удар по железнодорожной станции и поселку Тацинская, возле которого располагался крупный аэродром. Отсюда гитлеровские самолеты непрерывно доставляли окруженным войскам генерала Паулюса боеприпасы и продовольствие.

Во время военной игры, проводившейся в штабе Юго-Западного фронта за несколько дней до начала наступления, командующий фронтом генерал-полковник Ватутин лично беседовал с Бадановым о задаче корпуса. Он подчеркнул, что главное — добиться внезапности нанесения удара по Тацинской.

Там огромные склады, оттуда снабжаются войска Паулюса, аэродром. Все самолеты, конечно, уничтожить.

— А как действовать дальше? — поинтересовался Баданов.

— Будет видно по обстановке.

Невысокого роста, плотный, с очень подвижными, живыми глазами, Василий Михайлович Баданов выглядел значительно моложе своих без малого 50 лет. В штабе фронта его знали многие офицеры и генералы. Поэтому решение командующего восприняли одобрительно.

— Баданов уже набил руку на рейдах по тылам немцев, — пошутил кто-то. Еще в июле 1941 года, командуя дивизией, генерал Баданов участвовал в одном из первых контрударов, который нанесли советские войска фашистским захватчикам на Днепровском рубеже. В январе 1942 года бригада Баданова своим успешным продвижением поставила под угрозу тылы и фланги гитлеровцев.

...Сыну крестьянина-пастуха Василию Баданову удалось окончить учительскую семинарию, он готовился стать учителем, но началась первая мировая война, и его призвали на военную службу.

С 1919 года он — командир роты в Красной Армии, затем — начальник штаба бригады. С начала тридцатых годов перешел в танковые войска...

* * *

Наступила ночь. Она была тревожной. Войска 1-й гвардейской армии вели упорные бои за вторую полосу обороны. Баданов с часу на час ждал приказа о выступлении. Но его не было.

Утро 17 декабря выдалось ярким и солнечным. Снег сверкал мириадами искр. Мороз достиг 25 градусов. В такую погоду в танке как в леднике. Но люди сидели наготове, ждали приказа. Около полудня стали поступать хорошие вести.

Из штаба 1-й гвардейской армии сообщили, что сопротивление противника сломлено. Наши войска достигли реки Богучарка (правый приток Дона) и в ряде мест перешли ее. Тактическая зона обороны противника была прорвана.

Командующий фронтом вызвал Баданова к телефону.

— Вот и пришел ваш час, — сказал Ватутин. — Помните: успех будет зависеть от решительности и дерзости ваших танкистов. Вы должны быть в Тацинской любой ценой, и чем быстрее, тем лучше.

В 14 часов 17 декабря по приказу Баданова началась переправа частей корпуса через Дон у сел Верхний и Нижний Мамон.

В поднебесье разыгрались воздушные бои. Советские самолеты решительно отгоняли фашистских стервятников от переправы. Танки шли беспрепятственно.

Обходя отступавшие немецкие, итальянские и румынские части, 24-й танковый корпус стремительно двинулся на Тацинскую. Марши совершались в основном по ночам. Днем командир корпуса разрешал передвигаться только мелкими группами.

К исходу пятого дня 4-я гвардейская бригада подошла к станции Скосырской. С ходу пробиться к ней не удалось. Это был прочный узел сопротивления. Путь танкистам преградила река Быстрая. Лед не выдерживал танки Т-34. Саперы всю ночь оборудовали переправу.

После полудня южнее Скосырской в небо взлетели две красные ракеты. Это давала о себе знать танковая рота 54-й бригады, которая была послана в обход станицы

цы с юга. Баданов приказал начать артподготовку. Заговорили артиллерийский и минометный дивизионы, передний край противника окутался дымом.

— Теперь в атаку — вперед! — командовал Баданов. Радисты повторили команду. И вскоре на село с разных сторон двинулись танки, за ними поднялись автоматчики. После ожесточенного боя, длившегося в общей сложности 18 часов, противник был выбит из станицы и отброшен в сторону Морозовска.

Поздно вечером в штабе корпуса состоялось совещание командиров частей.

— За шесть дней мы прошли двести тридцать километров, — сказал генерал. — И вот мы у цели: до Тацинской осталось двадцать пять.

Василий Михайлович ознакомил командиров с оперативной сводкой, полученной по радио. В целом обстановка для продолжения наступления складывалась самая благоприятная.

— Мы должны решить: наступать на Тацинскую сейчас же или ждать, пока подтянутся все силы, подойдут танки, — сказал Баданов. Большинство командиров высказалось за немедленное наступление.

— Вот и отлично, — заключил генерал. — Медлить нельзя. В Тацинской пока не знают, что мы здесь. Но как только узнают, начнут стягивать туда крупные силы. И потом ночью немцы любят спать. Как сообщает разведка, послезавтра они будут праздновать рождество. Мы подоспеем вовремя, устроим им веселье.

Это было окончательное решение. Штаб корпуса немедленно разработал план атаки Тацинской. В 23 часа 23 декабря командиры частей получили боевое распоряжение.

В полночь первым вышел из Скоырской танковый батальон капитана Нечаева. Танкисты с проводниками двинулись по дороге на станцию Бобовня. Командир 130-й бригады подполковник Нестеров приказал Нечаеву совершить дерзкий налет на Бобовню, разгромить гарнизон и вывести из строя железную дорогу и тем самым помешать гитлеровцам производить переброску в Тацинскую подкреплений со стороны Морозовска.

В 2 часа ночи двинулись основные силы корпуса. Колонны танков с десантом на броне заполнили все дороги, которые вели к Тацинской. Ночная мгла надежно укрывала их от противника.

Капитан Нечаев в 3 часа ночи по радио доложил, что приказ выполнен: 300 метров полотна железной дороги повреждено танками. В бою уничтожено 170 вражеских солдат.

Комбриг приказал Нечаеву немедленно двигаться к восточной окраине Тацинской.

Наступал серый рассвет. Над Тацинской стоял плотный туман. Это было на руку танкистам. Они скрытно занимали указанные рубежи атаки. Станица спала. И вдруг северная сторона неба озарилась вспышками молний. Через несколько секунд на станции послышался грохот разрывов. Это ударили наши «катюши». Началась атака.

Сломив ожесточенное сопротивление противника в районе вокзала и на западных подступах к станице, танковые батальоны с трех сторон устремились к аэродрому.

Немецкие летчики и почти весь обслуживающий персонал в эти утренние часы находились в землянках. Несколько «хейнкелей» механики готовили к вылету. И когда появились танки, никто не обратил на них внимания. Первыми сюда ворвались танки капитана Линника, затем капитана Нечаева, а с запада грохочущим вихрем налетели батальоны 54-й бригады.

Когда танкисты одного из батальонов спешили к аэродрому, возле МТС наперерез танкам, размахивая руками и что-то крича, выбежал мальчик. Головная машина лейтенанта Мельника остановилась.

— Дяденька, сюда нельзя! — крикнул подбежавший мальчик. Это был пионер Гриша Волков, один из многих, кто почти всю ночь не спал, ожидая прихода наших воинов. И как только начался бой, он, рискуя жизнью, пошел навстречу танкам.

— Почему нельзя? — спросил лейтенант.

— Здесь за бугром фашистская батарея!

— А ты сможешь незаметно провести нас на аэродром? Знаешь дорогу?

— Знаю. Я покажу.

Лейтенант посадил Гришу рядом с собой. Танкисты приняли вправо, обходя опасный район, и незаметно подошли к аэродрому.

Такой же подвиг совершил и пионер Федя Игнатенко. Как и Гриша, он провел кратчайшим путем к аэродрому другую колонну...

Танки с ходу ударили из пушек и пулеметов по самолетам. На аэродроме началась невообразимая паника. Большинство летчиков в одном белье выскочили из землянок. Они бросались к самолетам, пытаясь улететь. Но из этого ничего не вышло.

Спустя 10 лет, в 1952 году, в одной из западногерманских газет бывший гитлеровский летчик Курт Штрайн, которому в ту ночь удалось спастись, так описал эту картину:

«Утро 24 декабря 1942 года. На востоке брезжит слабый рассвет. В этот момент советские танки, ведя огонь, внезапно врываются в деревню и на аэродром. Самолеты сразу вспыхивают, как факелы. Всюду бушует пламя. Рвутся снаряды, взлетают в воздух боеприпасы. Мечутся грузовики, а между ними бегают отчаянно кричащие люди... Рев танков и самолетов смешивается со взрывами, орудийным огнем и пулеметными очередями в чудовищную симфонию...»

Лейтенант Богомаз уничтожил из пушки пять самолетов. А механик-водитель Цымбалюк разбивал хвосты самолетов, с ходу бросая на них многотонную стальную машину. Так же действовали и многие другие экипажи.

К 5 часам вечера были подавлены последние очаги сопротивления гитлеровцев в Тацинской. В результате боя было уничтожено 3500 офицеров и солдат противника, в том числе весь летный и обслуживающий персонал, 50 орудий и 15 танков. Захвачено свыше 300 самолетов, 3 склада с продовольствием и 5 с боеприпасами, 300 тонн бензина. За один день гитлеровская авиация понесла огромные потери. Такого урона она не испытывала никогда.

Это было возмездие за Сталинград, который 23 августа 1942 года варварски бомбардировали летчики воздушного флота фон Рихтгофена, базировавшегося на Тацинском и Морозовском аэродромах. Это было возмездие за многие другие города и села, которые фашистские стервятники стерли с лица земли, за мирных советских людей, пострадавших от бомбардировок.

Радисты передали в штаб фронта боевое донесение. Командующий войсками Юго-Западного фронта в ответной радиোগрамме приказывал удерживать Тацинскую во что бы то ни стало.

Между тем части корпуса в предыдущих боях понесли серьезные потери и были ослаблены. Из 159 танков,

имевшихся перед наступлением, в строю насчитывалось всего лишь 39 «тридцатьчетверок» и 19 легких Т-70, мало оставалось боеприпасов, горючее было на исходе. Значительно поределли мотострелковые батальоны. С такими силами создавать прочную оборону было нелегко.

Вокруг Тацинской отрывались окопы, на наиболее опасных направлениях устанавливались минные поля. Танки зарывались по самую башню. На северной и восточной окраинах расположилась 24-я мотострелковая бригада, на западной — 4-я гвардейская, а 54-я преградила путь к аэродрому с юга. 130-я бригада, понесшая наибольшие потери, составляла резерв командира корпуса.

Узнав о катастрофе в Тацинской, Гитлер пришел в ярость. Он приказал расстрелять бывшего начальника Тацинского гарнизона, а советских танкистов казнить. Всех до одного. Так и было передано: «Живыми из станции их не выпускать».

В спешном порядке гитлеровцы бросили к Тацинской 11-ю танковую и 100-ю пехотную дивизию. К станции Бобовня со стороны Морозовска подошел бронепоезд. Но разобранный танкистами капитана Нечаева железнодорожный путь не позволил ему пройти дальше. Отрядил в Тацинскую часть своих сил и фельдмаршал Манштейн. По его приказу 24 декабря туда направилась 6-я танковая дивизия. Это, несомненно, ослабило его силы, с которыми он пытался пробиться к Паулюсу.

В 7.30 26 декабря пришла радиogramма, адресованная лично Баданову. В ней говорилось:

«Корпус преобразован в гвардейский, вы награждены орденом Суворова II степени. Поздравляю вас и весь личный состав корпуса и от души желаю полной победы над врагом.

Ватутин, Иванов, Лайок».

Таким образом, Василий Михайлович стал первым в нашей стране кавалером ордена Суворова. Постановлением правительства ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта танковых войск.

«Мы — гвардейские!» Эта весть с быстротой молнии облетела все подразделения. Люди радостно обнимали и поздравляли друг друга.

Баданов позвал своего заместителя по политчасти полковника Бахтина.

— Мне хотелось бы, Иван Захарович, лично поговорить с офицерами, поздравить их и рассказать всю правду о нашем положении. А потом пускай идут в подразделения и проводят митинги.

Собрались возле штаба, прямо под открытым небом. Было пасмурное утро. Стояла настороженная тишина. Никто не стрелял. Обе стороны молчали.

Бахтин зачитал текст радиogramмы. Затем слово взял генерал. Он был без шапки и заметно волновался.

— Отныне мы — гвардейцы! — сказал Василий Михайлович. — Это высокая честь. Она нас ко многому обязывает. Так будем же достойны гвардейского звания!

Далее генерал говорил о том положении, в котором находился корпус:

— Гитлеровцы бросили против нас свои отборные дивизии. Превосходство в силах на их стороне. У нас мало боеприпасов, надо беречь каждый снаряд. А удержать Тацинскую мы должны, даже если всем нам придется погибнуть.

Офицеры спокойно выслушали эти слова. Они ответили своему командиру, что готовы стоять насмерть.

— А теперь идите и скажите об этом солдатам.

Офицеры разъехались по подразделениям. А через полчаса гитлеровцы повели концентрированное наступление на станицу. С трех сторон шли в атаку пехотные цепи при поддержке более чем 40 танков.

Бои в обороне были жестокими, кровопролитными, танкисты дрались по-гвардейски, с честью оправдывая это высокое звание. Но с каждым часом таяли их ряды. В исключительно трудных условиях они показали стойкость духа, проявили мужество и волю к победе.

Наступило 27 декабря. Этот день оказался самым трудным. Танкисты стояли несокрушимой стеной. Они потеряли многих своих лучших боевых друзей.

Уже с утра гитлеровцы начали отчаянный штурм Тацинской. Фашистские самолеты обрушивали удар за ударом. На КП корпуса с разных участков обороны приходили донесения. Заканчивались они одной просьбой: помочь артогнем, прислать подкрепление.

А послать было нечего. В гвардейском минометном дивизионе кончились боеприпасы. На исходе были снаряды и в других частях. Но воины стойко отражали натиск врага.

Генерал Баданов появлялся на всех участках обороны. Танкисты часто видели его, и это придавало им бодрость и уверенность в своих силах.

В 9.48 Баданов направил командующему фронтом радиogramму: «Прошу срочно самолетами выслать 200 снарядов РС М-13 и снарядов для зениток 37-мм».

С каждым часом обстановка обострялась. И радиogramмы в штаб фронта становились все тревожнее. В 10.30 командир корпуса просил «перерезать дорогу Морозовск — Скоырская и ускорить движение мотопехоты на Тацинскую», а в 11.20 докладывал: «Веду уличный бой. Прошу во что бы то ни стало к исходу 27 декабря выдвинуть пехоту и танки к Тацинской».

Положение действительно создавалось критическое. Гитлеровцам удалось ворваться в хутор Новоандреевский. 16 танков подошли к западной окраине Тацинской. Баданов бросил им навстречу свой последний резерв — танковый батальон капитана Нечаева. Точнее, все, что от него осталось — пять танков. Но зато это были нечаевцы, испытанные бойцы.

Пять советских танков бесстрашно двинулись на шестнадцать фашистских. На обширном заснеженном поле разгорелась танковая дуэль. Через час противник потерял семь машин. Три из них подбил сам Нечаев. Но и у гвардейцев осталась только командирская «тридцатьчетверка». Капитан Нечаев сражался до последнего, пока противнику не удалось поджечь его. Тогда Нечаев повел свою машину в последнюю атаку. Он настиг гитлеровский танк и таранил его. Обе машины взорвались. Так погиб отважный командир батальона капитан Михаил Ефимович Нечаев.

После полудня возникло новое осложнение. Гитлеровцы ворвались на аэродром на участке обороны 54-й танковой бригады. Комбриг полковник Поляков послал в контратаку роту старшего лейтенанта Александра Тимченко. Танки проникли в самую гущу боевых порядков врага. Они уничтожили около 250 солдат и офицеров, 3 орудия, 12 пулеметов. Гитлеровцы откатились с аэродрома. Но почти вся рота старшего лейтенанта Тимченко погибла, и сам командир роты погиб. В этом бою было потеряно 13 танков.

В 18.00 генерал Баданов послал на имя командующего Юго-Западным фронтом очередную радиogramму:

«Положение тяжелое, снарядов нет... Большие потери в личном составе. Удержать Тацинскую не могу. Прошу разрешения на выход из окружения. Самолеты противника на аэродромах уничтожены».

В штабе фронта принимались меры, чтобы помочь корпусу. Вечером наши самолеты сбросили танкистам боеприпасы. Генерал-полковник Ватутин сообщил о положении 2-го гвардейского танкового корпуса Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину.

«Баданов сегодня прислал мне восемь телеграмм... — докладывал Ватутин. — Сейчас он ведет бои в Тацинской, имея круговую оборону... В районе Тацинской работает наша ночная авиация, а с утра вся авиация фронта будет уничтожать противника в районе Тацинская, Ско-сырская... От Баданова я потребовал удержаться в Тацинской, но все же передал ему, что лишь в крайнем случае он может принять другое решение».

Ставка одобрила меры, принятые Ватутиным. Одновременно Сталин указал ему: «Первая ваша задача — не допустить разгрома Баданова... Вы правильно поступили, что разрешили Баданову в самом крайнем случае покинуть Тацинскую».

В полночь Баданов вызвал командиров частей на совещание. Все высказали одно мнение — держаться до последнего. Осунувшийся от постоянного недосыпания генерал молча пожал каждому комбригу руку. Все было понятно без слов.

— Выстоим, товарищ генерал, — скупой улыбнулся Нестеров.

Баданов только кивнул в ответ.

Едва все разошлись, как поступила радиограмма: командующий фронтом разрешил корпусу выходить из окружения. Было 2 часа 28 декабря.

Командир корпуса решил пробиться на север, на Ильинку.

«...Гитлеровцы, — писал В. М. Баданов в своих воспоминаниях, — не ожидали, что глубокой ночью корпус оставит Тацинскую и устремится на прорыв кольца. А мы так и сделали. Необычно построив боевой порядок «углом вперед», части корпуса протаранили боевые порядки противника и пошли в направлении хутора Михайловский». К рассвету они уже были в районе хутора, а спустя несколько часов — в Ильинке, где находились тылы корпуса.

Так закончился блестящий по замыслу и исполнению рейд 2-го гвардейского танкового корпуса. За 10 дней боев танкисты истребили 11 292 офицера и солдата противника, 4 769 взяли в плен. Гитлеровцы потеряли в боях 84 танка и 106 орудий. Танкистами и зенитчиками корпуса был уничтожен за время рейда 431 вражеский самолет.

Советское правительство высоко оценило этот подвиг наших воинов. Корпусу присвоено почетное наименование Тацинского. Многие офицеры и солдаты были награждены орденами и медалями. Летом 1943 года генерал Баданов уже командовал 4-й танковой армией.

Гвардейцы-тацинцы с честью пронесли свое знамя по полям сражений Великой Отечественной войны. Корпус участвовал в знаменитом сражении под Прохоровкой, освобождал Минск, Вильнюс, ломал сильно укрепленные рубежи врага в Восточной Пруссии. В семье гвардейцев-тацинцев выросло 22 Героя Советского Союза.

После тех событий прошло свыше 30 лет. Постарели ветераны. Некоторых уже нет в живых. В 1971 году умер генерал-лейтенант В. М. Баданов. Но память о своем командире, о славных делах, которые были совершены под его руководством, ветераны тацинской гвардии, как и многие советские люди, навсегда сохраняют в своих сердцах.

А. Шарипов

ДОРОГОЙ БЕССМЕРТИЯ

Шел 1905 год. Революционная волна докатилась и до села Ртищево-Каменка. В один из зимних дней на его площади собралась сельская сходка. На сани поднялась молодая женщина в зипуне. В морозном воздухе гневно звенел ее голос:

— Нет больше сил. С утра до ночи гнем спину на помещика, а зимой все равно есть нечего...

Толпа загудела. Послышались одобрителные голоса:

— Верно говорит Ксения. Долой мироедов!..

А ночью за ней пришли...

Напуганные революцией, царские палачи жестоко расправились с народом. На сибирских трактах звенели кан-

дали арестантов. Тысячи людей были брошены за решетку.

Так оказалась в Симбирской тюрьме и Ксения Полбина из села Ртищево-Каменка Симбирской губернии. Здесь, в сырой полутемной камере, у нее родился сын. Освободили Ксению только через год. День рождения малыша справляли в Ртищево-Каменке. Мальчика называли Иваном.

Отец Ивана, Семен Трофимович Полбин, умер в 1912 году, оставив семью из пяти человек. Трудно приходилось, кое-как перебивались. Пришла пора Ване идти в школу, а надеть было нечего.

— Подпаском буду, заработаю хлеба, а зимой учиться пойду, — говорил мальчик матери.

Великий Октябрь открыл перед деревенским пареньком новую жизнь. Несколько лет он работал на железной дороге, продолжая учиться в школе. Молодой рабочий с энтузиазмом воспринял новую жизнь, с головой окупнулся в общественную работу. В 1922 году, вступив в Коммунистический Союз Молодежи, Иван Полбин становится пропагандистом волостного комитета комсомола, принимает активное участие в комсомольской жизни. Молодежь полюбила общительного, жизнерадостного, энергичного юношу и в ноябре 1922 года избрала его своим вожаком — секретарем Майнского волостного комитета комсомола.

В 1927 году Иван Полбин стал коммунистом, и вскоре Родина призвала его в ряды своих защитников. В 1929 году Полбин становится курсантом Вольской объединенной военной школы летчиков и авиамехаников. С большой охотой он взялся за овладение такой сложной и романтической профессией. Началась напряженная учеба. Теоретические знания, изучение материальной части самолетов, первые полеты — все это обогащало курсантов знаниями, вызывало стремление добиваться большего.

И вот настал день, когда курсант Полбин поднялся в воздух самостоятельно. Он был более сосредоточенным, чем в дни обычных учебных полетов. Внизу мелькали темно-зеленые лесные островки, пестрели разноцветные пятна лугов, серебристой змейкой извивалась река. Иван не отвлекался. Он был предельно собран и внимателен, точно выполнял советы инструктора. Полет прошел хорошо, чувствовалось, что учеба не прошла даром.

— Молодец! — встретил его инструктор.

В декабре 1931 года Полбина назначили летчиком-инструктором авиационной школы Киевского военного округа. Прошло немного времени, и он стал прекрасным наставником молодежи. Курсанты уважали его за скромность и заботу о подчиненных, за требовательность к себе и к людям.

Инструкторская работа помогла ему закрепить теоретические знания, поднять практические навыки. Через полтора года его направили в Забайкалье, где он стал сначала командиром воздушного корабля, а затем командиром отряда тяжелой авиационной эскадрильи.

Здесь молодому авиатору посчастливилось встретиться с прославленным летчиком Валерием Павловичем Чкаловым. Было это так. В 1936 году Чкалов возвращался после знаменитого перелета Москва — остров Удд. Краснокрылый АНТ-25 развернулся над аэродромом и приземлился точно у посадочного знака. Под громкие аплодисменты Валерий Павлович поднялся на трибуну. Люди, собравшиеся на митинг, внимательно слушали Чкалова.

— Нет в мире ничего дороже, чем счастье выполнить свой долг перед Родиной, перед партией, — сказал он в заключение.

Потом Чкалов долго беседовал с авиаторами о новых типах самолетов и способах использования их в бою, о качествах, которыми должен обладать советский летчик. Впоследствии Иван Семенович не раз вспоминал об этой встрече. В его памяти сохранились слова Чкалова: «Понастоящему смелый летчик обязан рисковать жизнью во имя Родины, но риск должен быть обоснованным». Встреча с Валерием Павловичем оказала большое влияние на дальнейшее формирование Полбина как летчика и командира.

Перед началом Великой Отечественной войны капитан Полбин уже имел боевой опыт. Командуя эскадрилей скоростных бомбардировщиков на Халхин-Голе, он лично совершил 19 боевых вылетов. Несмотря на активные действия противника и трудные метеорологические условия, его эскадрилья не имела потерь. За участие в этих боях он был награжден орденом Ленина.

Обогащенный боевым опытом, И. С. Полбин продолжал настойчиво совершенствовать летное мастерство: он учил летчиков действовать смело, решительно. На ин-

И. С. Полбин.

спекторской проверке в 1940 году полк, которым он командовал, занял первое место в Забайкальском военном округе. Командование знало Ивана Семеновича как хорошего специалиста и новатора. Уже тогда он первым в военном округе отработал посадку скоростного бомбардировщика ночью. А к весне 1941 года все экипажи полка овладели ночными полетами.

Великая Отечественная война застала Полбина в Чите. Перед отъездом на фронт ему удалось на несколько

минут забежать домой. Поцеловал сына и двух дочерей, крепко обнял жену: «Не волнуйся, будь мужественной...»

Жаркий июль 1941 года 150-й бомбардировочный авиационный полк майора Полбина встретил на одном из аэродромов Западного фронта. Буквально на второй день после прибытия на фронт полк получил первое боевое задание — поддержать обороняющиеся части в районе Смоленска. На рассвете, взревев моторами, к линии фронта ушли 18 бомбардировщиков. Первую группу из девяти самолетов вел сам Полбин, вторую — капитан Пасхин.

Полет проходил в трудных условиях. Нижняя кромка облачности на отдельных участках маршрута достигала 50—100 метров. Заморосил дождь. К цели вышли в назначенное время. Сквозь сетку дождя было видно, как внизу по шоссе двигались вражеские танки. Противник не ожидал появления нашей авиации. Самолеты развернулись для нанесения удара. И тут опомнившийся враг открыл зенитный огонь.

Полбин четко подавал команды, летчики точно выполняли их, наносили меткие удары. После боя все

18 бомбардировщиков благополучно вернулись на аэродром.

...Развернулись бои за Великие Луки. Полбин получил приказ нанести удар по передовым подразделениям врага. Шестерке скоростных бомбардировщиков предстояло лететь без прикрытия истребителей.

Иван Семенович выехал на передовую, чтобы организовать взаимодействие со своими частями.

И вот над полем боя показались наши бомбардировщики. Несмотря на сильный зенитный огонь врага, бомбы ложатся в цель. Полбин не выдержал и вместо официальных команд передал в эфир: «Молодцы! Делайте второй заход». Вдруг из-за облаков черными стрелами вынырнули два длинноносых «мессершмитта».

— Защищайте заднюю полусферу, набирайте высоту! — передал команду Полбин.

Один из наших бомбардировщиков отстал, и метнувшийся за ним вражеский истребитель прошил его пулеметной очередью. За бомбардировщиком потянулся черный шлейф дыма. Но летчик упорно продолжал вести самолет к линии фронта. Машина пылала. Иван Семенович с волнением наблюдал за самолетом, понял, что посадить не удастся.

— «Ястреб», я — «Сокол», приказываю немедленно покинуть машину...

Ответа не последовало. В тот момент, когда все уже простились с экипажем, в небе показались белые купола парашютов. Остальные бомбардировщики, набрав высоту и отбиваясь от второго «мессершмитта», открыли огонь. Небо прочертили огненные пунктиры. Фашистский стервятник, не выходя из виража, вспыхнул и факелом рухнул на землю. Все случилось мгновенно. Оказалось, что вражеский истребитель попал под заградительный огонь нашей зенитной артиллерии.

Утром следующего дня летчики снова подняли боевые машины в воздух и вскоре были над целью.

— За мной! — подал команду Полбин, увидев внизу большое скопление танков и автомашин противника. Под обстрелом вражеских зениток один за другим самолеты заходили на бомбежку. Вдруг в воздухе неожиданно появились «мессершмитты».

«Нет, вчерашний урок мы не забыли», — подумал Полбин и передал:

— Никому не разрешаю нарушать строй!

Наши бомбардировщики взяли курс на свой аэродром, прикрывая друг друга. «Мессершмитты» держались подальше от их массированного огня. Когда один из них попытался зайти в хвост самолету, летящему впереди Полбина, майор меткой очередью прошил «мессершмитта», и он взорвался в воздухе. Второго «мессера» отогнал огнем капитан Пасхин. Третья машина ушла: фашистский летчик не принял боя. Успешно выполнив задание, самолеты вернулись на аэродром. Фотосъемки показали, что бомбардировщики 150-го авиаполка уничтожили 30 танков и 19 автомашин противника.

Командир стрелковой дивизии подполковник Улитин, на участке которого действовали бомбардировщики Полбина, в боевом донесении писал: «Выражаю особую благодарность нашим отважным соколам. Они заставили отказаться от наступления одну из частей танковой группы Гудериана...»

...Полк обороняет подступы к Москве. Бомбардировщиков, вылетевших на боевое задание, чаще всего возглавлял командир полка. Своими точными бомбовыми ударами они уничтожали скопления войск противника в районах Рузы, Малого Ярославца, Волоколамска. Были дни, когда Иван Полбин совершал по 6—8 вылетов в сутки. Его решимость, мастерство и боевой энтузиазм воодушевляли подчиненных.

Стоял июль 1942 года. К Волге рвались крупные танковые соединения противника. Однажды подполковника Полбина и комиссара полка Ларичева вызвали в штаб дивизии.

— На вас возлагается задача — уничтожить склад горючего танковой армии противника в Морозовской, — встретил их командир. — Знаете этот район?

— Да, знаю, — ответил Полбин, мысленно представляя на карте район, о котором шла речь. Он понимал важность поставленной задачи. Вовремя выполнить ее — значит помочь нашим войскам задержать фашистские танки на подступах к Сталинграду.

Посоветовавшись с комиссаром, решили нанести удар двумя пикирующими бомбардировщиками. Ведомым взяли старшего лейтенанта Жолудева. Выбор на него пал не случайно. Этот офицер был искусным мастером самолетовождения. Ведущим летел сам Иван Семенович.

Сопровождали бомбардировщиков истребители майора Клещева.

В этот день Полбин уже трижды водил девятку «петляковых» на бомбежку вражеских войск. Предстоял четвертый вылет — самый опасный и самый важный за последние сутки. План действий Полбин продумал до мельчайших деталей. Главное — правильно организовать огневое взаимодействие бомбардировщиков с истребителями прикрытия. Подполковник учитывал, что фашистские летчики, возможно, будут подстерегать наших бомбардировщиков при вводе в пикирование и при выходе из него. Поэтому он разделил истребителей на две группы: первая прикрывает бомбардировщиков при вводе в пикирование, вторая — на выходе из него.

Сопровождаемые истребителями бомбардировщики шли к цели. Блеснула светлая лента реки, и «петляковы» взяли курс на Морозовскую. В район, где находилась цель, бомбардировщики зашли со стороны солнца.

— Внимание, приготовиться! — скомандовал Полбин. И, не дожидаясь команды штурмана, перевел самолет в пике. Первый заход не дал результатов, но зато четко выявилась цель. Высота набрана. Штурман командует: «Пошел!» Скорость перевалила за 700 километров в час. Полбин слился в одно целое с машиной, устремившейся вниз. Уже видны резервуары с горючим, а чуть в стороне — железнодорожная ветка с составом цистерн.

Открылись бомболюки... Внизу расплзалось громадное черное облако дыма. Вспыхнули цистерны с горючим. Цель была накрыта...

Когда самолеты легли на обратный курс, зенитный обстрел вдруг прекратился, а в воздухе появилось более десятка вражеских истребителей.

В это время командир группы прикрытия майор Звонарев, бдительно охранявший бомбардировщиков, передал:

— Молодцы! Возвращайтесь домой... Я их перехвачу.

«Петляковы», конечно, могли уйти от «мессершмиттов». Но Полбин, увидев численное превосходство вражеских самолетов, решил помочь своим товарищам. Иначе он поступить не мог.

Два «петляковых», сомкнув строй, смело ударили по врагу. Наши истребители, держа курс на восток, подвели «мессершмиттов» под мощный заградительный огонь бомбардировщиков и, прикрываясь ими, перешли в ата-

ку. Через какое-то мгновение один «мессершмитт» вспыхнул и рухнул на землю.

Наутро Совинформбюро передало: «Советские летчики совершили подвиг, прорвались через мощное зенитное прикрытие и разгромили материально-техническую базу гитлеровских танковых войск в районе Морозовской».

За мужество и отвагу, проявленные при выполнении этого особо важного задания Советского командования, гвардии подполковник Иван Семенович Полбин был удостоен звания Героя Советского Союза. Досрочно ему было присвоено воинское звание — полковник.

Высоко оценил бесстрашного советского аса маршал авиации С. А. Красовский. В книге «Жизнь в авиации» он писал: «...летом 1942 года на дальних подступах к Сталинграду особенно отличился своими боевыми действиями 150-й бомбардировочный авиаполк под командованием полковника И. С. Полбина.

Там, над переправами через Дон, впервые проявился замечательный талант Полбина как летчика-новатора, неустрашимого воздушного бойца. Группами до девяти самолетов полбинцы несколько раз в день вылетали на своих Пе-2 на бомбометание с пикирования. Бомбардировки с пикирования, как и вылеты ночью, были тогда еще редким явлением в нашей бомбардировочной авиации...»

В ноябре 1942 года полковник И. С. Полбин стал командиром авиационной дивизии. Он настойчиво передавал боевой опыт, учил летчиков умело действовать в боях, воспитывал у них мужество, отвагу.

В конце 1942 года Полбина отозвали для работы в Главном штабе Военно-Воздушных Сил. Он принимал участие в одном из совещаний Государственного Комитета Обороны, и его доклад лег в основу решений о наиболее целесообразном использовании пикирующих бомбардировщиков Пе-2.

«Три с половиной месяца служу в Москве, — писал он жене. — Эта работа, да еще в условиях войны, не по моему характеру. Оторвать меня от самолета — это непостижимое дело! Прощусь снова в действующую громить врага!...»

После третьего рапорта просьбу полковника Полбина удовлетворили. В марте 1943 года он принял авиационный корпус. Большинство экипажей в частях состояло из молодых летчиков, почти не имевших боевого опыта.

Новый командир организовал изучение боевого опыта, настойчиво совершенствовал учебу на полигоне. В частях быстро разнеслась весть о том, как героически сражался новый командир корпуса под Москвой и на Волге, как, будучи командиром полка, а затем дивизии, он сам водил летчиков на выполнение ответственных боевых заданий.

Однажды командир корпуса приказал подготовить эскадрилью к ночному удару по вражескому аэродрому, с которого часто поднимались «юнкерсы».

— Товарищ полковник, — заметил начальник штаба, — аэродром противника прикрыт многослойным зенитным огнем и патрулирующими «мессершмиттами» — не лучше ли подождать наших истребителей?

— Нельзя! Мы можем опоздать, — предупредил Полбин. — Я сам поведу эскадрилью...

Под покровом ночной темноты эскадрилья, возглавляемая Полбиным, вылетела на бомбежку. Два «петляковых», прорвавшись сквозь зенитный огонь, с первого захода вывели из строя взлетную полосу. Фашистские самолеты уже не могли подняться в воздух, а тем временем по противнику нанесли удар остальные экипажи. Аэрофотоснимки ночного полета показали, насколько эффективным был налет эскадрильи, которую вел командир корпуса.

А наутро неутомимый полковник Полбин был уже на учебном полигоне. Свой разговор он начал с того, что некоторым летчикам надоела учеба и они рвутся к боевым вылетам. Такое стремление он тоже разделяет.

— Но прошу помнить, — сказал полковник, — успех воздушного боя во всех случаях зависит от искусства каждого экипажа... В ближайшие дни нам придется участвовать в большом деле. Придется бить по малодоступным и мелким целям: по мостам, огневым точкам, минометным и артиллерийским батареям. Что значит промахнуться по этим целям? Допустим, что мы с вами отбомбили огневые точки противника, заставили их замолчать, но не уничтожили. В этом случае наша пехота, перейдя в атаку, будет встречена губительным огнем врага... Сегодня я вам, товарищи, говорить много не буду, а практически покажу точный удар по «вражеской огневой точке», удар «в малый круг» при групповом бомбометании с пикирования. После моего показа вы все это сделаете сами...

Прошло немного времени, и летчики 1-го бомбардировочного авиационного корпуса добились такой высокой точности поражения малогабаритных целей, что за ними заслуженно укрепилась слава снайперов бомбометания.

Офицеры и сержанты видели в Полбине опытного летчика и волевого командира, умелого организатора и воспитателя воинов.

Он внес значительный вклад в развитие тактики. Разработанный им метод группового бомбометания с пикирования дал большой эффект и получил широкое распространение. Упорством и настойчивостью полковник Полбин вывел 1-й бомбардировочный авиационный корпус в ряды лучших. За умелые боевые действия корпус был переименован во 2-й гвардейский бомбардировочный авиационный корпус и получил наименование Львовского.

Когда на завершающем этапе войны перед нашей авиацией встала серьезная задача — бороться с полевой артиллерией противника, Полбин первым разработал и применил методы использования пикирующих бомбардировщиков против вражеской артиллерии.

Поиски нового, постоянное самосовершенствование были отличительной чертой как самого Полбина, так и его воспитанников.

Иван Семенович был настоящим бойцом-коммунистом. Чем больше доверия ему оказывали, тем настойчивее он учился, строже взвешивал свои поступки и действия, вдумчивее относился к делу, которому служил. Так, в Курской битве корпус, которым командовал опытный авиатор, несмотря на сильное противодействие зенитной артиллерии и истребительной авиации врага, произвел более тысячи успешных боевых вылетов. По неполным данным, пикирующие бомбардировщики уничтожили 47 танков, 548 автомашин, 15 складов с горючим и боеприпасами, 25 истребителей противника.

Как бы ни был занят командир корпуса организацией взаимодействия с сухопутными войсками, управлением полетами, обучением молодых летчиков, он по-прежнему сам совершал боевые вылеты, особенно когда перед летчиками корпуса ставились очень ответственные задачи.

Так было и 11 февраля 1945 года. Наши войска окружили фашистский гарнизон в Бреслау. Только в районе

города Опперау оставался еще узкий коридор, по которому гитлеровцы могли вырваться. Нужно было немедленно помочь нашим войскам прочно замкнуть кольцо окружения. Перед корпусом генерала Полбина, выдвинутого на передовые аэродромы, была поставлена задача поддерживать действия наземных войск в районе Опперау. От этого зависел конечный успех операции по окружению противника.

Иван Семенович решил сам вести воздушные корабли на штурм врага, засевшего в городе-крепости Бреслау. Это был его сто пятьдесят седьмой боевой вылет.

Внизу показались очертания крепости. Вражеские зенитчики открыли массированный огонь.

На окраине Опперау обозначились очертания фашистских танков.

— Цель, товарищ генерал! — доложил штурман.

— Вижу. Приготовиться, — приказал он по радио командирам экипажей.

Бомбардировщик, управляемый Полбиным, ринулся вниз. Тяжелые бомбы накрыли цель. Вспыхнуло несколько танков. «Петляковы» с ревом пикировали и делали заход на боевой курс. Зенитки врага сосредоточили огонь на головном бомбардировщике.

При выходе из пикирования от прямого попадания вражеского снаряда загорелся самолет командира гвардейского авиационного корпуса генерал-майора авиации Ивана Семеновича Полбина. Самолет упал в расположение войск противника и взорвался.

Иван Семенович очень любил небо. Летное дело было его призванием. Вот как отзывался об этом замечательном летчике Маршал Советского Союза И. С. Конев:

«Дважды Герой Советского Союза генерал Полбин, командир гвардейского бомбардировочного корпуса, был очень храбрым, я бы даже сказал, безумно храбрым человеком. Причем эта личная храбрость сочеталась у него с высокими командирскими и организаторскими качествами. Всю войну он продолжал летать на выполнение боевых задач, особенно когда эти задачи были крупные, ответственные или особо опасные».

Немного не дожидая победы славный патриот, коммунист И. С. Полбин. В День Победы семья Полбиных получила письмо от Председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калинина.

«Уважаемая Мария Николаевна! — писал Михаил

Иванович жене героя. — ...Ваш муж, Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Полбин Иван Семенович, в боях за Советскую Родину погиб смертью храбрых... Президиум Верховного Совета СССР Указом от 6 апреля 1945 года наградил его второй медалью «Золотая Звезда». Посылаю Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о награждении Вашего мужа второй медалью «Золотая Звезда»... для хранения как память о муже — дважды Герое, подвиги которого никогда не забудутся нашим народом».

В декабре 1948 года в Ртищево-Каменке был установлен бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза И. С. Полбина.

Высоко чтут память выдающегося летчика его земляки. Ульяновцы широко отметили 70-летие со дня рождения этого замечательного летчика. 11 февраля 1975 года в преддверии 30-летия Победы, в Большом зале Ленинского мемориала собрались воины-ветераны, молодые солдаты, рабочие, представители партийных, комсомольских, советских, общественных организаций города Ульяновска, учащиеся; приехали земляки из Майнского района. Почтить светлую память Ивана Семеновича Полбина прибыли его жена Мария Николаевна и дочь Людмила Ивановна, боевые соратники — Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Л. В. Жолудев, бывший стрелок-радист экипажа Полбина В. А. Орлов.

Память о дважды Герое Советского Союза И. С. Полбине чтут и в его родном селе Ртищево-Каменка, которое теперь называется Полбино. Имя героя носит находившийся здесь совхоз. В школе создан музей Полбина, на здании Карлинской школы установлена мемориальная доска. В совхозе для победителей социалистического соревнования учрежден приз имени героя.

В Ульяновске именем Полбина названа одна из улиц Засвияжского района, а в 46-й школе города создан музей, посвященный отважному земляку.

Имя Полбина носит Оренбургское высшее авиационное училище. Будущие летчики настойчиво овладевают боевым мастерством, умножают славные боевые традиции.

Память о герое бессмертна.

«Я ДОЛЖЕН ЛЕТАТЬ...»

Летчик выходил из боя. Осколком снаряда пробило маслобак. Он вывел машину из пике и начал набирать высоту. До линии фронта километров 20. Спастись может только высота!

Кто-то из друзей прикрывал его выход. Зачихал, задымил мотор. Заглох совсем. В кабине стало непривычно тихо. Летчик выровнял машину. Село Большие Салы осталось позади. Внизу под самолетом — курган «Пять братьев». Вот пошла в атаку наша пехота. Снова залегла. Попятилась назад. Летчик зло сжимает челюсти. В кустах, за курганом, он замечает немецкие минометы. Решение приходит мгновенно...

Вот что рассказывают очевидцы — участники освобождения Ростова-на-Дону.

...Летел наш истребитель очень низко, бесшумно. Немцы стреляли по нему, а его и пули не берут. И садится он на мерзлую землю, изрытую минами и снарядами в 300 метрах от передовой, аккуратно, как на ровном месте. Из самолета выскакивает огромного роста летчик-великан и бежит к нам в окопы.

— Знаю вашу беду, братцы, — говорит он. — Где командир? Ведите к нему.

Показал командиру на карте, откуда минометы бьют, где бронемашины находятся, в каких местах пехоты больше.

Заговорила наша артиллерия. Выскочил из командирского блиндажа летчик, в руках автомат держит, крикнул могучим голосом:

— Вперед, за Родину!

И побежал к кургану, овеянному старыми легендами и славой пяти братьев, погибших там много веков назад, но не давших врагу продвинуться по земле русской. Поднялась пехота, пошла в атаку.

— Ура-а-а! — катится над курганом.

Взяли наши воины курган «Пять братьев», разбили минометные батареи, подбили несколько броневиков и два невредимыми взяли, много фашистов там полегло, немало и в плен было захвачено.

Из большой беды тогда он выручил наших пехотинцев, хоть и сам в беду попал...

Этот рассказ, который слышали люди от очевидца, явился основой для родившейся легенды. И вот более 30 лет ходит по земле русской память о летчике-богатыре. Рассказывает ее старый солдат, участник освобождения Ростова-на-Дону, своим внукам. И встает перед глазами в мальчишеском воображении великан с красной звездой на шлеме.

Слушают пионеры в станице Калининской рассказ старой учительницы Антонины Дмитриевны Терешковой об этом герое. Видели в станице, как он с врагами за Родину дрался, какие песни о Волге пел.

Перед глазами встает широкоплечий, двухметрового роста великан, с умными серо-голубыми глазами, светлой курчавой бородой и волевым лицом. Веселый, общительный, великодушный. Звали этого летчика Вадим Фадеев.

Легенда о советском летчике-богатыре Вадиме Фадееве пришла и на Волгу, туда, где родился и жил он. И склонилась мать над пожелтевшими письмами сына. Нашла то место, которое в легенду вошло. Просто писал сынок, не умел разукрашивать.

«Здравствуйте, мои дорогие! Я жив и здоров. Нахожусь в действующей армии. Дерусь с врагами так, как велит мое чувство русского патриота и сердце большевика. Участвовал в боях за освобождение Ростова. Бои были жаркие. За взятие высоты «Пять братьев», или, как сказано в приказе, «за проявленное мужество и героизм», меня наградили орденом Красного Знамени и присвоили звание — лейтенант. Буду воевать еще лучше. Награду Родины оправдаю...»

Пожелтевшие от времени письма. Их 24. Написаны они в 1940—1943 годах. Как и фронтовые фотографии, они свято хранятся у сестры героя Руфины Ивановны Фадеевой, в школах города Куйбышева, Краснодарского края.

Каждое из них — яркая страница из жизни Вадима Фадеева...

В начале января 1940 года перед начальником Ульяновской летной школы предстал рослый парень с пакетом начальника Куйбышевского аэроклуба.

— Коротко автобиографию...

— Родился в семнадцатом в селе Федькино Сенгиле-

евского района. Потом жил в селе Языково, в Ульяновске десять лет. Здесь же окончил семь классов школы имени Кашкадамовой. В тридцатом переехали в Куйбышев. После десяти классов учился два года в строительном институте. Пошел в аэроклуб. И вот...

— Земляк, значит. — Начальник летной школы посмотрел оценивающе и не без юмора спросил:

— Сколько вешишь?

— Девяносто четыре.

— Силен. На СБ будешь летать. Слышал про такой бомбардировщик?

— Истребителем хочу...

— Ладно, там будет видно...

Через неделю с группой новичков Вадим уехал в Оренбургское авиационное училище. Он быстро втянулся в курсантскую жизнь. Учился с любовью. В письмах домой он с восторгом писал о страстном желании летать.

«Здравствуйте, мои дорогие! Я жив и здоров. Папа и мама, простите меня, что я не послушал вас, поступив в авиацию, но я должен летать, я хочу, я буду... И вы не беспокойтесь за меня».

Мечта стать летчиком зародилась у Вадима еще на Волге, когда семья Фадеевых переехала в Ульяновск. В школьные годы отец часто брал Вадима с собой на Волгу рыбачить. Бывало, наловят рыбы, разложат на берегу костер, поставят на него котелок с рыбой и размечтаются. О многом говорили отец с сыном в эти вечерние часы, сидя у костра.

Однажды Вадим увидел в небе строй самолетов, спокойно летевших на восток, и с тех пор в его юношескую душу запала мечта стать летчиком. Он стал жадно читать книги о летчиках, не пропускал ни одной газетной или журнальной статьи на эти темы.

Иными были думы отца. Он хотел, чтобы сын стал архитектором, создателем красивых зданий, поскольку сам был строителем. Советы отца, его авторитет имели большую силу. Поэтому, окончив среднюю школу, Вадим поступил в строительный институт. Здесь он проучился два года. Но мысль стать летчиком не покидала его. И однажды состоялся откровенный разговор с отцом... Забрав из института документы, Вадим едет в Ульяновскую летную школу. А дальше было так, как рассказывал он начальнику летной школы.

И вот письмо:

«...Я летаю и учусь летать (писал Вадим родителям. — В. Г.). Сначала У-2. Полеты на него сдал быстро. Пошел к инструктору и заявил о своем желании сдать досрочно. Тот ответил: «Вы не включены в план, я вас позже вывезу». Я говорю: «Меня вывозить не надо, я готов сразу сдать все летные зачеты по У-2». Он ехидно улыбнулся, но ничего не сказал. В этот же день меня вызывают к командиру звена. «Правда ли, что вы готовы сдать досрочно?» — «Да», — отвечаю. «Садитесь в машину, узнаю, что вы за летчик», — с иронией сказал командир. Мы сели. Он дал мне задание на точность посадки, и самолет взлетел.

Делаю пару кругов и сажусь точно на три точки. Инструктор: «Сделай еще две посадки». Я делаю круги и сажаю, как в первый раз. После посадки он вылез и говорит: «А ну, орел, сделай еще полетов пять, я погляжу с земли профиль посадки». Я взлетаю, сажусь — «отлично»! Второй раз — так же. Гляжу — машут флажком: «заруливай». Иду к командиру звена получать замечания.

«Молодец, — говорит, — летаешь отлично, перевожу тебя на переходную к боевой машине...»

Переходная машина сложнее. Вадим усиленно занимается и новый экзамен также сдает досрочно.

«Родные мои, сообщаю вам свою большую радость. Первый раз в жизни летал один самостоятельно на боевом самолете. На собрании комиссар ставил меня в пример...»

«...Пробовал летать вверх колесами на высоте две с половиной тысячи метров — получается! Разгонял самолет до предельной скорости, вводил его в боевой разворот и сразу набирал высоту метров на 500—600 за какое-то мгновение... Главная цель — испытать себя при перегрузках и взять от машины все, на что она способна...»

По рельсам стучат колеса. «На вос-ток, на вос-ток». Поезд уносит Фадеева на край страны. На нем заветная синяя форма летчика: сбылась мечта!..

А поезд все мчится и мчится, и растет в сердце радость за родную великую землю русскую. Сколько богатств — веками не соберешь, сколько верст — годами не исходишь. А места сколько! Строй города, поселки, прокладывай дороги. «Может, прав отец — поторопился

я с выбором профессии? Но летать... Родина должна иметь свои крылья!»

Прибыв к месту службы, Вадим с присущей ему энергией продолжает упорно совершенствовать качества воздушного бойца. И вот нагрянула война. Летчики пишут рапорта, просятся в бой. Но здесь они тоже нужны: рядом милитаристская Япония...

Наконец приказ — отправляться на фронт!..

Первые боевые вылеты. Фадеев лицом к лицу встретился с фашизмом. После одного из боев молодой летчик писал домой:

«Сволочи — фашистские летчики... Если в воздухе нет наших истребителей, снижаются и с бреющего расстреливают мирное население. Недавно их истребители, налетев на одно село, с 50 метров стали обстреливать из пулемета купающихся в реке детей. Этот разбой не лезет ни в одни ворота даже разбойничьей логики. Я сам — летчик-истребитель, но никогда не стану расстреливать немецких детей, хотя у меня не дрогнет рука уничтожить солдата-фашиста».

Полк, в котором служил Фадеев, был послан на оборону Сталинграда. И вот — свидание с Волгой. Шемящая тоска по родному краю, где родился и вырос.

«Ходил на Волгу, — сообщает Вадим в очередном письме домой, — сидел на берегу часа два. Думал о вас. Как вы там? Так мне хотелось плыть по Волге к родным берегам, но шквал войны подхватил и вновь бросил в бой... Уверен, скоро наступит перелом, и мы разобьем немцев. А сейчас приходится драться, драться и драться, что я и делаю честно и самоотверженно, как полагается каждому русскому, которому дорога свобода и Родина... Ряды наши поредели крепко, но тем сильнее и злее бьем мы фашистов».

Зимой 1942 года во время одного из боев из-за недостатка горючего Фадеев вынужден был посадить самолет на аэродром соседнего полка. Здесь он встретился с командиром эскадрильи, будущим прославленным летчиком, ставшим впоследствии трижды Героем Советского Союза, Александром Покрышкиным. Вот как описывает эту встречу сам Покрышкин в книге «Небо войны»:

«...Когда пилот вылез из кабины, мы чуть не ахнули. Это был здоровенный, широкоплечий детина. Настоящий богатырь! И как он только помещался в кабине И-16, да еще в меховом комбинезоне!

Окинув нас взглядом, незнакомец улыбнулся и поднял руку:

— Привет героическому воинству! — Подошел и протянул мне широченную ладонь: — Фадеев.

Я назвал себя.

— А-а, Покрышкин!.. Газеты читаем.

Я тоже сразу вспомнил Фадеева. С ним было связано много фронтовых историй, похожих на легенды...

С большой теплотой Покрышкин рассказывает о Фадееве, вспоминая его «могучий, грохочущий бас», его крепкие рукопожатия, душевность в отношениях с друзьями и отвагу в бою.

В летних боях 1942 года Фадеев показал себя зрелым, искусным летчиком, он уже сбил шесть фашистских самолетов и был назначен командиром эскадрильи. В одном из этих боев он был ранен и лечился в госпитале в районе Дербента. И здесь неожиданно новая встреча с Покрышкиным. Узнав, что Фадеев «безлошадный», Покрышкин предложил ему после выписки из госпиталя перейти в их полк. Вадим согласился. С тех пор они вместе служили и воевали.

Здесь, в полку, росла и крепла их фронтовая дружба. И когда Фадееву временно пришлось принять у Покрышкина его эскадрилью, последний передал Вадиму свои записки по тактике и просил «учить только по ним». А когда Покрышкин вернулся, они вместе с Фадеевым обучали и тренировали летчиков новым тактическим приемам боя.

При каждом удобном случае Фадеев старался расспросить любого летчика, как и при каких обстоятельствах тому удалось перехитрить, победить врага. Потом все это он анализировал, отбрасывал случайное, а все новое, разумное проверял в бою. И если тактический прием или маневр находил ценным, рассказывал о нем товарищам...

Дважды Герой Советского Союза генерал-майор авиации Г. А. Речкалов вспоминает:

«С первых же боевых вылетов имя Фадеева стало символом героизма и мастерства. Особенно прославился Вадим во время боев за Кубань весной 1943 года. Были дни, когда он сбивал по два-три самолета противника...

Никогда не забуду я своего верного друга, вдумчивого и серьезного в бою, веселого и остроумного в минуты отдыха».

Сообщая об итогах десяти дней боевой работы полка, газета Северо-Кавказского фронта писала, что среди лучших летчиков-истребителей, мастеров воздушного боя «выделяются гвардии старший лейтенант Фадеев и гвардии капитан Покрышкин. Они завоевали право быть названными советскими асами».

Утром в один из последних дней апреля сорок третьего четверка старшего лейтенанта Фадеева, выполнив задание, благополучно возвращалась домой. И вдруг Вадим услышал предупреждающий голос:

— Борода, Борода (это позывные Фадеева), сверху четыре «месса».

— Вижу, Андрей. На свободный маневр.

— Седьмой, закрой хвост...

Немецкая четверка нахально лезла в бой, что редко случалось при равных силах.

— Бывалые!.. — предупредил Вадим ведомых. — Проверим на прочность...

Один из «мессеров» уже насадал на самолет Фадеева. Несколько «куражей» не помогли ему перехитрить врага. Видимо, тот, заметив на его машине 18 звездочек (к тому времени столько сбитых самолетов значилось на его боевом счету), решил отличиться. Еще несколько сложных фигур, и Фадеев на какое-то мгновение оказался над хвостом проскочившего вперед «мессершмитта».

— «Дракон» — старый знакомый! — зло бросил Вадим. Несколько раз сводила судьба его с этим фашистским асом. И каждый раз он уходил...

В середине апреля шел жаркий бой над станцией Крымской. Казалось, что тогда все небо кишело самолетами, стреляло, дымило, вспыхивало. Уже пора выводить группу. На исходе горючее, боеприпасы.

Фадеев видел немецких летчиков, их лица. Вот одно из них промелькнуло совсем близко. А еще запомнил дракона, нарисованного на фюзеляже самолета и картанные слова в шлемофоне:

— Борота, Борота! Тавай сразимся.

— Сволочь фашистская, еще встретимся...

Дня через два вели бой над станцией Абинской. Несколько раз мелькнуло лицо «Дракона» в этом бою. Заметил и он Фадеева.

И вот новая встреча.

— Андрей, выходи вперед на «стрелу с амуром». А я — за «Драконом».

И тут Фадеев услышал голос Искрина:

— Борода, «мессы» заходят в хвост.

Немецкий летчик изо всех сил тянет ручку на себя, стремясь быстрее поймать в прицел самолет Фадеева, но тщетно! «Борода» мгновенно развернулся и стал уходить под «мессершмитта». В эти секунды враг оказался в прицеле ведомого — Андрея Труда. Судьба фашиста решена! А вскоре рухнули на землю и еще два «месса». Остальные, выходя из боя, отвернули в сторону.

Фашистский ас, видя, что его преследует «Борода», взмыл вверх с переворотами через крыло, потом бросился вниз. Фадеев ловит каждое движение «Дракона», повторяет замысловатые фигуры, входит в азарт, но фашист никак не попадает в сетку прицела. Наконец он уловил момент — короткая очередь, и «Дракон» загорелся...

Вечером Вадима вызвали в штаб. Гитлеровский ас хотел знать: достойный ли противник сбил его? И когда ему показали на вошедшего богатыря с окладистой бородой, он залопотал: «Борота...» и протянул ему золотые часы. Фадеев пренебрежительно бросил: «Подарков от врагов не принимаю» — и вышел из штаба...

«Здравствуйте, мои дорогие!

Несколько дней стояли на аэродроме у соснового бара. Прекрасно. Соловьи поют. А где-то рядом день и ночь ухают дальнобойные пушки, гвздят немцев.

В этом лесу есть озеро. Когда я купаюсь в нем, то вспоминаю матушку-Волгу.

Страшно соскучился о вас, папа, мама, Юлешенька и бабуся. Верю, что придет час — приеду я домой цел и невредим и обниму вас, расцелую крепко-крепко...»

Перед очередным вылетом Вадим просит своего товарища Радченко отправить домой это письмо... Передавая его мне в 1968 году, сестра Вадима, Руфина Ивановна, сказала: «Это — двадцать четвертое. Больше писем от него не было...»

В тот день (это было 5 мая 1943 года) над Кубанью шли сильные воздушные бои. Нашим летчикам буквально вздохнуть некогда было: вылет за вылетом.

...Вечерело. Самолеты возвращались на аэродром. Летчики усталые, прямо у стоянки валились на землю.

— Кто видел Фадеева? Где он? — спрашивали друг друга летчики. Но тогда никто не знал, что Вадим ведет неравный бой с фашистами над станицей Крымской.

Вот что рассказывает о его последнем бое полковник Георгий Голубев:

«Немцы давно охотились за Фадеевым. Узнав, что Фадеев идет с группой на выполнение боевого задания, фашисты выпустили навстречу ей восемь «мессеров»... Фадеев пошел на сближение с противником, шедшим на большой скорости. Видя, что он увлекся атакой, верхняя четверка «мессов» сама перешла в атаку с пикирования и залпом ударила по нашему истребителю. Осколками разорвавшегося снаряда самолет был поврежден, а Фадеев тяжело ранен. Он пытался дотянуть до своих, но мотор стал давать перебои. Надо садиться, но куда? Кругом плавни, а тут еще это ранение!..

Подбитый истребитель уже не подчинялся летчику. Он стал снижаться. Все ближе, ближе к сплошным зарослям камыша...

А на аэродроме Радченко упорно шарит глазами по голубому небу. И вдруг... Нет, этого не может быть! Ведомый «Бороды» Андрей Труд идет на посадку один. Медленно выходит из кабины бледный, мрачный... Подошли Радченко, Покрышкин, Речкалов и другие летчики. Ждут, что скажет Труд.

Андрей не выдержал, отвернулся, плечи его вздрагивают...

— Не может этого быть, — говорит комиссар Погребной, — не верю. Его невозможно видеть мертвым».

Фадеев не вернулся на аэродром. Но никто из друзей не считал его погибшим. Он был рядом с ними в воздухе, громил врага, расстреливал фашистские колонны, сбивал самолеты.

24 мая 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте и проявленную при этом отвагу и героизм гвардии капитану Вадиму Ивановичу Фадееву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Но крылатый богатырь не погиб, нет, он жив. Жив в сердцах боевых товарищей, в рассказах летчиков, в воспоминаниях друзей, в легендах.

Бывший командующий воздушной армией генерал-полковник авиации Н. Ф. Науменко писал:

«Первым, кому во время боев на Кубани я подписал представление на звание Героя Советского Союза, был В. И. Фадеев. И он вполне его заслужил. Мужественный патриот и искусный воздушный боец разил врага без

промаха. Достаточно сказать, что в течение одной из недель он уничтожил десять самолетов противника лично и один в группе... Если бы жизнь его не оборвалась так внезапно в неравном воздушном бою над Кубанью, в семье наших летчиков, вероятно, был бы еще один трижды Герой...»

26 октября 1968 года на центральной усадьбе совхоза «Орный» Краснодарского края Герою Советского Союза Фадееву открыт памятник.

В тот день над станицей шел сильный дождь. Но люди, съехавшиеся из четырех сел, не покидали площадь. Они пришли почтить память отважного летчика, волжского богатыря.

В. Лебедев

ИДЕМ НА СБЛИЖЕНИЕ

В небо взлетает зеленая ракета. Командир истребительной эскадрильи Петр Коломин быстро влезает в кабину самолета, подает команду и выводит свою машину вперед, чтобы показать, что он готов к полету. Через считанные секунды он в воздухе. К его машине пристроились еще три истребителя и взяли курс на юго-запад.

Задача, как это показалось вначале, была нетрудной: выйти в заданный район и прикрывать с воздуха наши наземные войска.

Первые минуты полета проходят спокойно. Внизу, под плоскостями, зелеными и светло-желтыми квадратами садов и полей, нитками дорог и рек стелется родная земля... И вдруг эта мирная картина резко изменилась. Слева и справа по курсу под четверкой краснотелных истребителей поплыли то изрытые бомбовыми взрывами и снарядами дороги, то горящие села. Похоже было, что четко выраженной линии фронта здесь нет. И неудивительно: в этом районе наши войска, ведя ожесточенные бои с превосходящими силами противника, в ряде мест вынуждены были перейти на новые рубежи... А вот прямо по курсу — наши наземные войска, движение которых следовало прикрывать с воздуха. Четверка, возглавляемая капитаном Коломиным, развернулась и начала барражировать.

— Будьте внимательны! — прозвучал в шлемофонах летчиков спокойный, предостерегающий голос Коломина.

Не прошло и минуты, как справа вынырнула в просвете между облаками большая группа «юнкеров» и «мессеров».

— Идут, гады!.. Как на парад! — с сердцем бросил Петр Коломин и стал считать: — Пять... Десять...

Но досчитать, сколько было в небе вражеских самолетов, не успел. Надо было немедленно принимать решение и действовать. И тут же подал команду:

— Идем на сближение!

И летчики без страха ринулись в бой с фашистскими бомбардировщиками, а их было, как потом оказалось, 27! Они шли в сопровождении шести «мессершмиттов». Численное превосходство противника огромное: 4 наших самолета против 33 немецких!

Завязался жестокий воздушный бой. Казалось, само солнце померкло в эти минуты. Небо загрохотало от разрывов снарядов и пулеметных очередей. Смело врезались наши соколы в строй «юнкеров». Особенно умело маневрировал капитан Коломин. Он первым бросился на фашистских стервятников. А когда «юнкеры» появились в перекрестии прицела, он нажал на гашетку. Выпущенные им одна за другой пулеметные очереди сломали строй вражеских самолетов, заставили их уходить.

— Врешь, гад, не уйдешь! — крикнул Петр и, сделав крутой вираж, снова пошел на сближение с врагом. Его машина подошла к бомбардировщику так близко, что Коломин увидел злобное лицо гитлеровского летчика, напряженно пригнувшегося к штурвалу. Теперь Коломин бьет по пилоту, по моторам — три коротких пулеметных очереди прорезают воздух. В это мгновение фашист ударил из пушки. Но было уже поздно: меткие выстрелы Коломина (бить без промаха Петр научился еще в финскую кампанию) сделали свое дело — вражеский самолет задымил, клюнул носом и в клубах черного дыма полетел на землю.

Командир эскадрильи прибавил газу и на максимальной скорости резко бросил машину в сторону, где вели бой его товарищи. Подойдя ближе, он увидел, как один из его воспитанников — Герой Советского Союза Горохов — меткой пулеметной очередью сбил «юнкера».

В ходе боя многие фашистские бомбардировщики,

сбросив бомбы вне цели, поспешили убраться восвояси, однако прикрывавшие «юнкерсов» истребители и часть бомбардировщиков продолжали вести бой. Два «мессера» с яростью бросились на «ястребка», за штурвалом которого сидел молодой летчик Щеголев. Но эта атака для одного из «мессов» оказалась последней. В тот момент, когда «мессершмитт» пытался зайти в хвост самолету Щеголева, слева, чуть выше немецкого истребителя, появился Коломин. Немецкий летчик, вероятно, заметил опасность, повернул самолет так, что встретился лицом к лицу с советским летчиком. Щеголев точно определил расстояние до «месса» и открыл огонь. Вражеский самолет, потеряв управление, еще секунду-две продержался в воздухе и камнем рухнул на землю.

— Молодец! — с восхищением крикнул Коломин.

Это была первая победа, одержанная эскадрилей коммуниста Коломина в первые дни войны. В результате стремительной и умелой атаки противник потерял четыре самолета, а четверка капитана Коломина — ни одного. Налет вражеских бомбардировщиков на боевые порядки наземных наших войск был предотвращен.

Петра Ивановича Коломина я знаю с детских лет. Жили мы в ту пору в городе Мелекессе (ныне Димитровград) на Суходольской улице по соседству. Я очень любил Петю и относился к нему с большим уважением. И не потому, что он был старше меня на два года. А потому, что был хорошим, душевным товарищем. Среди сверстников он отличался смелостью, находчивостью и предприимчивостью, легко сходилась с ребятами. Никогда не унывал, любил пошутить, посмеяться. Ростом он был невелик, но зато крепок телосложением.

Шли годы. Петр вырос, возмужал. Семья у них была большая. Родители его работали тогда на льнопрядильной фабрике. С этим производством думал навсегда связать свою жизнь и Петр. Так и сложилась сначала его трудовая биография: он был масленщиком, потом ткачом, затем слесарем. Здесь в 1926 году Петр вступил в ряды Ленинского комсомола. А в 1929 году он связал свою жизнь с Коммунистической партией.

С тех пор много воды утекло. Мы оказались в разных городах, потеряли связь и ничего не знали друг о друге. И вот спустя почти 15 лет мы встретились с Петром в

нашем городе, куда он приехал с фронта на короткий отдых.

Это был уже не тот молодой паренек, которого я знал и с которым когда-то бегал на черемшанские луга, чтобы посмотреть и пощупать своими руками первые советские аэропланы с красными звездами на крыльях. Мне жал руку и крепко обнимал коренастый, плотный мужчина в форме военного летчика. Его серые глаза, как и в юношеские годы, радостно светились, открытый добрый взгляд располагал к себе. На его груди блестели орден Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Суворова III степени, Отечественной войны I степени, Александра Невского, два ордена Красной Звезды...

— Как ты, Петр Иванович, пришел в авиацию? — спросил я его во время разговора. — Ведь ваша семья, можно сказать, потомственные ткачи и прядильщики. Да и сам ты начал на льнопрядильной фабрике.

Петр засмеялся, пожал плечами и сказал:

— Как и все, захотел быть летчиком — вот и стал им. Затем он рассказал подробнее, как было дело.

Оставив слесарное дело, Петр Коломин уехал учиться в военную школу летчиков.

Наступили напряженные, волнующие дни учебы. Петр настойчиво изучает теорию полетов, устройство моторов, отрабатывает различные элементы полета на тренаже. Больших трудов стоило ему не отстать от товарищей. Ведь у многих из них — среднее и даже высшее образование! А у него — шесть классов неполной средней школы.

И вот позади годы учебы. Петр Коломин, окончив в 1933 году училище, едет к месту службы.

В 1939 году он уже командует эскадрилей истребителей, принимает участие в войне с белофиннами. 199 боевых вылетов — вот ратный итог его на финском фронте.

За несколько месяцев войны Петр Коломин накопил богатый боевой опыт, научился без промаха бить врага. За умелые действия и отвагу, проявленные в боях с белофиннами, правительство наградило его орденом Красной Звезды.

Великая Отечественная война застала майора Коломина в Прибалтике. Он командовал эскадрилей.

Характеризуя его боевую деятельность, командование отмечало, что летчик Коломин в боях с гитлеровцами «показал себя бесстрашным воздушным бойцом, подлин-

ным мастером вождения самолета, волевым, способным командиром. Многочисленные воздушные бои, проведенные лично им и под его командованием, — яркое свидетельство высокой боевой выучки, смелости, решительности, героизма и умения управлять в бою таким сложным видом оружия, как авиация».

В апреле 1943 года подполковник Коломин был назначен командиром истребительного авиационного полка. В те дни, когда он пришел в эту часть, здесь было много молодых летчиков, почти не имевших боевого опыта, а их подготовке, к сожалению, не уделялось должного внимания. «Сейчас не до учебы», — рассуждали некоторые командиры.

С первого же дня подполковник Коломин все свои организаторские способности, всего себя отдал тому, чтобы в самый короткий срок поднять боевую выучку летчиков. И он добился этого. Опираясь на опытных командиров и политработников, на партийную и комсомольскую организации, он изо дня в день учил летчиков и технический состав, повышал их боевое мастерство, заботился о том, чтобы они были мужественными и храбрыми, проявляли активность и инициативу во время выполнения боевых заданий.

Такие качества командир полка Коломин прививал своим подчиненным не только на земле, в часы учебы, но и в воздухе. Он часто, особенно когда предстояло решать весьма сложные и ответственные задачи, лично вел эскадрильи истребителей на выполнение боевых заданий.

Все это дало свои плоды. «В первые же месяцы боев, — говорится в одном из документов военных лет, — личный состав полка под командованием подполковника Коломина проявил исключительное мужество, отвагу и умение побеждать врага меньшими силами в любой сложившейся обстановке воздушного боя. И вот результат: в боевых операциях, которыми лично руководил подполковник Коломин (это было в мае — июне 1943 года. — *В. Л.*), за семь дней летчики сбили 30 самолетов противника. В боях этих командир полка лично сбил два самолета».

Еще больших успехов добился полк в последующих воздушных боях. Вот некоторые факты. Только в июне 1943 года летчики провели 497 успешных боевых вылетов. Совместно со штурмовиками полк Коломина провел 67 воздушных боев и сбил 36 гитлеровских самолетов.

Прикрывая наземные войска, летчики полка за 4 дня (с 11 по 14 августа 1943 года) совершили почти 200 боевых вылетов, сбили 41 самолет противника. Лично командир полка подполковник Коломин совершал по 3 — 4 вылета в день и вел тяжелые бои с превосходящими силами врага. За эти 4 напряженных дня он лично провел 5 воздушных боев и сбил 7 немецких самолетов.

Боевая активность и мастерство летчиков полка росли с каждым днем. Вскоре о боевых делах полка говорили не только в дивизии, но и в армии.

Но эти первые успехи никому в полку не вскружили голову. Коломин упорно продолжал совершенствовать летное мастерство своих подчиненных, помогал им стать настоящими воздушными бойцами.

...Над аэродромом хмурое осеннее утро. Низко опустившиеся облака окутали землю. Машины готовы к выполнению боевого задания. Но ненастье заставило летчиков сидеть в землянках возле железных печурок.

Но вот погода изменилась. На аэродроме все ожило. Загудели моторы. В небо взвизывает ракета. И четверка истребителей под командой подполковника Коломина уже в воздухе и легла на боевой курс. Вскоре ведущий заметил девятку Ю-87.

По команде ведущего молодые летчики Щеголев, Толпенко и Герой Советского Союза Горохов, быстро приняв боевой порядок, пошли на сближение с противником. «Юнкерсы» пытаются уйти от нашей четверки, круто поворачивают на северо-запад.

Видя это, Петр Коломин передал:

— Следовать за мной! — и тут же стал набирать высоту. Уйдя за облака, четверка Коломина сделала полукруг с левым разворотом и из-за туч внезапно напала на фашистов. Пушечные и пулеметные выстрелы разорвали воздух. Вот справа уже густо задымили и камнем полетели вниз два «юнкерса». Вслед за ними вспыхнули ярким пламенем и рухнули на землю еще два бомбардировщика. Остальные вражеские самолеты, не выдержав атаки, дрогнули и, сбросав бомбы в районе расположения своих войск, повернули назад.

Но не прошло и минуты, как из-за облаков вынырнула новая группа немецких бомбардировщиков. Их было 12. Петра Коломина не испугало численное превосходст-

во врага. Конечно, он мог бы увести свою четверку, не вступая в бой. Но уйти за облака, спрятаться от противника — такого в практике коммуниста Коломина не было.

Подполковник Коломин принимает решение — атаковать! Быстро изменив курс, он повел свою четверку наперерез немецким бомбардировщикам.

«Юнкерсы» шли к нашему переднему краю. Заметив советских истребителей, они открыли огонь из пушек и пулеметов. Искусно маневрируя, Коломин выбрал удачный момент и поджег «юнкерса». В тот же миг на землю упал еще один фашистский самолет, сбитый одним из советских летчиков. Бомбардировщики начали уходить.

Но и после этого четверке Коломина не сразу удалось взять курс на свой аэродром. В воздухе появилась еще одна группа «юнкерсов», прикрываемая «Мессершмиттами-110». И снова наша четверка идет в атаку. И снова выходит победителем, уничтожив еще 5 немецких машин.

Четырнадцать сбитых самолетов — таков итог только одного боя.

За время командования полком подполковник Коломин и его летчики провели свыше 6000 успешных вылетов, 235 воздушных боев, в результате которых сбили 192 самолета противника.

За умелую и отличную организацию боевой работы, за достигнутые полком успехи в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, за лично сбитые 18 самолетов противника и 7 в групповых полетах и проявленные при этом доблесть и мужество подполковнику Петру Ивановичу Коломину присвоено звание Героя Советского Союза.

П. Слесарев

ЦЕЛЬ НАКРЫТА!

Летчики Николай и Михаил Паничкины родились в небольшой деревеньке Лебедевке. В названии села есть нечто символичное. Красиво, высоко летают белоснежные сильные птицы. Вот и братья Паничкины еще с детства вынашивали мечту самым взлететь в голубое небо.

Если бы не наградные листы, свидетельства односельчан и очевидцев, документальные материалы, опубликованные в печати, биографии братьев нетрудно было принять за вымысел. Так много в них сходного. Почти одновременно они закончили среднюю школу и были призваны в армию. Правда, служили в разных частях. Потом оба одновременно поступили в военное авиационное училище. Окончили его в 1940 году и были направлены в одну часть.

Великая Отечественная война застала их в Курске. При выполнении боевого задания самолеты братьев Паничкиных не раз были подбиты зенитным огнем. Приходилось им приземляться и на территории, занятой врагом. Каждую минуту рискуя жизнью, братья смело пробирались через линию фронта и снова оказывались в своем полку. Немного отдохнув, опять поднимались в воздух, метко разили врага и его военную технику, склады боеприпасов и горючего.

Так локоть к локтю братья прошли через все сражения войны. И что особенно любопытно, в один день были представлены к высшей награде и получили ее вместе. Но поскольку грамоты Героев Советского Союза выдаются персонально, у Михаила она за номером 11895, а у Николая — 11896.

Свой боевой путь Паничкины начали на рассвете 26 июня. Приказ был коротким и ясным: на железнодорожной станции Грубешув обнаружено крупное скопление эшелонов и войск врага. Задача — нанести по ним массированный бомбовый удар...

Взревели моторы. Разрешающий флажок стартера — и серебристые двухмоторные машины стремительно уходят в воздух.

Вот уже все самолеты построились в клин и взяли курс к линии фронта. Молодые штурманы Николай и Михаил Паничкины уверенно ведут свои звенья к цели. Старший Николай посмотрел на карту, сличил ее с местностью сквозь «окно», мелькнувшее в облаках. По расчетам до заданного района оставалось 50 километров. Внезапно самолет резко встряхнуло. Зенитный снаряд попал в левый мотор, и он сразу заглох. Появилась рваная пробоина в кабине. Пилот Виктор Маркелов вопросительно взглянул на штурмана, как бы ожидая ответа.

— Тяни на одном, Виктор! До цели недалеко, — услышал летчик в ответ ободряющие слова штурмана.

Летчик кивнул, согласившись со штурманом. Николай напряженно всматривается вперед. Облака поредели. Вот показалась железнодорожная станция. От нее на восток отходил эшелон.

Самолеты над целью. Сейчас самое главное — точно поразить ее. Еще раз взглянув на землю, штурман звена подал команду и нажал на рычаг. Его движение повторили штурманы на ведомых самолетах. Машина облегченно вздрогнула, освободившись от смертоносного груза. Тяжелые бомбы стремительно неслись вниз. Прошло всего лишь несколько секунд, и на станции, в самой гуще эшелонов, вспыхнули факелы взрывов. Это рвались цистерны с горючим и вагоны с боеприпасами.

Самолеты, маневрируя среди разрывов зенитных снарядов, легли на обратный курс. Машина Маркелова шла на одном моторе и, естественно, все больше и больше отставала от группы, а вскоре она оказалась в одиночестве. Николай внимательно следил за небом. Тревога его была понятной: в небе появились немецкие истребители — ему и летчику грозила бы смертельная опасность...

А как дела у Михаила? Оказывается, и ему не повезло. Его самолет также еще на подходе к цели был выведен из строя: разрывом зенитного снаряда повредило крыло. Машина с большим трудом поддавалась управлению. Однако экипаж сумел не только сбросить на цель бомбовый груз, но и довести самолет до родного аэродрома. Передав машину техникам, Михаил снял шлем, вытер потное и возбужденное лицо, тут же спросил, вернулся ли Николай. Кто-то из летчиков сказал, что его самолета нет. Видимо, что-то случилось...

Михаил с тревогой всматривался в небо. Наконец над аэродромом появился самолет Николая. Вот он уже на посадочной полосе, замедляя бег, подрулил к ангару. Михаил устремился к машине.

Братья обнялись. Так состоялось их боевое крещение.

Всю ночь техники ремонтировали поврежденные самолеты. А наутро оба брата снова поднялись в воздух. Младший, Михаил, летел в составе группы, а экипаж Николая, получивший самостоятельное задание, шел другим курсом. Ему предстояло выйти к переправе, где скопилось много танков, бронетранспортеров, орудий и живой силы противника, и накрыть цель.

Выполнение задачи осложнялось тем, что решать ее должен был всего один экипаж. Это отлично понимали

летчик Маркелов и штурман Николай Паничкин. Когда самолет приблизился к цели, на нем был сосредоточен огонь всех зенитных батарей и пулеметов врага. Уже несколько осколков прошли фюзеляж, разбито стекло фонаря. Снаряды рвались так близко, что порой казалось, будто бомбардировщик плывет на сизых облачках разрывов.

— Пять секунд! — показал штурман на пальцах летчику.

Столько оставалось времени до сброса бомб. Но на войне и секунда резко меняет обстановку и соотношение сил. В кабине летчика с грохотом и треском разорвался снаряд. Николаю в лицо пахнуло жаром, обдало чем-то горячим и липким. В глазах на миг помутнело. Он протер глаза и увидел, что летчик убит. Самолет теряет высоту, начинает переходить в отвесное падение. Медлить было нельзя. Штурман открыл колпак, вывалился за борт и рванул кольцо парашюта. С легким хлопком раскрылся над головой серебристый купол.

Приземлившись, Николай осмотрелся. Вокруг — колосистое пшеничное поле. Неподалеку — опушка леса. Штурман, отстегнув парашют и замаскировав его землей и стеблями, пополз к лесу. Здесь он сверил местность по карте. До линии фронта было более сотни километров.

...Девять дней пробирался Николай до своих, питаясь ягодами, диким луком и грибами. Однажды голод привел его к лесной сторожке. Но войти в нее сразу не решился. Залег в репейнике неподалеку от хаты и стал наблюдать. Настораживало то, что никто не входил и не выходил. А по двору мирно бродили куры, в сарае пофыркивал конь. Значит, сторожка жилая. Пока Николай раздумывал, войти ему в избу или немного еще подождать, неожиданно раздался грубоватый голос:

— Ну чего затаился, вставай!

Николай быстро вскочил, крепко сжав в руке пистолет. Перед ним стоял старик с берданкой за плечами и улыбался широко и добродушно.

Это, как выяснилось позже, был лесник. Ни о чем не спрашивая, он пригласил Николая в сторожку, накормил его, помог перевязать рану на ноге.

На прощание протянул узелок с хлебом и сказал, что до фронта верст 40.

Поблагодарив за гостеприимство и помощь, Николай двинулся в путь. Вскоре пришел в часть. Не сразу в этом

исхудавшем, обросшем человеке летчики узнали своего товарища.

— Значит, опять вместе? — крепко сжимая в объятиях брата, спросил Михаил. — А я, признаться, уже всплакнул о тебе. Мы же знали, что ваш самолет был подбит.

— А как ты воюешь? — поинтересовался Николай.

— То же, как и у тебя, получилось, — ответил Михаил и рассказал брату о том, что произошло с ним.

А случилось вот что. Утром группа самолетов поднялась в воздух с задачей разгромить скопление врага в районе Молодечно. Зашли на цель со стороны запада, откуда противник не ожидал, и начали бомбить. Немецкие зенитки открыли сильный огонь, один снаряд угодил в самолет Михаила. Летчик был убит. Потерявшая управление машина, устремляясь к земле, перешла в штопор.

— С каждым витком, — рассказывал Михаил, — меня все сильнее прижимало к сиденью. С большим трудом открыл фонарь. Чувствую, как тяжелеют ноги, руки. И только со второй попытки вывалился из кабины. Меня с силой отбросило в сторону от машины. И это спасло. Иначе я мог бы зацепиться парашютом за обломки...

— Вот и вся история, — вздохнув, закончил рассказ Михаил.

* * *

После выполнения ряда ответственных боевых заданий братья Паничкины были посланы на курсы, где они обучались ночным полетам.

И вот Паничкины снова в родном полку. Но уже в ином качестве. Дело в том, что ночное бомбометание резко отличается от дневного. В темноте гораздо сложнее прокладывать курс, а тем более обнаружить, особенно в крупных городах, наибольшую по площади цель.

Братья Паничкины в совершенстве овладели искусством точного бомбометания с любых высот. Обычно они действовали на пару: один освещает объект, другой поджигает его. Убедившись, что цель видна, условным сигналом сообщали командиру группы бомбардировщиков, которые и наносили по заданному объекту бомбовый удар.

Реже братья действовали в одиночку. Они бомбили скопление танков и пехоты врага в прифронтовой полосе,

его передний край, взаимодействовали с нашими наступающими войсками.

В тяжелые дни блокады Ленинграда они успешно наносили мощные удары по позициям тяжелой артиллерии врага, чем серьезно облегчали положение героических защитников города-героя.

В дни Сталинградского сражения штурманы Паничкины совершили по 33 налета на аэродромы, железнодорожные узлы противника. Они сбросили на фашистов 300 тонн бомб.

Но вот настало время наносить бомбовые удары по глубоким тылам врага. Первым таким объектом стал Кенигсберг. В конце 1942 года братья Паничкины участвовали в налете на этот город. На подходе к нему группа бомбардировщиков была встречена плотным зенитным огнем. Десятки прожекторов зашарили по небу. Снаряды рвались так близко, что слышно было, как отдельные осколки скрежетали по обшивке самолета.

Сброшены осветительные бомбы. Михаил увидел четкую планировку города, береговую линию моря и, главное, — порт, заставленный военными и транспортными судами. Немного изменил курс, и по его сигналу бомбы сброшены на город и порт. Фотоаппарат зафиксировал, как взметнулись в небо огненные хвосты и клубы разрывов. Отчетливо обозначились очаги пожаров. Когда по возвращении на аэродром проявили пленку, оказалось, что взорвано несколько судов противника, разрушены портовые сооружения...

Второй налет на город был более трудным. Правда, бомбы легли точно по намеченным целям, но осколок немецкого снаряда повредил правый мотор. Высокую выучку и выдержку проявил при этом пилот. Выбрав оптимальный режим, он с большим трудом дотянул до своей территории на одном моторе. Немаловажную роль в этом сыграл штурман Михаил Паничкин. В сложных метеорологических условиях он отыскал запасной аэродром, на котором благополучно приземлился поврежденный бомбардировщик.

И позже жизнь экипажа не раз подвергалась смертельной опасности. Так произошло 16 октября 1943 года, когда группа пикировщиков разгромила крупную механизированную колонну в районе Орши. Машины быстро поднялись в воздух и, приняв боевой порядок, набрали необходимую высоту. День был ясный, облачность не-

значительная. Нужную цель отыскиали без труда. Видно было, как фашистские танки и бронетранспортеры, заметив наши самолеты, начали расползаться с шоссе на дороги. Но поздно. Звено Михаила первым сбросило бомбы, а вслед за ним это сделали и остальные звенья. Загорелись немецкие танки, бензоцистерны, машины с боеприпасами.

Но в тот момент, когда бомбардировщики уже развернулись на восток, в воздухе неожиданно появилось несколько пар «мессершмиттов». Первая их атака была отбита. Бомбардировщики шли плотным строем и своим огнем подбили один вражеский самолет, который задымил и отвалил в сторону.

Однажды при повторном заходе немецких истребителей загорелся один из моторов самолета, где штурманом был Паничкин. Экипажу пришлось прыгать. Последним раскрыл парашют командир корабля...

Возвратясь однажды с очередного полета, братья Паничкины, к своему крайнему удивлению и радости, увидели на кромке аэродрома в летной форме своего отца, Степана Федоровича.

— Батя, и ты здесь? — воскликнул Михаил. — Каким это ветром занесло?

— Где взял форму? — спросил озадаченный Николай.

— Теперь я для вас связист Паничкин, — улыбнулся отец, приосанившись.

Братья крепко обняли и расцеловали отца, на глазах которого засверкали слезы. И, не скрывая восхищения своими орлами, отец добавил:

— Я еще в училище хотел к вам приехать, да тогда не получилось. А сейчас вошел в отцовское положение, удовлетворили мою просьбу...

После этого каждый раз, возвратившись с боевого задания, братья отыскивали взглядом, а где же их отец. И, увидев его, радостно улыбались.

Фронт неудержимо продвигался на запад. Штурманы Паничкины участвовали в налетах на занятые врагом Плоешти и Данциг, на Хельсинки и Констанцу. И вот наконец началось историческое сражение за Берлин.

Лететь над большим городом, когда по твоему самолету сосредоточены все огневые зенитные средства, — это большой риск. Но настоящее мастерство позволяло братьям Паничкиным в любой опасности находить нуж-

ный выход. Оба они отлично ориентировались в небе и, проявляя спокойствие и выдержку, настойчиво отыскивали цели. Они сбивали с толку зенитчиков врага тем, что умело маневрировали на высоте, то и дело меняя курс. А ведь им приходилось идти под непрерывным огнем часами!

...Огромный город тщательно затемнен. Нет сомнения, что самолет-осветитель был замечен в воздухе, еще когда он только пересек линию фронта. Но вот вспыхнула первая ракета, и по самолету, попавшему в фокус прожекторных лучей, открыли огонь десятки зенитных орудий.

Вспышки разрывов осветили небо. Снаряды рвались справа, слева и впереди по курсу. Но штурман спокойно и уверенно ведет машину на заданную цель. А вот и она — аэродромы Темпельгоф, Тиргартен. Здесь в подземелье — имперская канцелярия Гитлера. Штурман сбрасывает зажигательные бомбы. Увидев, что тут и там запылали пожары, передал по радио своим бомбардировщикам, находящимся в воздухе, условный сигнал: «Цель найдена, можно по ней работать». После этого, маневрируя, стал выводить самолет из зоны зенитного огня. Потом, уже на своем аэродроме, обнаружил несколько пробоин в фюзеляже и на крыльях.

* * *

Славный боевой путь прошли отважные братья. Николай совершил 248 боевых вылетов, из них более 30 на дальние цели. Михаил участвовал в 269 полетах, из них около 40 по дальним целям.

После войны братья долго еще служили в армии. Михаил стал полковником, Николай — подполковником. Сейчас Николай живет в Борисполе, Михаил — в поселке Шереметьево под Москвой.

Братья Паничкины — желанные гости в рабочих и сельских клубах, в школах и учебных заведениях. Ветераны выступают перед учащимися, допризывниками, рабочими и колхозниками, рассказывают им о легендарных подвигах советских людей в годы минувшей войны.

А. Дмитриев,
Герой Советского Союза

ПОД ГВАРДЕЙСКИМ ЗНАМЕНЕМ

Мы вышли к излучине Дона в районе хуторов Голубинского и Мостовского. Переправившись через реку, дивизия вступила в бой за хутор Илларионовский. Несколько раз поднимались наши полки в атаку, но всякий раз противнику удавалось удерживать хутор в своих руках.

В бою был ранен комбат Смирнов. Командование батальоном принял двадцатилетний комсомолец лейтенант Сергей Козлов. Инициативно и смело действовал ездовой батареи 45-миллиметровых пушек Иван Кузьмин. Увидев, что у двух пушек в разгар боя расчеты вышли из строя и немцы могут захватить орудия, Кузьмин подскочил галопом и вывез сначала одну, а потом и вторую пушку.

Выбив фашистов из Илларионовского, наши полки двинулись дальше и вышли в район Пяти Курганов. Противник закрепился здесь на выгодных позициях, заняв линию господствующих высот. Обе стороны перешли к обороне. Тем не менее на этом рубеже завязалась напряженная борьба. Против фронта нашей и соседней 65-й армии немцы стали сосредоточивать свои танковые и моторизованные части с целью прорыва навстречу войскам генерала Манштейна, спешившим на выручку окруженной армии Паулюса. Противник лютовал. Он не только яростно отражал наши атаки, но и сам нападал, часто навязывая нам ночной бой с танками, что раньше им применялось очень редко.

10 января 1943 года начался новый этап Сталинградского сражения: наступление с целью окончательной ликвидации окруженных войск 6-й немецкой армии.

Наша дивизия входила в ударную группировку армии. Ее ближайшей задачей было овладеть хутором Дмитриевка. В первый день наступления мы подошли к Дмитриевке вплотную, но взять ее с ходу не смогли. Это был один из опорных пунктов противника с подготовленной обороной. А наши ряды к этому времени основательно поредели.

А тут еще выбыл из строя начштаба нашего полка Павел Билаонов.

Вечером я послал в Дмитриевку разведчиков, а сам вышел на гребень высоты перед хутором. Оценив местность и результаты разведки, я пришел к выводу, что противник все свое внимание сосредоточит на том, чтобы удержать этот населенный пункт.

Я решил один батальон оставить перед Дмитриевкой, но приказал активных действий не вести, чтобы враг думал, будто ночью мы не собираемся его беспокоить. А другой батальон направил в стык с соседом слева, чтобы перерезать дорогу, ведущую из Дмитриевки на юг. Тогда я мог бы одновременно нанести удар по врагу с фронта и тыла. Разумеется, риск был большой, и выполнять задачу, преодолевая глубокий снег, — дело нелегкое. Но к утру Дмитриевка была в наших руках. Овладев соседними хуторами, дивизия устремилась к реке Россоска...

Вечером 21 января наш полк вышел в район железной дороги юго-западнее станции Гумрак. Где-то впереди не-вдалеке находился поселок Безымянный (так мы его назвали, потому что на карте никакого названия он не имел). Сгущались сумерки. Над степью разыгралась метель. Крепчал мороз. С трудом продвигались бойцы по снежным сугробам. За собою тащили не только пулеметы и минометы, но и полковые пушки. Утомленные дневным напряженным боем, они буквально валились с ног. И когда мы сделали привал, то многие ложились на снег и тут же засыпали. Как и обычно в таких случаях, офицеры, коммунисты, комсомольский актив, невзирая на крайнее переутомление, продолжали оставаться на ногах. Они тормозили спящих, заставляли их принимать пищу.

Около полуночи мы получили задачу — с утра возобновить наступление, овладеть Безымянным поселком, высотой у железной дороги.

Не помню уже, кто бросил такую фразу:

— Вот бы сейчас ночью-то их и накрыть. Они ведь не ждут нас в такую погоду.

Предложение было заманчивым. Но как его осуществить? Ведь люди устали до предела. Выдержат ли они? Сумеет ли довести их до поселка, не сбившись с направления, когда в трех шагах ничего не видно?

Я собрал командиров подразделений. Все они в один голос заявили: «Лучше ударить сейчас». Тем не менее

А. П. Дмитриев.

мы отправили их в подразделения. Командиры вскоре вернулись с заверением: «Люди готовы идти в бой».

И мы пошли. Это был очень тяжелый переход. Справедливости ради хочется признаться, что тогда у меня основное стремление было: не допустить, чтобы кто-нибудь отстал и замерз в снегу.

Впереди шла разведка во главе со старшим лейтенантом Бечмурзой Мзиковым. За нею — командование со штабом полка, а затем — основные силы.

С разведкой мы были соединены веревкой, по которой и передавались условные сигналы. А в колонне люди держались один за другого. Минометы и боеприпасы несли на себе, а пушки тащили общими усилиями.

Как мы предполагали, так и оказалось: противник нас не ждал ночью. В поселке были только часовые, а остальные спали. Разведчики и группа бойцов из батальона Грачева бесшумно сняли часовых. Полк развернулся, и после короткой перестрелки мы ворвались на улицы поселка. Бой был коротким. Немногим из немцев удалось скрыться бегством за железную дорогу.

Когда мы доложили в штаб дивизии о взятии Безымянного, то там усомнились в правдоподобности донесения. Командир дивизии вызвал меня по радио и прямо спросил:

— Где сам находишься?

— В первом домике на северо-западной окраине поселка Безымянный, — доложил я, не скрывая радостной улыбки, которую, казалось, почувствовал и наш командир дивизии.

— Молодцы! — слышалось в ответ. — Сейчас я подниму и остальные полки.

Но утром чуть свет к нам приехал офицер штаба дивизии и сразу заявил:

— Не верится нам. Не спутал ли ты что-нибудь? Давай проверим.

И, когда мы с ним проверили, он убедился, что действительно это был поселок Безымянный...

С рассветом ветер стих. Установилась ясная, но морозная погода. Совместно с подошедшим соседним полком мы атаковали высоту южнее поселка, овладели ею и этим обеспечили успех в дальнейшем наступлении дивизии.

Вскоре до нас дошла радостная весть: приказом наркома обороны 21 января наша дивизия за боевые заслуги переименована в 66-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Услышав об этом, воины шумно выражали свои чувства. «Мы — гвардейцы!» Приказ наркома подтверждал, что дивизия оправдала доверие командования — наступать в первом эшелоне на главном направлении — не только армии, но и фронта.

«Гвардейское поведение в бою» — так писал об отличившихся воинах на их родину парторг нашего полка капитан Абдурахманов. Теперь приказом наркома как бы подчеркивалось, что такое качество — «гвардейское поведение в бою» — у нас стало уже не индивидуальным, а массовым.

Приказ наркома давал нам новый дополнительный заряд мужества и упорства в дальнейших боях.

В конце января передовые полки дивизии подошли к последнему оборонительному обводу, идущему по западной окраине Сталинграда. Общее руководство этими частями до прибытия штаба дивизии было возложено на меня. Собрались мы, командиры полков, разработали план атаки и приступили к его осуществлению. Перед началом наступления, наблюдая с командного пункта за противником, я внезапно сзади услышал: «Сдавались бы они, проклятые фашисты, все равно им капут!» По акценту я сразу понял, что это говорит наш разведчик Мзоков. В шутку я ему сказал: «А ты иди и передай им это».

— Слушаюсь, товарищ майор! — выпалил он.

Я внимательно посмотрел на этого мужественного человека и подумал: «А если в самом деле послать парламентаря и предложить немцам сдаться?» Мы так и

сделали: отправили Мзокова, дали ему переводчика и вместе с ними послали немецкого капитана, только что взятого в плен. Расчет был такой: уйдет к своим этот капитан — потеря невелика, а если он, как и обещал, станет призывать своих товарищей к сдаче в плен, эффект будет большой. Парламентеры сработали хорошо и привели группу пленных. То, что по сдавшимся не стреляли, нас успокаивало. Значит, можно ожидать ослабления сопротивления.

Однако, начав атаку, мы увидели, что ошиблись в своих расчетах: снова пришлось вести упорный бой. Тем не менее нашему полку удалось прорвать две первых траншей и подойти к третьей. А соседние полки залегли перед второй траншеей. Создалось затруднительное положение. Дивизионная артиллерия, которая могла бы помочь своим огнем, еще не подошла.

И вот в то время, когда мы, командиры полков, обсуждали, что нужно сделать для развития успеха, из одного дома за передним краем обороны противника внезапно застрочил немецкий пулемет и... по немцам. Этот неожиданный огонь с тыла поверг гитлеровцев в смятение, и они стали отходить к третьей траншее. А наши полки немедленно воспользовались этим и пошли вперед.

В оперсводке штаба дивизии за 29 января говорилось: «...с 10.00 части дивизии продолжали вести наступление, преодолевая большое сопротивление противника из отдельных каменных строений по ул. Днепровской и из глубины...

За день боевых действий взято в плен 390 солдат и офицеров противника».

В доме, откуда по немцам стрелял их же пулемет, мы нашли убитого паренька-сталинградца, который, очевидно, воспользовался уходом пулеметчика и решил нам помочь. Жаль, что не запомнилась фамилия этого героя!

В последующие два дня мы успешно наступали, очищая от противника Байкальскую, Эльтонскую, Буденовскую и другие прилегающие к ним улицы. В течение 30 января дивизией было взято около 200 пленных, а 31 января — около 1500 человек, в том числе генерал, полковник и 45 офицеров. Взяли также много трофеев.

Утром 31 января нам стало известно, что генерал-фельдмаршал Паулюс со своим штабом сдался в плен.

В ночь с 1 на 2 февраля наша дивизия была переброшена в северную часть города в район завода «Баррика-

ды», где противник еще продолжал оказывать сопротивление. 2 февраля и здесь он был вынужден сложить оружие. Так закончилась Сталинградская битва.

1 февраля по приказу командования наша дивизия перешла в состав 66-й армии (впоследствии 5-й гвардейской). В данном ей боевом отзыве говорилось:

«...Во время ноябрьско-февральской операции 1942—1943 гг. дивизия прошла с боями около 200 км. Частями дивизии захвачены богатые трофеи и вражеским войскам нанесены многочисленные потери.

При этом личный состав показал исключительную храбрость и беззаветную преданность Родине. За эти подвиги дивизии присвоено высокое звание Гвардейской.

В итоге боевых действий частями дивизии за период операции истреблено свыше 6000 фашистов, захвачено в плен 2935 солдат и офицеров противника...»

С законной гордостью я читал в журнале боевых действий 66-й гвардейской дивизии следующие строчки:

«В боях за освобождение Сталинграда... более маневренным и боевым подразделением оказался 1036-й стрелковый полк, сохранивший как живую силу, так и технику (командир полка гвардии майор Дмитриев, начальник штаба гвардии капитан Быковский)».

Во всех этих успехах нашего полка огромная заслуга многих офицеров, сержантов и рядовых бойцов, за что я приношу глубокую благодарность всем воинам 145-го гвардейского полка, ныне живущим. Мы всегда будем помнить павших смертью храбрых в Сталинградской битве, в том числе капитана Гавриила Рудая, подполковника Ивана Белейчука, младшего лейтенанта Раджи Ишматова, лейтенанта Писклова, старшину Павла Оселдца и многих, многих других героев, которые ценою жизни ковали победу для нашей страны.

Все это я снова глубоко перечувствовал в ту торжественную минуту летом 1943 года в районе Курской дуги, когда перед застывшим строем нашего полка появилась машина, в которой стоял один из прославленных героев Сталинградской битвы генерал Родимцев. Ярким пламенем в его руках горело гвардейское знамя. Генерал обратился с речью к полку, а затем вручил нам гвардейское знамя.

Когда он заговорил, к моему горлу подступил комок, слезы радости и гордости за своих людей заволокли глаза. Я думал, что не смогу произнести ответную речь. Но

вот, приняв знамя, я опустился на одно колено, чтобы поцеловать его. И вместе со мной встал на одно колено и дал торжественную клятву весь личный состав полка.

От составителей. Автор воспоминаний — уроженец села Каранино Сенгилеевского района полковник в отставке Алексей Петрович Дмитриев. После Сталинградской битвы в 1943 году в боях на Днестре он командовал 127-м гвардейским стрелковым полком. За умелую организацию переправы полка через Днестр, закрепление и расширение плацдарма на западном берегу реки ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В дальнейшем он был начальником штаба и командиром дивизии. В 1959 году по состоянию здоровья полковник Дмитриев ушел в запас.

Сейчас он живет в городе Омске, где ведет большую общественно-политическую работу в городском совете ветеранов, Военно-научном обществе и местном отделении общества «Знание».

*Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,
И волна твоя, как слеза.
Из твоих стремнин враг воду пьет,
Захлебнется он той водой!
Славный час настал, мы идем вперед
И увидимся вновь с тобой.*

Е. Долматовский

ОТ ВОЛГИ ДО ДНЕПРА

Г. Сосновский

**СМЕЛОГО ПУЛЯ
БОИТСЯ**

Шустрая лошаденка резво бежит по узкой проселочной дороге. Из-под копыт летят комья снега, тонко посвистывают полозья, легкая кошевка подпрыгивает на ухабах. За одним из поворотов перед нами открылось широкое ровное поле. Мой спутник Алексей Егорович Царев, заслуженный колхозник, знатный животновод колхоза имени Крупской (Ульяновский район) заметил:

— Вот здесь мы сеем вико-овес на зеленку. Земля хорошая. В прошлом году уйму сена накосили. Все поголовье кормами обеспечили.

В селе Алейкино — четвертое отделение колхоза. Здесь Алексей Егорович работает скотником. Отличное состояние стада — лучшая аттестация животновода. В этом, как и во многом другом, немалая заслуга Алексея Егоровича. Он почти днюет и ночует на ферме. Ведь дел у скотника хоть отбавляй. Надо вовремя подвезти корма, вычистить помещения, помочь дояркам.

Труд Алексея Егоровича высоко оценен. Он награжден орденом Октябрьской Революции. Правда, о своих трудовых заслугах Алексей Егорович говорит скупно. И еще меньше рассказывает о том, как воевал, какие у него заслуги.

* * *

Весной сорок третьего года началось наступление наших войск на Северо-Западном фронте. В одном из первых эшелонов наступал 17-й гвардейский полк, в котором служил Алексей Царев. Уже два года шагал он по дорогам войны.

Батарея старшего лейтенанта Абрамова вторые сутки отбивала яростные контратаки гитлеровцев, стремившихся задержать советские войска, сорвать наступление. Только что добытый разведчиками «язык» показал, что назавтра фашисты готовят контрнаступление.

— Батарею выдвинуться на огневую позицию около трех камней, — приказал комбат.

Расчеты на руках вытащили пушки, окопались, замаскировались, наметили секторы обстрела.

— Вести наблюдение! — приказал командир орудия Николаев. И, обращаясь к наводчику Цареву, спросил: — Как с боекомплектom?

— Все в порядке!

Когда вражеские ракеты неожиданно повисли в воздухе, заливая окрестность мертвенно-зеленоватым светом, из тумана вынырнул танк.

— Огонь! — командовал старший лейтенант Абрамов.

Раздался дружный залп. Вражеский танк запылал. Гитлеровцы ответили тоже огнем.

Бой длился уже более часа. Батарея несет потери, убит командир одного расчета, его заменил костромич Свиридов, а к прицелу прильнул Царев. Снаряды на исходе. Стреляли только два орудия. И все же враг не смог продвинуться вперед ни на шаг. Тогда гитлеровцы вызвали на помощь авиацию.

Старший лейтенант Абрамов стоял рядом с наводчиком Царевым, когда над ними возник нарастающий вой бомб. Командир батареи схватил Царева за рукав и толкнул в ров. Падая, Царев услышал, как над ним просвистели осколки. Сверкнуло ослепительное пламя, и он потерял сознание.

Очнулся Алексей уже в медсанбате, а через несколько дней явился в батарею, которая находилась на отдыхе. Батарея пополнялась людьми, техникой. И снова бои, снова фронтовые пути-дороги.

...Советские войска штурмовали Белгород. Пехоту поддерживала батарея старшего лейтенанта Абрамова. Когда стрелять из орудия уже стало невозможно, наводчик Царев пустил в ход автомат. Он первым прыгнул во вражескую траншею и стал расстреливать убегающих гитлеровцев. К нему на помощь пришли товарищи, и скоро первая траншея была очищена от фашистов.

Гвардейцы, отбивая у врага дом за домом, квартал за кварталом, настойчиво продвигались вперед, выбивали за-

А. Е. Царев.

севших в домах автоматчиков, уничтожали пулеметные расчеты.

— В подвале вражеская пушка! — крикнул Цареву рядовой Максимов.

— Заряжай! — приказал Царев и прильнул к прицелу. Через прорезь прибора он четко различил в окне полуподвала ствол наведенного на них вражеского орудия. «Кто опередит, кто первым выстрелит?» — лихорадочно билась мысль.

Два выстрела прозвучали почти одновременно. Но на какие-то

доли секунды Царев раньше рванул шнур, и это решило исход дуэли. Немецкий снаряд просвистел над головой Алексея и ударил в угол дома. Зато царевский угодил точно.

— Молодец, Царев! В самое яблочко! — закричал Максимов.

— Слева, на втором этаже, пулемет, — слышался голос командира. И Царев снова ловит цель, следуют один за другим выстрелы.

— Автоматчики контратакуют! Давай, Алексей, прямую. Беглым! — прокричал Николаев.

Бой продолжался целый день, и только к вечеру гвардейцы вышли на западную окраину Белгорода. Отчаянными контратаками гитлеровцы пытались вернуть утраченные позиции, но каждый раз откатывались назад.

Гвардейцы продолжали наступать. Враг дрогнул, попытлся, а потом побежал...

В короткие передышки между боями, когда батарейный весельчак Петя Голенищев под собственный аккомпанемент на баяне напевал «Бьется в тесной печурке огонь...», вспомнилась Алексею далекая Свияга, родное

село Алейкино, мать я, конечно, дед Иван Герасимович, с которым он часто ездил в ночное.

Вечером, когда батарейцы готовились к отдыху в небольшой березовой рощице, чудом уцелевшей после вчерашней артиллерийской дуэли, наводчика Царева вызвали в штаб полка, а когда он вернулся, на его груди блеснул орден Славы III степени.

Это награда за Белгород.

А впереди был Кременчуг. В бой гвардейцы вступили прямо с марша, не теряя ни одной минуты, не давая врагу опомниться. К вечеру передовые части вышли на левый берег Днепра.

Вот и могучий, седой Днепр!

А там, за широкой лентой реки, — враг. Его надо выбить с занимаемых позиций и гнать, пока руки держат оружие.

Саперы под огнем противника наводили понтонные мосты. Пехотинцы спешили на правый берег Днепра к своим товарищам, зацепившимся там на небольшом каменистом пятачке.

— Переправляться с помощью подручных средств! — приказал командир полка.

Расчет Николаева едва успел устроить плот, как заработала наша дальнобойная артиллерия. Шквальный огонь на какое-то время заставил противника замолчать.

— Давай, ребята, шевелись! — торопил товарищей Царев, отталкиваясь шестом от берега.

Гитлеровцы опомнились, и вода вздыбилась от разрывов. В бледном свете ракет, повисших над рекой, десант был виден как на ладони. Когда плот находился уже недалеко от противоположного берега, его опрокинуло волной от разорвавшегося снаряда. Солдаты на руках вытащили орудие на берег и вскоре уже вели прицельный огонь по противнику.

— Занять оборону! — раздалась команда.

Неоднократные попытки противника сбросить советских солдат в Днепр не увенчались успехом. Теперь уже было ясно, что переправа удалась, и артиллеристы спешно зарывались в землю, готовясь к схватке.

— Отлично действовал твой расчет, Николаев. Сколько подавил пулеметных точек? — командир искал глазами наводчика.

— Не меньше десяти, — ответил командир орудийного расчета.

— Представляю к награде, орлы, — поздравил батарецвей командир полка. — А почему не вижу Царева?

— Не уберегся, ранило его, — ответил Иван Шилов.

А случилось это так. Во время контратаки гитлеровцам удалось потеснить на одном из участков плацдарма нашу пехоту, и батарея капитана Абрамова оказалась лицом к лицу с врагом. С огромным трудом артиллеристы удерживали позицию, пустив в ход автоматы и гранаты. Но численный перевес был на стороне противника. Вражеское кольцо сжималось. Патроны были на исходе.

Гитлеровцы, чувствуя победу, настырно лезли под сокрушительный огонь автоматов и орали:

— Рус! Сдавайся!

Царев поднялся и с криком: «Большевики не сдаются!» — метнул гранату в наседавших автоматчиков.

В этот миг что-то тяжелое ударило его в грудь. Меркнувшим взглядом Царев окинул поле боя. Задыхаясь, он оседал на подкосившихся ногах. Но, собрав последние силы, выпрямился и, подняв автомат, крикнул:

— Вперед, ребята! За мной!

Падая на землю, он широко раскинул руки, словно хотел обнять весь мир, окинуть взглядом весь небосклон, а увидел лишь клочок потемневшего неба...

Боевые товарищи вынесли с поля боя наводчика и отправили в медсанбат. Состояние его было настолько тяжелым, что даже оперировавший хирург не был уверен в том, что герой переправы останется жив. Однако жизнь ему была спасена.

За бой на Днестре наводчик Царев получил орден Славы II степени.

Корсунь-Шевченковская операция занимает достойное место в истории Великой Отечественной войны. Гитлеровцы сами окрестили ее «холодным котлом» 1944 года. Завершающий бой произошел в ночь с 17 на 18 февраля. Пурга разыгралась днем раньше. С неба валили крупные хлопья снега, ветер крепчал с каждым часом. Враги не замедлили воспользоваться такой погодой, чтобы пробить брешь и вывести свои войска из окружения. Наше командование разгадало замысел врага. И как только немецкие колонны пошли на прорыв, по ним открыла огонь артиллерия, с воздуха наносили бомбовые удары самолеты, в контратаку ринулись танки.

17-й гвардейский артиллерийский полк, в котором служил Алексей Царев, отбивал яростные атаки гитлеровцев. На какой-то момент врагу удалось создать численный перевес на этом участке, и в образовавшуюся брешь хлынули отступавшие фашистские войска. На их пути как раз и стояла батарея капитана Абрамова.

В течение нескольких часов отражали атаки артиллеристы. Более 200 трупов валялось на поле перед батареей, а новые волны фашистов одна за другой накатывались на позиции артиллеристов.

Пятая контратака. Стволы орудий накалились. Подноски едва успевали подавать снаряды. Погиб командир орудия старший сержант Ережинский. Его заменил Царев. Алексей охрип и уже не мог командовать. Он строчил из автомата по наступающим. И, как на грех, автомат смолк: опустел диск. Тогда сержант Царев метнул гранату в гущу врагов. Этого было достаточно, чтобы успеть перезарядить автомат, и снова свинцовые струи обрушились на гитлеровцев.

На другой день утром, когда буран сник, а вместе с ним стихали последние отголоски боя, артиллеристы увидели всю страшную картину ночного сражения...

Сотни километров прошел по фронтовым дорогам гвардии старший сержант Алексей Царев. Куда только не бросала его судьба. Дивизия, в которой он служил, освобождала Молдавию, гнала немецко-фашистских захватчиков из Румынии, Венгрии, Австрии и Чехословакии. Уже был подписан акт о капитуляции, а советские войска еще продолжали подавлять в разных районах очаги сопротивления фашистов. Награда за участие в Корсунь-Шевченковской операции застала Царева в Чехословакии. Он стал полным кавалером ордена Славы.

В. Радильчук

МЕДАЛЬ ЗА БОЙ, МЕДАЛЬ ЗА ТРУД

Приближалась первая военная зима. Хорошо вооруженная и по-зимнему обмундированная часть готовилась к погрузке в железнодорожные эшелоны и отправке на фронт.

Точно о сроке погрузки никто не знал. Бойцы высказывали много предположений о дне отправки, но все сходились на одном: надо поскорее быть там, где уже пятый месяц советские войска мужественно отражают натиск фашистских армий.

Только вчера Иван Бурмистров получил от родных письмо. Из дома сообщали, что отец ушел на фронт и уже воюет. Саша и Миша — младшие братья — тоже готовятся в армию.

* * *

...Плавно заскрипели тормоза, лязгнули буфера. Быстро разгружаться! Красноармейцы высыпали из вагонов.

Спрыгнув на перрон, Иван Бурмистров с радостью прочитал: «Куйбышев». Значит, они на родную Волгу приехали. А ведь здесь где-то совсем рядом Ульяновск — его родина, где он учился, работал и откуда ушел в Красную Армию.

Иван оглянулся и увидел, что его рота строится. Он быстро побежал и занял свое место в строю.

А несколько дней спустя маршевая рота, в которой был Бурмистров, отправилась на фронт...

В жаркие июльские дни 1943 года под Курском и Белгородом началась одна из крупнейших битв Великой Отечественной войны. На рассвете 5 июля немецко-фашистские войска предприняли наступление. На пути врага встали воины полка, в котором служил Иван Николаевич Бурмистров.

Завязались многодневные ожесточенные бои, в которых советские солдаты показали высокое боевое мастерство и отвагу. Уже после первой атаки на участке дивизии гитлеровцы оставили на поле боя 30 танков и около полка убитыми и ранеными. Противник был остановлен. Гвардейцы не только выстояли, они сами перешли в контрнаступление и погнали фашистов на запад.

В бою выбыл из строя комбат Алексей Беловицкий. Был тяжело ранен и Иван Бурмистров, обеспечивавший связь батальона с ротами. Он пришел в сознание, когда его укладывали на носилки, чтобы отправить в госпиталь. Открыв глаза, Бурмистров почувствовал, что забинтована вся грудь и правая рука.

...После госпиталя Иван Бурмистров догнал свою часть.

— Вот твой пистолет, я сохранил его, когда ты был из строя, — сказал Бурмистрову командир роты Данилов.

Вскоре вернулся в свою часть после выздоровления и комбат Беловицкий. Встретился с ним Иван Николаевич в необычной обстановке, когда, наступая, полз под немецкими пулями по кукурузному полю.

— Вот и снова мы вместе, — с улыбкой говорил комбат. — Вместе Украину освобождают будем.

* * *

После четырехдневного перехода под непрерывными дождями и по бездорожью темной сентябрьской ночью батальон подошел к Днепру. Командование решило форсировать реку, хотя переправочных средств почти не было.

На левом берегу уже не было ни одного фашиста. Только с правого берега неистово били вражеские пулеметы, летели снаряды и мины.

Не дать врагу опомниться, немедленно зацепиться за правый берег. Этой мыслью жили все воины.

Иван Бурмистров с восхищением смотрел на синеватую даль Днепра, его крутые берега, потемневшие перелески и широкий простор степей. Все это напоминало ему родную Волгу, свой город на высоком обрыве. Ему казалось, что где-то совсем рядом воюют отец и два брата, Александр и Михаил...

В роту пришел командир полка майор Плешков.

— Кого пошлем на правый? — спросил он у командира роты Данилова.

Офицер на минуту задумался. А потом решительно сказал:

— На правый пошлем группу во главе с младшим сержантом Бурмистровым.

Командир полка объяснил воинам задачу, сам проверил снаряжение.

— Вы должны, — говорил командир, — скрытно переправиться на правый берег Днепра, установить связь, разведать огневые точки и корректировать огонь нашей артиллерии.

И. Н. Бурмистров.

Он предупредил связистов, что при повреждении лодки надо добираться вплавь. Для Бурмистрова было ясно, что он не только должен обеспечить устойчивую связь с командованием, но и вести разведку.

В полночь связисты во главе с младшим сержантом Бурмистровым вышли к берегу Днепра. По реке серебрилось лунное сияние. Оно томило и тревожило. Быстро пригнали к отmeldи две лодки, погрузили имущество, сели за весла, и лодки, слегка покачиваясь на

волнах, бесшумно двинулись в путь.

В ночном небе утробно гудели самолеты. Несколько очередей трассирующих пуль золотыми зигзагами прочертили темноту ночи. Бело-оранжевые ракеты повисли над рекой. Ударил вражеская артиллерия. Но вот ракеты погасли, ночь стала еще тревожнее. Вражеский огонь так же внезапно прекратился, как и начался. Потом противник с новой силой ударил по левому берегу. Снаряды вздымали фонтаны воды. Непрерывно били минометы. Вспышка, взрыв — и одна лодка пошла ко дну. Вскоре была повреждена и вторая. А берег еще далеко. Взяв катушку с кабелем и телефонный аппарат, бойцы бросились вплавь. Холодом сковывало тело, мокрая одежда тянула вниз, темнело в глазах, но стремление во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу умножало силы. Солдаты плыли под градом пуль, разматывая на воде кабель.

Вот и берег. Виднеются траншеи, проволочные заграждения. Снова ярко вспыхнули ракеты, осветив мертвенным блеском речную гладь. Впереди мелькали человеческие фигуры. Это враги. Надо передать сообщение на левый берег, но рядом фашисты. Всего несколько де-

сятков метров отделяют их от двух советских бойцов. И опять ударила вражеская артиллерия, минометно-пулеметный огонь заглушил все вокруг. Воспользовавшись этим, связист-разведчик Бурмистров, закрыв телефонный аппарат шинелью, негромко начал передавать на левый берег обстановку и данные о целях. Прошла минута, другая — и ураган советской артиллерии обрушился на головы фашистов, укрепившихся на правом берегу.

Приближался рассвет. Началось форсирование Днепра нашими главными силами. Продолжала бить артиллерия, с воздуха наносила удары наша авиация, а укрывшийся в прибрежном лозняке младший сержант Бурмистров продолжал передавать на левый берег все новые и новые данные об огневых точках и расположении живой силы противника.

Связь то и дело рвалась. Пренебрегая опасностью, Иван Бурмистров с начальником центральной телефонной станции Павловым под непрерывным огнем врага устранял повреждения, поддерживал связь с командованием.

Маршал войск связи И. Пересыпкин, оценивая боевую работу связистов при форсировании Днепра, так отозвался о подвиге ульяновца Ивана Николаевича Бурмистрова:

«В ночь на 25 сентября передовые подразделения 25-го гвардейского стрелкового корпуса переправились через Днепр и захватили небольшие плацдармы на его правом берегу. Вместе с пехотой туда переправились телефонист роты связи 225-го гвардейского стрелкового полка 78-й гвардейской стрелковой дивизии коммунист И. Н. Бурмистров с начальником центральной телефонной станции той же роты комсомольцем Н. С. Павловым.

Они быстро установили связь с батальоном. Между тем завязался ожесточенный бой. Артиллерийско-минометный огонь противника выводил из строя телефонные линии, нарушалась связь с командиром дивизии и командирами батальонов. Отважные связисты с риском для жизни за один только день 25 сентября устранили десять повреждений кабельных линий, проложенных в воде и на плацдарме. В тот же день, когда противник перешел в контратаку и почти окружил командный пункт полка, Бурмистров и Павлов вместе с другими

связистами вступили в бой. Из автоматов и гранатами они уничтожили около 50 гитлеровцев».

За проявленный героизм Ивану Николаевичу Бурмистрову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1943 года присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

Разгромив немецко-фашистские войска на Днепровском рубеже, советские войска стремительно продвигались вперед.

78-я гвардейская стрелковая дивизия, продолжая свой трудный, но славный путь, вела бои уже на Кировоградском направлении. В одном из боев под Кировоградом Иван Бурмистров оказался в окружении и в бессознательном состоянии захвачен в плен. Фашисты бросили Бурмистрова в концлагерь. Потянулись длинные, горькие дни. Изнурительный рабский труд, голод, каждодневное, ежеминутное унижение человеческого достоинства. Дни казались ему вечностью, он без конца думал о Родине. Иван Бурмистров дважды бежал из лагеря. Но фашисты настигали его. Избитого, затравленного немецкими овчарками советского воина вновь бросали за железную решетку.

Наконец третий побег удался. Фашистская неволя позади. Он бежал, чтобы снова взять в руки оружие.

Много еще прошел он огневых верст, уничтожая врага. Демобилизовавшись, И. Н. Бурмистров вернулся в родной Ульяновск.

Начался мирный труд. Все силы патриот отдает любимому делу. К боевым наградам героя войны прибавилась юбилейная медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

А. Шарипов

ВЫЗЫВАЮ ОГОНЬ НА СЕБЯ

В мирное время Иван Морозов, вероятно, и не подумал бы, что в 18 лет он будет лейтенантом, в 19 — командиром батареи, а в 20 — капита-

ном. Но у войны свои законы. В жестоких сражениях вчерашние юноши как-то сразу мужали, быстро становились взрослыми.

Успешно окончив Пензенское артиллерийское училище, в январе 1942 года лейтенант Морозов принял под свою команду артиллерийский взвод. Ранней весной, перед отправкой на фронт, на инспекторской проверке его подразделение выполнило боевые стрельбы на «отлично». На следующий день взвод Ивана Морозова в составе артполка стрелковой дивизии погрузился в эшелон. На шестые сутки, глубокой ночью, поезд остановился в лесу под Ельцом.

В ту же ночь, совершив марш, артиллеристы заняли оборону во втором эшелоне армии. Хотя дивизия, в которой служил Морозов, еще не участвовала непосредственно в боях, все напряженно ожидали их и пристально следили за боевой обстановкой.

Артиллерийские раскаты с каждым днем становились все привычнее. Лейтенант Морозов не терял времени даром. Он продолжал совершенствовать знания и боеготовность артиллерийских расчетов.

В начале июля часть, в состав которой входил взвод Морозова, была выдвинута на передний край. Отдаленная артиллерийская канонада сменялась разрывами вражеских снарядов и бомб на огневых позициях взвода.

На рассвете артиллеристы увидели фашистские танки, которые шли под прикрытием мощного артиллерийского огня. С тревогой прислушивался Морозов к глухому лязгу гусениц бронированных машин. Ему казалось, что они идут на его орудия. Расстояние между неприятельскими танками и артиллерийскими позициями с каждой секундой сокращалось.

Морозов, впервые видя вражеские танки, волновался, но внешне этого не показывал.

А танки врага уже совсем близко. Выползая из овражка, они медленно вращали стальными башнями, орудийные стволы словно вынюхивали воздух. Вот один танк дал выстрел. Где-то сзади громохнул взрыв.

Пора — требовали взгляды артиллеристов. Не терпелось дать команду на открытие огня и самому лейтенанту. Но сигнала не было. А медлить больше нельзя. И тут раздалось долгожданное: «Открыть огонь!»

— По вражеским танкам, огонь! — повторил лейтенант так громко, что его услышали все. Свой голос ему

показался чужим. Это была его первая боевая команда, и в нее он вложил все свое чувство ненависти к врагу.

Снаряды обрушились на фашистские танки. Головной вспыхнул, как спичечная коробка. Морозов смотрел, как пылало бронированное чудовище, и не мог оторвать глаз. Ему хотелось кричать, обнимать своих солдат.

Дальше все замелькало, как в тяжелом сне. Пушечные выстрелы следовали один за другим. Вот завертелась вторая вражеская машина. Ее правая гусеница, как огромная змея, развернулась и бессильно упала на землю. Остальные танки на большой скорости ушли на исходные позиции.

Когда танковая атака захлебнулась, на артиллеристов обрушили свой бомбовый груз «юнкеры». Во время этой бомбежки был ранен командир батареи. Заменить его должен был Морозов, как командир первого взвода. «Молод я», — подумал он в нерешительности. Потом, преодолев минутное колебание, подошел к телефонному аппарату.

— Командование батареей принял лейтенант Морозов, — доложил он старшему командиру.

Вскоре враг возобновил атаку. На этот раз его танки лезли не только с фронта, но и с правого фланга. Под их прикрытием шли автоматчики. Два танка двигались прямо на позиции батареи. Но артиллеристы не дрогнули. Наводчик первого взвода Курганов послал снаряд в лобовую часть головной машины. Однако он срикошетил. Еще минута — и танк прорвется через позицию батареи.

— В укрытие! — скомандовал Морозов.

Вражеский танк с ходу проскочил огневые позиции батареи. Но уйти далеко не успел. Морозов метнул ему вслед противотанковую гранату, и он вспыхнул.

А расчеты продолжали борьбу. Когда фашистские автоматчики, шедшие за танками, приблизились к батарее на 200—300 метров, Морозов скомандовал:

— По пехоте — картечью!

Автоматчики, отрезанные от танков, залегли. Расстроив боевые порядки противника, советские воины перешли в контратаку и, преследуя врага, вышли на новые рубежи.

Артиллеристы тоже сменили позиции. В прошедшем бою они уничтожили несколько танков и до 200 солдат и офицеров противника.

За умелое командование батареей лейтенанту Морозову 4 сентября 1942 года было присвоено воинское звание старшего лейтенанта.

Нелегко приходилось Морозову сколачивать свое подразделение. Он не жалел для этого времени, каждую свободную минуту использовал для того, чтобы научить подчиненных в совершенстве владеть боевой техникой, добивался быстрых решительных действий, полной взаимозаменяемости в расчетах.

...Стоял предраассветный час июльского утра 1943 года. Артиллеристы батареи Морозова закончили накануне оборудование огневых позиций в районе станции Змиевка. Вокруг было тихо. По серому небу проплывали редкие облака. Вдруг предраассветную тишину разорвали орудийные залпы и бомбовые взрывы. Началось одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны — знаменитая битва на Курской дуге.

Гитлеровцы, пытаясь наверстать упущенное, после нашей контрподготовки начали массированный артиллерийский налет. Казалось, не было места, где бы не упал снаряд.

Личный состав батареи Морозова находился в надежных укрытиях. Поэтому огонь противника не причинял никакого вреда. Батарея молчала. Молчала, чтобы позднее заговорить полным голосом в поединке с танками врага.

Артиллеристы зорко следили за противником. Вот Морозов увидел густые цепи гитлеровцев. Они растянулись по всему фронту. Отовсюду нарастал гул моторов и лязг железа. Развернутым строем двигались танки. Они вели за собой пехоту.

— Подпустим ближе, — как можно спокойнее сказал командир батареи.

Артиллеристы знали, что гитлеровцы применяют танки на их участке, и готовились к встрече. Для борьбы с «тиграми» и «пантерами» на батарею заблаговременно подвезли подкалиберные снаряды, обладающие большой пробивной силой.

Выбрав момент, когда танки поднялись на возвышенность, старший лейтенант Морозов скомандовал:

— Огонь!

Снаряд правофлангового орудия ударил в башню «тигра». Танк неуклюже развернулся и замер на месте.

Одновременно выстрелило крайнее левое орудие, но

снаряд не попал в цель. Морозов, следя за разрывами, сразу определил, в чем ошибка.

— Лейтенант Васильев, завывает прицел, — раздался его голос. — Бейте по гусеницам.

И снова грянул выстрел. На этот раз попадание было точным.

— Молодцы, ребята! — подбодрил Морозов оружейный расчет. — Так действовать!

Напряжение боя нарастало. У высоты появилась новая группа танков. Заходя с левого фланга батареи, танки ударили из пушек. Вскрикнув, упал раненый наводчик. На его место встал замковый. Он быстро навел орудие. Раздался выстрел. Снаряд ударил в основание башни «тигра» и заклинил ее. Лицо Морозова на миг осветила улыбка. Еще выстрел! Правее только что подбитого танка закрутилась, теряя гусеницу, «пантера». Гитлеровцы, видя, что здесь им не пробиться, вынуждены были отступить. Однако враг не отказался от мысли уничтожить батарею Морозова.

Утром следующего дня над позициями батареи появились вражеские самолеты. Взрывы бомб сотрясали воздух. И еще не успела улечься пыль и рассеяться пороховой дым, как началась новая атака.

Снова загудело в воздухе: били наши и вражеские орудия, минометы, танки.

Так повторялось каждый день в течение целой недели. Ежедневно батарея Морозова вместе с пехотой отбивала по 5—6 атак противника. Спали артиллеристы буквально на ходу, используя минуты тревожного затишья.

Высота, на которой оборонялась батарея старшего лейтенанта Морозова, изуродованная взрывами снарядов и бомб, усеянная сотнями трупов гитлеровских солдат и офицеров, десятками подбитых танков врага, оставалась неприступной.

На рассвете 12 июля бой разгорелся с новой силой. Рядом с орудиями, укрытыми в земле, рвались тяжелые снаряды и мины, падали авиационные бомбы. В этот день бой длился 14 часов.

Наконец еще одна атака отбита. Наступила суровая тишина. На огневые позиции батареи пришел командир дивизиона и горячо поблагодарил артиллеристов за отвагу и мужество.

Атаки немецко-фашистских войск на этом участке

вскоре прекратились, и наши войска перешли в контрнаступление.

Только за три дня боев батарея Ивана Морозова уничтожила до батальона пехоты противника, 9 пулеметных точек, 17 повозок с военным имуществом и 3 танка, подавила огонь батареи 105-миллиметровых орудий и 3 минометных батарей.

Учитывая сложившуюся обстановку, командир дивизии решил продолжать наступление главными силами, а для прикрытия от контратак противника оставить лишь батальон пехоты и испытанную в боях батарею Ивана Морозова.

На рубеже, указанном командиром дивизии, батарея развернулась. Орудия заняли позиции на господствующих высотах. Часть расчетов окопалась, другие заняли готовые огневые позиции с укрытиями.

Снова появились немецкие танки. Они шли в трех направлениях. Теперь на душе у комбата не было ни тревожного волнения, ни страха, как будто все чувства затвердели, лишь осталась одна холодная злость к врагу.

— Без моей команды не стрелять! — строго предупредил Морозов.

Вражеские танки продолжали ползти. Но Морозов не торопился открывать огонь. Он решил бить только наверняка. И такой момент наступил. Команда комбата прозвучала глухо и твердо.

Дружно заговорили орудия. Темп стрельбы нарастал. Артиллеристы наносили врагу заметный урон. Только расчет сержанта Жукова вывел из строя три танка. Однако гитлеровцы, не считаясь с потерями, продолжали отчаянно лезть на позиции батареи.

К вечеру наступила короткая передышка. Но вскоре на поле боя снова появились «тигры» и «пантеры» — враг ввел в бой новые силы. Танки шли на большой скорости. В это время нарушилась связь с огневыми взводами. Морозов решил идти на огневую позицию батареи и управлять боем. Но добраться туда оказалось не так-то легко. Подступы к ней простреливались, вокруг рвались снаряды. А «тигры» и «пантеры» были уже совсем близко. За ними шли автоматчики. Морозов, видя это, спешил: где ползком, где короткими перебежками он вместе со своим связистом прорвался через огневую завесу и вскоре уже не только руководил орудийными расчетами, но и сам вел огонь по врагу.

Одна из «пантер», по которой сделал выстрел командир орудия Кондратьев, продолжала идти. Морозов бросился к пушке.

— Заряжай! — скомандовал он и, когда до танка оставалось уже не более ста метров, крикнул:

— Огонь!

Раздался выстрел. «Пантера» завертелась, как ужаленная. С лязгом слетела гусеница. После второго выстрела танк окутался черным дымом.

В это время к позициям батареи подходила еще одна бронированная машина. И снова одержали победу советские артиллеристы.

К исходу дня один вражеский танк все-таки прорвался на позицию батареи, но Морозов прямой наводкой расстрелял его. Здесь комбат получил ранение, но оставался в строю. Бой продолжался. Противник бросал в атаку все новые и новые силы. Но ему так и не удалось прорвать оборону. Тогда гитлеровцы решили изменить свою тактику: они обошли огневые позиции батареи с флангов и ударили с тыла.

— Что будем делать, товарищ старший лейтенант? — с тревогой в голосе спросил радист.

— Бить врага! — спокойно ответил Морозов и распорядился: — Свяжитесь с командиром полка.

— У микрофона «одиннадцатый», — ответил в эфире радист полковой радиостанции.

— Товарищ «одиннадцатый», прошу открыть огонь по квадрату... Как поняли? Прием...

— Морозов вызвал огонь на себя, — доложил радист командиру полка.

— На себя? — дрогнувшим голосом переспросил он радиста и задумался: «Иван Морозов — смелый, волевой офицер — вызывает огонь на себя?! Значит, так нужно. Значит, другого выхода нет...»

— Алмаз, Алмаз, беглый огонь! Незамедлительно... — опять прохрипела радиостанция Морозова.

— Огонь! — тихо произнес командир полка, вздохнул и отвернулся. Ему не хотелось показывать своего волнения.

Над огневыми позициями наших артиллеристов с резким свистом пронеслись снаряды. Все невольно пригнулись к земле и замерли в окопах. Тяжелые снаряды начали рваться между батареями Морозова и вражескими танками. Страшное это дело, когда вызывают огонь на

себя. Снаряд ведь не разбирается, где свой, а где чужой. Тяжело погибать от огня противника, во сто крат тяжелее — от своего. А уцелеть в такой ситуации шансов мало. Хотя случалось и такое.

То ли артиллеристы наши стреляли очень точно, зная, куда бьют, то ли еще что, но орудийные расчеты батареи Морозова уцелели. И, когда разрывы снарядов прекратились и пыль улеглась, гвардейцы снова увидели танки, но теперь они шли значительно левее их позиций, подставляя борта нашим пушкам. Морозов, не теряя времени, подал команду. Орудия ударили прямой наводкой. Два танка запылали. Но тут же из-за холма выползла «пантера». Казалось, стальная громада вот-вот ворвется на огневую позицию. В эту критическую минуту Иван Морозов снова встал у орудия. Выбрав момент, когда «пантера» слегка развернулась, он выстрелил. По броне вражеской машины поползли огненные змейки...

Танковая атака была отбита. В этом последнем поединке командир батареи был смертельно ранен.

Так оборвалась жизнь замечательного сына нашей Родины. 16 ноября 1943 года Ивану Константиновичу Морозову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Приказом Министра обороны СССР от 8 мая 1965 года его имя навечно занесено в списки части.

А. Ворожейкин,

дважды Герой Советского Союза

МОЙ КОМАНДИР И УЧИТЕЛЬ

Трудно в немногих словах рассказать о человеке, описание только боевых подвигов которого не уложится и в объемистую книгу. Тем более что этот человек с юности был для тебя живым примером доблести и отваги, душевной красоты и чуткости.

Именно таким был для меня Герой Советского Союза Николай Семенович Герасимов, мой добрый учитель, наставник и боевой друг.

Перебирая в памяти годы, когда мы вместе с ним рука об руку шли по жизни, мне вспомнилось лето

1939 года. К этому времени Николай Семенович был уже Героем Советского Союза. Он получил это звание за участие в боях с фашизмом в небе Испании.

Воспитание советских асов

Стояла солнечная погода. Наша эскадрилья по тревоге снялась из-под Москвы и двинулась на восток. Куда и зачем — никто не знал. На шестые сутки поезд остановился на полустанке в Забайкалье, и мы выгрузились.

Аэродром находился почти на стыке монгольской и маньчжурской границ. Из-за рубежа веяло горячим дыханием степей. Новенькие самолеты-истребители, пахнущие еще заводской краской, ждали нас.

Лето здесь, как обычно, стояло жаркое и сухое. Ясная погода держалась устойчиво. Летчики, истосковавшиеся за время пути по полетам, с удовольствием садились в истребители и поднимались в воздух. Все понимали, что нам предстоит что-то важное, ответственное. Неизвестность настораживала и приятно волновала.

На третий день получили телеграмму, что к нам вылетает майор Герасимов.

— Коля! — радостно воскликнул один из летчиков. — Герой Советского Союза. Я с ним вместе учился в военной школе. А до этого он работал ткачом на фабрике под Ульяновском. Хороший парень, прямой. Только резковат. Не любит, когда перед ним темнят. А на баяне играет — заслушаешься!

Летчик улыбнулся и таинственно сообщил:

— Как научился летать, частенько стал устраивать в воздухе цирк. За эту самостоятельность от начальства ему здорово попадало.

И мы узнали: летал Герасимов мастерски, особенно увлекался высшим пилотажем. Задания на полеты никогда его не устраивали. Он стал добиваться расширения программы учебных полетов. Не разрешили. И тогда он на глазах у всех продемонстрировал в воздухе все, что только может делать самолет в умелых руках. Начальство похвалило его за высокий класс пилотирования, а за нарушение дисциплины наказало...

Однажды на аэродром сел самолет. Его встретили командир эскадрильи и я, комиссар. Летчик легко, с молодцеватой резвостью спрыгнул на землю. Рослый,

крепкого сложения. В военной гимнастике, но без всяких знаков различия. Это нас смутило.

Командир эскадрильи четко доложил прибывшему. Это был Герасимов.

— Хорошо рапортуете, — пожимая нам руки, заметил он с усмешкой, прищуря темные глаза, и тут же спросил: — Ну как, освоили новые самолеты? Вдоволь налетались?

— Нет. Потребуется еще денька два-три.

— В Монголии дотренируетесь, если самураи позволят. А теперь готовьтесь к перелету.

...И вот уже под нами государственная граница. Всем своим существом чувствуешь ее. Невольно оборачиваешься, бросая последний взгляд, сжимаешь управление в руках, как бы безмолвно клянешься быть верным родной земле до конца.

Наш аэродром находился в Восточной Монголии, недалеко от реки Халхин-Гол. Кругом открытая, пустынная степь. Здесь нас часто посещал Герасимов. Он, пока не было военных действий, передавал нам свой опыт. Мы понимали, что одного боевого задора и желания недостаточно для победы. Нужны знания. И с жадностью ловили каждое слово своего учителя...

И вот первый бой.

Солнце уже поднялось в зенит и так раскалило землю, что после трех часов пребывания в самолете мне казалось, что степь начала плавиться, тлеть. Разомлевшее от жары тело стало грузным, из-под кожного шлема струйками стекал пот, дышать было трудно. В этот момент два красных шарика взвились над аэродромом. Сигнал означал немедленный вылет всей эскадрильи. Запустив мотор, я увидел, как начала взлет соседняя эскадрилья. Вслед за ней поднялась и наша.

Самолеты плотным строем устремились к Халхин-Голу. Все внимание за воздухом. Вдруг в синеве неба замаячила целая стая самолетов. Вначале мне показалось, что это наши, ранее взлетевшие. Но группа слишком велика — 50—60 машин. И было в их полете что-то непривычное, холодное, зловещее...

Мы повернули на противника. И тут случилось что-то необъяснимое: откуда-то сверху на его строй свалилась лавина самолетов. Внезапность — откуда она, эта

лавины, с каких высот (ведь я, кажется, все видел?) — была потрясающей в самом точном смысле этого слова. Словно какой-то взрыв разметал вражеский строй — лишь повисли одни парашюты да узкие косые жгуты дыма. Как выяснилось после, это группа истребителей, возглавляемая майором Герасимовым, атаковала врага. Все машины завертелись в бешеной пляске. На подмогу атакованным спешила другая группа японцев. Мы вернулись ей навстречу.

Лобовая атака! Все вытянулось в струну, дыхание перехватило...

Но вражеские самолеты выросли передо мной так стремительно, что единственное движение, которое я успел сделать, состояло в нажатии на гашетки; я надавил на них инстинктивно, не глядя в прицел, светлые кинжальные тени метнулись в глазах. И все...

Еще не веря, что страшная лобовая атака кончилась так просто, я некоторое время летел в напряженном ожидании: ведь ни я, ни противник не отвернулись. По крайней мере, мне так показалось. Я осмотрелся. Кругом творилось что-то невообразимое: воздух кишел самолетами и блестел огнем.

Даже мой глаз мог заметить, что вражеские самолеты в беспорядке уходят на свою территорию. Бой завершился бегством противника.

Герасимов практически продемонстрировал, как надо вести бой. И вообще приезд инструкторов резко изменил ход боев в нашу пользу. Трудно переоценить, как много они сделали здесь, на монгольской земле, обучая летчиков умению бить врага.

На Курской дуге

Еще ближе Николая Семеновича Герасимова мне довелось узнать во время боев на Курской дуге. Помню, мы только что возвратились из полета и, сидя на земле рядом со своими самолетами, обедали. Летчики делились впечатлениями об удачно проведенном бое.

Из землянки командного пункта вышли командир дивизии полковник Герасимов и командир полка майор Василяка. Разговоры смолкли. Приветствуя командиров, мы встали.

— Товарищ Василяка, у вас люди порядка не знают, — поздоровавшись, с улыбкой заметил полков-

ник. — Во время обеда не положено вытягиваться перед начальством... Опасно. От усердия кусочек не в то горло может попасть.

— Храбрый народ, не бояться, — в тон ему ответил командир полка. Официантка предложила командиру дивизии обед.

Полковник поздравил нас с успешным боем и, взяв тарелку с борщом, сел на землю.

— Ну как, капитан, воюется здесь? — спросил он меня.

— Пока неплохо, товарищ полковник. И. С. Герасимов.
Вот сегодня у нас особенно отличился Тимонов.

Летчик вспыхнул, быстро вскочил, поправил под ремнем гимнастерку и, преодолевая смущение в голосе, отчеканил:

— Так точно, товарищ полковник! Двух сегодня победил: «юнкерса» и «мессершмитта».

Когда капитан Рогачев рассказал, чем Тимонов объяснил свой успех в бою, Николай Семенович от души расхохотался:

— Скажу по секрету, я тоже так люблю бить противника, в упор!

Да, это его излюбленный метод. Именно так он учил нас, молодых летчиков, еще в Монголии в 1939 году. Именно так он учит и сейчас.

В одобрительном смехе комдива мы уловили нотки гордости за летчиков и за свой труд командира-воспитателя. С уважением посмотрел я на своего первого боевого учителя. Занимая большую должность, он в обращении с подчиненными оставался прежним: простым, веселым и по-прежнему много летал. Только чуть отяжелел, на смуглом, обветренном лице заметна печать суровой жизни. Испания, Халхин-Гол, участие в освобождении Западной

Украины и Белоруссии, война с белофиннами, первые тяжелые дни Великой Отечественной войны, бои в Сталинграде, ранения — все это не прошло бесследно...

Пожелав нам новых успехов, командир дивизии уехал.

Фронт противника трещал по всем швам. Развивая наступление, наши войска в районе Белгорода продвинулись на юг до 100 километров. Южный выступ Курской дуги таял на глазах. За трое суток мы сменили четыре аэродрома и сейчас уже находились на освобожденной земле Украины.

Утром выдалось свободное время, и летчики отдыхали. Но тут приехал командир полка и, составив группу из двух эскадрилий, приказал сесть в кабины и ждать сигнала на взлет.

— Задачу получите в воздухе.

Только успели мы взлететь, как последовал приказ: идти под Харьков. Для сбора группы начали над аэродромом делать небольшой разворот, но тут же получили предупреждение:

— Немедленно следовать в заданный район.

Значит, немцы уже над линией фронта. Взяв нужный курс, я пошел на повышенной скорости.

Вся наша шестерка, не успев собраться, растянулась попарно. Боевого порядка нет. Замечаю в небе две стаи «юнкерсов». Набираем высоту и направляемся навстречу. Немцы уже перелетели линию фронта. Спешим. Мотор работает на пределе.

А с земли несется грозный и тревожный голос:

— Истребители! Где же вы? Чего путаетесь? Нас бомбят...

И тут я увидел, что первой группе «юнкерсов» мы уже не в состоянии помешать. Спешим ко второй, надеясь хоть часть самолетов перехватить на выходе из пикирования. Но и этой возможности теперь нет: мешают вражеские истребители, обрушившиеся на нас сверху. Мы вынуждены защищаться. «Мессершмитты», пользуясь тактическим преимуществом, всеми силами стараются удерживать нас в своих «объятиях».

А «юнкерсы», сбросив бомбы, с бреющего полета начали обстрел наших войск из пулеметов. Мы парой сковываем истребителей противника, а четверкой с ходу прорываемся к бомбардировщикам. Враг сразу, точно по команде, перестает штурмовать наши наземные войска и, рассыпавшись на мелкие группы, стал поспешно уби-

ратся восвояси, подставив нам свои хвосты. И вот загорелся один «юнкерс», второй, третий...

Преследуя, мы крепко пощипали «юнкерсов». И все же это мало радовало. Противник нанес нашим войскам большой урон.

Кто же виноват в этом? Где ошибка? Чего мы не сделали, чтобы не допустить «юнкерсов» к цели? Нас обвинили в том, что мы ввязались в бой с истребителями противника и этим дали возможность вражеским бомбардировщикам отбомбиться.

Я попытался объяснить, что мы поздно были подняты. И когда прилетели на фронт, гитлеровцы уже заканчивали бомбометание. Истребители противника нас атаковали еще на маршруте. Однако все же нам удалось прорваться к бомбардировщикам и сбить семь самолетов. Но меня не хотели слушать.

И вот прибыл командир дивизии Герасимов. Разобравшись, почему не сумели перехватить своевременно противника, он заявил:

— Плохо получилось... И все же я вас не обвиняю. Трудно, конечно, предупредить все действия противника на таком огромном фронте. И все-таки я бы на вашем месте собрал группу, а не полетел парамй к фронту. «Месера» же всех вас могли перещелкать поодиночке.

— Нас торопили! — вставил я.

— А у вас своей головы на плечах разве нет? — вскипел полковник. — Думать надо. Пора знать, что без боевого строя нельзя драться...

Герасимов тут же спокойно, даже с некоторой иронией заметил:

— Полетели «тузы» полка, а «мессершмиттишки» попались слабачки. Это вас и выручило. Смотрите же, впредь такого не допускать. Сила истребителей — в маневре и взаимодействии. Если этого нет, то нет в воздухе и истребителей. Понятно?

Он молчал, а потом, окинув всех задорным взглядом, сказал:

— А сейчас возьмете меня с собой в полет?

Полковник не так часто летал с нами в бой, но зато каждый полет с ним был хорошей школой. И летчики от всей души, полагая, что Герасимов всерьез спрашивал разрешения, ответили:

— Возьмем!

— Спасибо, товарищи, — улыбнулся комдив, — вы очень любезны. Посмотрю, что вы за орлы в воздухе.

Над Днепром

Линия фронта быстро двигалась к Днепру. Инженерные части выбивались из сил, не успевали готовить аэродромы, разрушенные и заминированные противником. Почти целую неделю мы были вынуждены находиться у самолетов, ожидая приказа на перебазирование.

Как-то днем летчики эскадрильи собрались в кружок и читали вслух газету. Рядом наши девушки-оружейницы набивали патроны в ленты. Они тихо напевали. Мы перестали читать: слушали.

Враг напал на нас, мы с Днепра ушли.
Смертный бой гремел, как гроза.
Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,
И волна твоя как слеза...

Песню заглушил рев мотора. С бреющего полета на аэродром снарядом выскочил «як». Все, словно по команде, встали. С середины летного поля истребитель взмыл кверху, ввинчиваясь в небо. Одна бочка, другая, третья, четвертая... Звук оборвался. Самолет вдруг замер на месте, а потом перевалился через крыло и устремился вниз. У самой земли он выровнялся, снова взмыл вверх, сделал петлю, иммельман, переворот и пошел на посадку.

— Наш комдив! — с восхищением произнес Лазарев.

Мы все завидовали Герасимову. Летал он превосходно. Летчики понимали, что эти головокружительные фигуры над аэродромом не спортивный азарт и не красование начальника перед подчиненными. Николай Семенович учил показом. «Летчик без воздушной акробатики не истребитель», — не раз говорил он.

Комдива любили: он для нас был и старшим товарищем, и побортиком, и требовательным начальником, и учителем. Он не раз выручал нас в трудную минуту в бою...

Вскоре мы перелетели на аэродром Прилуки. Потом к нам, как и раньше, сели штурмовики, и наш полк опять стал работать вместе с «илами».

Вспоминается вылет в район Букринского плацдарма (южнее Киева), где шли жестокие бои на земле и в воздухе. Мы получили срочное задание прикрыть группу

штурмовиков, которые должны были нанести удар по скоплению танков и пехоты.

Готовых к вылету истребителей набралось только шесть, остальные еще не успели заправиться бензином. Ожидать времени не оставалось. Я получил приказ вылететь немедленно: удар по противнику нужно нанести, пока он еще на исходных позициях.

В районе цели нашей шестерке пришлось вести трудный бой с 16 «мессершмиттами», которые стремились одновременной атакой с разных направлений отвлечь наших истребителей от штурмовиков, разбить их, а потом расправиться с «илами».

Вскоре обстановка еще более осложнилась. В воздухе появилась целая армада фашистских бомбардировщиков, сопровождаемая истребителями. От этой армады на нас дополнительно ринулось несколько пар «фоккеров». Отражая их нападение, мы с Тимоновым направили свои машины вверх. Но при этом они потеряли скорость и беспомощно зависли. Вот-вот мы можем рухнуть вниз... А на нас уже неслось несколько «мессершмиттов», изрыгая огонь. Мы с Николаем — мишени.

Но в этот момент вдруг вдали появились наши «ласточники» с «яками». Успеют ли?.. Вся надежда на них!..

И вот за какие-то полминуты в небе стала совсем иная картина. Наперерез «юнкерсам», оставляя за собой белые струи, метеорами мчатся наши истребители. Секунды — и они, волна за волной, начали хлестать огнем бомбардировщиков. Массивные туши «юнкерсов» заметались по небу. Все перемешалось. Падают бомбы, падают горящие самолеты. Вот надо мной качается белый купол парашюта, рядом с ним кометой с дымчатым хвостом падает «юнкерс». Обгоняя его, чадя, отвесно к земле скользнул «мессершмитт». А за ним окутанный пламенем и чернотой, пикирует «лавоочкин». Кажется, горят не только самолеты, но и сам воздух.

А штурмовики, выполнив свою задачу, уже взяли курс домой, собираясь снова в пятерки. Мы всей шестеркой — рядом.

К нашему строю слева приблизилась пара «яков». Она безмолвно пристраивается и идет вместе с нами. По номеру я узнаю машину командира дивизии. Так вот, оказывается, кто в самую критическую минуту пришел к нам на выручку и привел с собой новую группу истребителей.

За нашу любовь!

На фронтовых аэродромах не принято собирать торжественные собрания, посвященные великим историческим датам. Просто устраивается праздничный ужин. Наш праздник — день Великого Октября — на третьем году войны был особенным: фашисты отброшены далеко от Москвы и Сталинграда, изгнаны с Левобережной Украины и Северного Кавказа. Близился день окончательного изгнания врага с нашей территории.

Командир полка поздравил нас с праздником.

Радостный гомон наполнил столовую. Все возбуждены, говорливы.

В конце ужина поднялся Герасимов. Лицо мягкое, приветливое. Все сразу смолкли.

— Дорогие друзья! — начал он. Сегодня у нас праздник особенно радостный. Только что получено известие: нашей дивизии присвоено наименование Киевской.

В дружных аплодисментах и одобрительных возгласах растворились последние слова комдива.

Он поднял руку. Снова тишина.

— Ваш полк потрудился на славу. Особенно хорошо вы воевали последнее время. Сбили сорок восемь фашистских самолетов, а сами все живы и здоровы. Молодцы!

Мы снова зааплодировали.

— Без пищи человек живет около месяца, без воды — неделю, без сна — трое суток. А без любви к Родине, к семье, ко всему родному человек на фронте не проживет и дня. Только любовь дает нам силу и разум в борьбе. Так выпьем за нашу любовь!

Слова Герасимова задели самые сокровенные чувства.

Есть в жизни события, вещи, места, которые дороги и незабываемы только для одного человека. Я, например, сразу мысленно перенесся в свою деревню, где родился и где прошло все мое детство. Вспомнился 1919 год. Проводы отца в Красную Армию. Плачущая мать. Ее сердце чувствовало, что отца мы больше не увидим... Отчетливо вспоминаю огород — любимое место отдыха и игр. За огородом — водоем, где можно было купаться...

С матери, с родного дома и огорода, деревни в полтора десятка домов начало складываться для меня понятие — Родина!..

Очнувшись, я взглянул на Герасимова. Он вертел в руках большое красное яблоко. Тоже, наверное, думал о

своих близких: об Олежке, как он называл старшего сына, о младшем, Борисе, и, конечно, о жене Полине. На фронте воспоминание о родных всегда придает силы. Комдив как-то очень по-домашнему ласково улыбнулся:

— Давайте, братцы, споем! — И запел сочным тенором свою любимую:

Пройдет товарищ все бои и войны,
Не зная сна, не зная тишины...

Ужин затянулся. Песни сменялись разговорами, а разговоры — песнями. Душой вечера был комдив. Не потому, что он был старше всех по званию, и даже не потому, что прекрасно играл на баяне.

В боевом коллективе, чтобы так естественно, проникновенно завладеть сердцами летчиков, нужно еще другое, более важное: быть самому настоящим бойцом и настоящим человеком. И не на один бой, не на месяц или год, а постоянно.

* * *

Мы с Николаем Семеновичем мечтали вместе закончить войну и отпраздновать победу в Берлине. Но случилось так, что не смог он вместе с дивизией дойти до Берлина. В конце войны был отозван с фронта и направлен на Дальний Восток. Его опыт, знания требовались для подготовки нового отряда летчиков.

После окончания Великой Отечественной войны Герасимов все силы отдавал воспитанию молодых авиаторов. Но здоровье, подорванное в боях, стало сдавать. Десять фронтовых ранений не прошли бесследно. Николай Семенович умер в 1960 году, не прожив и 50 лет.

Вся сознательная жизнь этого замечательного человека, коммуниста, командира, воина, героя была целиком отдана Советской Армии. И всегда он был в первых ее рядах. А тот, кто идет в боях впереди, принимает на себя самые сильные удары врага.

Николаю Семеновичу Герасимову, одному из первых среди крылатого племени, пришлось столкнуться с фашистскими пиратами в небе Испании. Он первым вступил в борьбу с японскими захватчиками. Он первым принял удар гитлеровской армии. В борьбе за честь, свободу и независимость нашей великой Родины он всюду был первым.

Наша молодежь, воспитанная людьми, о которых сейчас говорят: «Они были первыми», с достоинством несет эстафету старшего поколения.

Об этом 1 июля 1963 года хорошо сказал старший сын Николая Семеновича летчик-истребитель Олег Герасимов:

— Мы, представители молодого поколения, стараемся не только сохранить, но и умножить боевую славу наших отцов.

И в этом ни один советский человек не сомневается. Сыновья поколения Герасимовых, штурмующие космос, достойны своих отцов.

От составителей. В 1975 году в Воронеже вышла документальная повесть А. Забелы и В. Жихарева «Крылья жар-птицы». В ней рассказывается, как в 1937 году испанский летчик-бомбардировщик Альфонсо Гарсиа, возвращаясь с задания на свой аэродром «Альбасете», подвергся нападению шести фашистских «мессершмиттов». В ходе боя кончились патроны, загорелся мотор. Гибель казалась неминуемой. В это время из-за облаков вынырнул республиканский истребитель. Он смело ринулся на врага, в лобовой атаке сбил одного стервятника, отвлек на себя огонь «мессеров», но и сам в неравной схватке был подбит.

На другой день Альфонсо узнал, что его спас советский летчик Николай Герасимов и что на свой аэродром он не вернулся.

В 1940 году, приняв советское гражданство, Альфонсо Гарсиа в память о своем спасителе взял его фамилию.

В годы Великой Отечественной войны он (теперь уже Александр Герасимов) в составе 208-го авиаполка прошел весь боевой путь от Воронежа до Праги. За боевые заслуги награжден несколькими орденами и медалями.

Боевал Александр Герасимов в одной воздушной армии вместе с Н. С. Герасимовым, но, к сожалению, они так и не встретились. Лишь после издания книги (как сказано в ее послесловии) он узнал, что спасший его русский летчик-доброволец остался жив.

Сейчас Александр Иванович Герасимов, майор в отставке, живет в Липецке. В 1976 году, разыскав жену Н. С. Герасимова Полину Осиповну, он выезжал в город Жданов, где встретился с ней, а также с сестрой Н. С. Герасимова.

ПО-ЧАПАЕВСКИ

Стальная лента рельсов. По восточную сторону насыпи — советские войска, по западную — гитлеровцы... Так трудным летом сорок второго года в верховьях Дона условное понятие линии фронта стало вдруг понятием самым конкретным: стальная лента рельсов.

Перестрелки, атаки, контратаки.

Но вот непонятное затишье. Сумерки лениво заползли в окопы. Это просто временная передышка. Вряд ли ночь будет спокойной.

И верно, минут через десять тишину оборвала автоматная очередь. Солдаты устремили взгляды на насыпь. В сумерках разглядели: три старика и две женщины перебежали через железнодорожное полотно. У молодой женщины на руках маленький ребенок.

За окопами немцев стояла деревенька. Под покровом надвигающейся ночи смельчаки решили перебежать с вражеской стороны к своим. Они убегали от смерти. Но они поторопились. Ночь еще не вступила в свои права. Их быстро обнаружили. Еще одна пулеметная очередь... и пули настигли убегающих.

Вскоре началась обычная перестрелка: сначала ружейная и пулеметная, затем заухали минометы, и, наконец, загрохотала, забасила артиллерия — наша и вражеская.

И вдруг — по окопам и дальше — по телефону к артиллеристам донеслось тревожное: «На насыпи живой ребенок!.. Прекратить огонь!»

Командир роты старший лейтенант Васин приказал немедленно прекратить огонь.

То, что увидели солдаты, заставило их крепче сжать автоматы.

Около темневших трупов, на самом перевале насыпи, стоял лет трех мальчишка в белой рубашонке. Он стоял и тер кулачками свои глаза. Видимо, плакал.

Гитлеровцы продолжали вести огонь.

Из наших окопов неожиданно для всех выпрыгнул молодой офицер. Поднявшись во весь рост, он без оружия и

без каски быстрым, твердым шагом, не пригибаясь, пошел к мальчонке. Тот увидел его и сделал шаг навстречу.

Солдаты замерли.

Офицер подошел к ребенку, вытер ему рубашонкой слезы со щек, поднял на руки.

Неизвестно, что за чувства шевельнулись в душах фашистов, но они тоже прекратили стрельбу. По-над Доном стояла жуткая, напряженная тишина. Из окопов, щелей, блиндажей, с наблюдательных пунктов солдаты и офицеры по обе стороны этой неимоверно узкой линии фронта с напряженным вниманием следили за ребенком и его спасителем. А они шли, открытые всем смертям, под жерлами сотен пушек, пулеметов и автоматов. Шаг офицера был по-прежнему твердым и мужественным. Так он дошел до окопов и передал успокоившегося мальчишку старшине роты.

...Несмотря на молодость, Васин уже был знаком с жестокостью и безжалостностью фашистов: это был не первый его бой.

Но самый яркий из них относится к концу сорок третьего года, когда наши войска освобождали от врага Правобережную Украину и древний Киев.

* * *

— Вася, останешься дома, все прибери да смотри, чтобы ребята не залезли в пруд, — говорила мать, уходя в поле. И Вася немедля брался за дело: мыл пол, приводил в порядок посуду, приносил воду. Однако роль няньки его мало устраивала. Он влюблен в книжки. А разве дадут спокойно почитать эти юркие и назойливые братишка с сестренкой? Но вот они занялись игрой с соседними ребятами.

Мальчик садится с книгой на крыльцо. И погружается в другой мир. Вместе с лихими чапаевцами он громит белочехов. Их стройные ряды рассыпаются. Барабан смолкает... Но что это? Тут вдруг раздался детский плач. Вася бежит успокаивать ребят... Наконец конфликт улажен... А что же белые? А они уже показали пятки. Их психическая атака не удалась. Да разве можно победить Чапаева!..

Отныне Чапаев — любимый герой Васи. Часто видели Васю и в школе, и на улице в группе мальчишек, внимающих его азартному, энергичному рассказу. В глазах

мальчишек восхищение и чуточку недоверие, в глазах Васи — огонь. Сколько ни читай и ни рассказывай о Чапаеве — все равно не перестанешь удивляться его подвигам!

— Хоть бы чуточку быть как он! — вырывается у Васи... *

* * *

Конец сентября 1943 года. Позади многие километры военных дорог, много напряженных боев. И вот он — долгожданный Днепр. Но его Правобережье враг превратил в крепость. Здесь-то и надеялись гитлеровцы собраться с силами и со временем снова двигаться на восток.

К Днепру шли и шли наши танки, артиллерия, шла и ехала пехота, летели краснозвездные самолеты. Под ногами чутко и устало вздрагивала земля. От взрывов сотрясалась дорога и будто качались холмы.

От Курской дуги на запад вел свою стрелковую роту и молодой командир Васин. В приднепровской обезлюдившей деревушке севернее Киева рота окопалась. Впереди — водная гладь. За ней — крутой берег и высота 142,4. Предстояло решить трудную задачу — преодолеть широкий водный рубеж. Решение ее осложнялось тем, что переправочных средств в роте не было.

Старший лейтенант Васин назначает команду для поисков подручных средств. Найдены четыре рыбацкие лодки. Нашлись и весла. Зашпаклевали дыры. Лодки спущены на воду. Рота ожидает сигнала к форсированию. И вот наконец настал этот долгожданный час.

Ночью на береговые укрепления врага обрушился огневой шквал артиллерии. В небо взвились сигнальные ракеты.

Форсирование Днепра началось!

Течением реки лодки сносит влево. Приходится беспрерывно отливать из них воду.

Лодки уже перевалили за середину реки, а враг пока молчит. Может быть, он сознательно подпускает ближе к берегу? «Редкая птица долетит до середины Днепра...» — вспомнил кто-то. Конечно, Гоголь здорово преувеличил. Но вот в такой ситуации Днепр действительно кажется безбрежным морем.

* Из воспоминаний учительницы литературы В. М. Благовещенской.

Скорее, скорее!..

Над серединой реки повисла яркая ракета. Но уже поздно. Лодки тихо ткнулись носами в берег.

Быстрая выгрузка — и бесшумное карабканье вверх. По цепи передается команда — занять круговую оборону. Бойцы стали спешно окапываться. А командир роты Васин, оставив за себя командира взвода, с гребцами поплыл уже назад за очередной группой солдат.

Удачно окончился и второй рейс. Но, когда стала переправляться третья группа, утренняя заря помогла фашистам обнаружить переправу. Гитлеровцы открыли огонь по последней лодке, которая была еще на середине реки. С каждой секундой огонь усиливался. Ранило Зайцева и Тарасенко.

Казалось, положение безвыходное. Но в лодке был командир Васин, и солдаты не теряли духа, они верили в его находчивость.

— Работать только правым веслом!.. Теперь — на-
бались!

Лодка по течению быстро отошла на несколько десятков метров вниз по реке и оказалась как бы под прикрытием высокого обрыва на правом берегу. Теперь ружейно-пулеметный огонь, направленный в отважных солдат, вгрызался в гребень этого обрыва. За ним образовалось своеобразное мертвое пространство, недостижимое для пуль. Вражеский огонь стал безопаснее.

Гитлеровцы обрушили весь огонь на окопавшихся на плацдарме. Пули и осколки измочалили стволы деревьев, что стояли на взгорье.

Теперь, после занятия плацдарма, перед ротой Васина стояла задача взять высоту 142, 4.

Наступать начали рано утром 12 октября. На них обрушился огневой шквал из всех видов оружия. Медленно, но упорно рота продвигалась вперед. Враг усиливал огонь.

Редели ряды бойцов. Но задерживаться было нельзя. В замедлении смерть, гибель всего подразделения, невыполнение приказа. И командир роты, появляясь в рядах наступавших, воодушевлял своих людей.

— Вперед, орлы! За Киев! — доносился сквозь шум боя его бодрый голос. Его ранило в руку. Но тут уже не до того: рота подошла к подножию высоты.

Сигнал атаки! И наши солдаты с криком «ура!» устремились в проходы, сделанные в проволочных загражде-

ниях. Вот ворвались в окопы. Началась рукопашная схватка.

Враг не выдержал натиска и отошел.

Высота взята. Но ее надо было еще удерживать. Противник, учитывая важность высоты, решил любой ценой вернуть утраченные позиции. Собрав силы, гитлеровцы перешли в контратаку. Она была отбита с большими для врага потерями.

Однако гитлеровцы не смирились с этим, они предприняли против защитников высоты еще три контратаки.

В. Васин.

Особенно трудной для роты Васина была последняя. Противник наносил удар не только на земле, но и в воздухе: появившиеся над высотой вражеские самолеты сбросили на позиции роты целую серию бомб. Казалось, все живое смешалось с землей. Вероятно, немецкие летчики были в полной уверенности, что выполнили задание и не оставили в живых ни одного нашего солдата.

В самом деле, над окопами нависла тягостная тишина. Но вот бойцы, стряхнув с плеч землю, которой забросали их взрывные волны, вновь заняли свои места. А впереди, с правого фланга, показались танки. И рота Васина снова приняла неравный бой...

Вот загорелись два вражеских танка. Один из них пытается развернуться и дотянуть до своих. Сделать ему это не удастся. Брошенная Васиным граната подорвала его. Но прямо на командира неслась «пантера». Выждав, когда до нее осталось не более 20 метров, Васин бросил бутылку с горючей смесью, и танк в одно мгновение охватило яркое пламя. В это время метким огнем расчет противотанкового ружья подбил еще одну вражескую машину.

Гитлеровцы продолжали яростно контратаковать. А сил в роте заметно поубавилось. Вот уже второе ранение

получил и сам командир. Положение становилось критическим. Но старший лейтенант Васин не только не покинул поле боя, он смело повел остатки своих бойцов в новую атаку. Врага отбросили на его прежний рубеж. Высота была удержана...

А вскоре начались бои за Киев. Одной из первых вооружалась в город рота Васина, бойцы Бобров и Бугаенко водрузили красный флаг на ДOME Советов.

За отвагу, мужество, проявленные в боях за овладение правым берегом Днепра, командиру стрелковой роты старшему лейтенанту Васину 29 октября 1943 года присвоено звание Героя Советского Союза.

А спустя год заместитель командира батальона капитан Васин дрался за освобождение Венгрии. Однажды, перед самым наступлением, связь с одной из рот оказалась нарушенной. Как же передать роте приказ комбата? До начала боя оставались считанные минуты. И Васин, несмотря на сильный минометный огонь, бросился к месту расположения роты. Вот уже близко окопы. Но бегущий офицер — слишком соблазнительная цель для врага. Разрыв мины — и десятки осколков впиваются в тело отважного командира... В госпиталь его доставили в тяжелом состоянии. А дальше — годы затянувшегося лечения. Осколок, засевший в голове, извлечь так и не удалось.

18 июля 1949 года славного нашего земляка не стало.

Но память о нем живет. Помнят о нем на родине в селе Вороновка Инзенского района, где прошли его детские годы. Помнят и в рабочем поселке Ленинском, где Васин окончил школу и откуда ушел добровольцем в Красную Армию.

Здесь же на поселковом кладбище находится и его могила. За ней заботливо ухаживают пионеры и комсомольцы.

Одна из улиц поселка — улица Васина.

*Все дальше день за днем летит фронтов громада —
За Вислу, за Дунай, за синий дым Карпат.
Спокойно льется Дон. В степях у Сталинграда
Безмолвно павшие в земле остывшей спят.*

*Еще им жаркий бой в ненастный вечер снится,
Над берегами рек атак слепящий зной.
Но мы ушли вперед, родной земли границу
В сиянии зари оставив за спиной...*

Николай Грибачев

ВПЕРЕД НА ЗАПАД!

В. Румянцев

ТАНКОВЫЙ БРОСОК

Танковая бригада полковника Якубовского 5 ноября 1943 года пробилась через вражеские заслоны и ворвалась в охваченный пожарами пригород Киева — Святошино. Железная дорога на Коростень и шоссе Киев — Житомир, главные артерии врага, питавшие киевскую группировку, были перерезаны. К вечеру советские танкисты укрылись в роще южнее Святошино.

Предстояло решить новую боевую задачу (комбриг поставил ее офицерам в 2 часа ночи 6 ноября): не ввязываясь во встречные бои с подходящими резервами противника, в ночь на 7 ноября с ходу овладеть Фастовом, городом и узловой станцией, важным опорным пунктом.

Делая пометки на карте, командиры представляли всю сложность предстоящей операции: надо пройти в глубине обороны противника более 70 километров по пересеченной местности через минные поля, артиллерийские засады, лесные завалы... А сроку — один день!

Офицеры поспешили в свои подразделения. В ротах провели короткие митинги. Танкисты, окрыленные успехом, готовы были к новым боям. В первой роте парторг лейтенант Старостин сказал:

— Товарищи, я хочу напомнить вам о том, что питает нашу личную доблесть и отвагу. Вспомните обращение Военного Совета армии: «Спеши, воин! Ты слышишь стоны измученного украинского народа, изнывающего под немецким игом. Он с надеждой смотрит на восток и ждет тебя. Пусть тебя на крыльях несет любовь к Родине, пусть неугасимым пламенем в твоём сердце горит огонь священной ненависти к врагу. Вперед, на запад, гвардейцы!»

Старостин спрыгнул с танка и направился к своим

подчиненным. Он был командиром взвода, и ему предстояло теперь объяснить задачу командирам машин Боровскому и Никанорову.

— Мы назначены в головную заставу. Немедленно проверить материальную часть, боезапас, горючее. На броню возьмем десантников из мотострелкового батальона. Выступаем в семь ноль-ноль.

Лейтенанту Старостину едва минуло 20 лет, однако он не был новичком на фронте. Когда началась война, студенту Ульяновского механического техникума Дмитрию Старостину не исполнилось еще и 18, но он сразу же стал проситься на фронт. В военкомате отказали, сослались на возраст. Тогда он схитрил: подал документы в танковое училище.

— Я же не на фронт прошусь, а хочу получить военное образование, — лукаво улыбался паренек.

Приняли. Через полгода, ко дню выпуска, наступило совершеннолетие, и лейтенант-танкист отправился на Северо-Западный фронт.

...Выступили в 7.00. Командирский танк вел механик-водитель сержант Боборыкин. Сверху, на броне, — автоматчики, ящики с боеприпасами и запасной топливный бак.

Вставало солнце. День обещал быть погожим. Дмитрий Старостин, прильнув к перископу, сосредоточенно всматривался вперед. Молодого лейтенанта радовало все: и хорошая погода, и удачный прорыв, и то, что ему поручили ответственное задание — идти в головной заставе всей группы, и то, что уже на запад от Киева ведет он свою боевую «тридцатьчетверку».

Две недели назад командующий 2-м Украинским фронтом нанес на карте широкую и длинную красную стрелу. Подобно мечу рассекала она линию фронта севернее Киева и вела на юго-запад. Острие этого широкого меча вонзалось в кружок на карте, от которого в три стороны разбегались линии железных дорог. Это был Фастов. И вот сейчас, выполняя волю командования, острием этой стрелы стал его взвод, его — лейтенанта Старостина — танк, а наконечником стрелы — ствол его пушки!..

Серая лента дороги то взбиралась на пологие холмы, то сбегала в широкую ложину. Вот головной танк выскочил на очередной холм. Его командир, заметив вражескую колонну, просигналил двум другим танкам

«увеличить скорость» и стремительно ринулся на противника. Прежде чем оторопевшие гитлеровцы поняли, в чем дело, многие из них были уничтожены огнем пулеметов и пушек, смяты гусеницами, а оставшиеся в живых бросились с дороги в неубранную кукурузу, но и там их настигли развернувшиеся танки.

Об этом Старостин сообщил по радио полковнику.

— Хорошо, — сказал тот, — но не отвлекайся на мелочи. Вперед, и помни: главное — Фастов!

Старостин помнил это. Еще с вечера, узнав, что пойдет в головную походную заставу, он тщательно изучил карту и теперь вел взвод осторожно, примерно зная, где может быть засада. «Вот за этим крутым бугром — лесок, — думал танкист. — Нужно остерегаться».

И действительно, едва танк поднялся на высоту, как перед ним вспахали землю вражеские снаряды. Машина быстро скатилась в лощину.

Старостин связался с основными силами и получил приказ: «Беспокоить противника на прежнем направлении». Пока его три танка, то появляясь над холмом, то прячась, отвлекали внимание, два батальона растеклись по ложине влево и вправо. Охватив лес полукольцом, танки стремительно обрушились на вражеские позиции с двух сторон. Враг бежал. Головные танки (опять же взвод Старостина) на плечах противника ворвались в Заборье — село, находившееся сразу же за лесом. С ходу атаковали они вражескую колонну. Повозки, автомашины и бронетранспортеры забили всю широкую улицу села. Продвигаться вперед стало трудно. Тогда взвод свернул в боковую улочку, обогнул село справа и закупорил выход из села. Фашисты, бросая технику, разбежались. Взвод Старостина снова пошел вперед.

Внимательность — главное качество, необходимое в разведке или дозоре. Командир взвода вовремя заметил фашистские самолеты. Старостин подал сигнал «воздух», сообщил по радио комбригу об этом и открыл люк. Выступили из башен и командиры двух других машин. Танкисты не сводили глаз с самолетов. Вот ведущий спикировал на среднюю машину. С раскосыми крыльями, с неубирающимися шасси, он был похож на хищную птицу. Старостин прикинул — перелет и скоординировал: «Стой!» Впереди грохнул взрыв.

— Вперед! — И танк рванулся прямо в облако пыли и дыма. От следующей бомбы увернулись, прибавив газу;

осколки застучали по броне сзади. Враг изменил тактику: открыл огонь из пушек. Пришлось закрыть люки, то и дело менять скорость и направление.

Наконец, свернув с дороги в небольшой лесок, взвод укрылся от фашистских самолетов. Потеряв танки из виду, летчики сбросили наугад еще несколько бомб. Повреждена одна машина, у второй — заклинило башню, на танке Старостина не закрывается люк механика-водителя. Но, несмотря на это, решили идти вперед. Самое неприятное — взвод лишился радиосвязи.

Д. Я. Старостин.

Назначив машину лейтенанта Боровского связной, Старостин продолжал продвигаться по маршруту. На полпути между Киевом и Фастовом — большое село Плисецкое. В него-то и ворвался танковый взвод. Здесь улицы тоже были забиты вражескими машинами и повозками. Старостин повторил маневр: оставив Боровского «подстегивать фрицев с хвоста», со второй машиной зашел с фланга. И снова, бросив технику, фашисты бежали. Они скопились в ближнем лесу и открыли огонь из автоматов. Атаковать их было рано: не выяснено, есть ли там орудия. Да и машина Боровского где-то задержалась. Но вот появилась и она. Танк остановился за крайней хатой. Из башни выскочил заряжающий:

— Лейтенант Боровский ранен!

Залитого кровью Боровского внесли в хату. Перевязали.

Оставив машины в балочке за домами, Старостин один выполз с биноклем на высотку. Ему удалось засечь несколько огневых точек, и, когда его вызвали к командиру, он уже имел приблизительное представление о силах противника.

Командир бригады, учитывая слабость временных позиций противника и дорожа временем, приказал ударить по лесу с фронта. Расчет был правильным. Лавина могучих машин, широким фронтом ринувшаяся на врага, деморализовала его. Бой был коротким. Фашисты бежали беспорядочно в глубь леса, а танки Старостина уже выскочили на юго-западную опушку...

— Вперед! Как можно быстрее!

Полковник Якубовский знал, что в Фастове расположена зенитная дивизия, которая в системе вражеской противовоздушной обороны прикрывала подступы к Киеву. Для танков эти зенитные орудия гораздо опаснее противотанковых. И, наверное, есть там и еще силы.

Залог успеха был в стремительном броске, в неожиданности. Вот почему комбриг дал команду вперед. Только вперед! Не ввязываясь в затяжные бои, обходить опорные пункты врага — вперед на Фастов.

И взвод Старостина шел вперед. Мягко стелется под гусеницы укатанная дорога. Вокруг тишина. В поле кое-где работали люди. Навстречу по дороге идет женщина с котомкой, рядом с ней мальчик. Осень, прохладно, а он босой.

Старостин остановил машину и, высунувшись из башни, стал расспрашивать о дороге. Путники не сразу поняли. Вдруг у женщины мелко задрожали губы, из глаз хлынули слезы. Она кинулась к машине, протянув руки, трогала запыленную броню:

— Боже! Та же ж наши! Дывысь, Василь!

Вопросов она словно и не слышала. Старостин понял ее состояние: ведь более двух лет не видели местные жители советских воинов.

Наконец, несколько успокоившись, женщина стала отвечать:

— Нет, село впереди еще не Фастов; это Большая Снетинка, но от нее до города рукой подать. Войск в селе нет, а вот слева от села, за околицей, — аэродром. В Фастове же давно копают траншеи, стоят пушки, много войск.

Танки вплотную подошли к селу. Тишина на улицах, ни единого выстрела. Старостин поверил, что сведения точные, и повернул влево, в обход.

Для фашистов, находившихся на полевом аэродроме, появление советских танков было столь неожиданным, что в страхе они нашли единственный выход — попря-

таться по блиндажам. Самолетов не было. Стояли только автомашины: бензоцистерны, ремонтные летучки, стартеры. Их расстреливали, и столбы пламени взметнулись к тяжелым серым тучам, надвигавшимся с юга.

И вот он, Фастов! Восточная окраина. Понимая значение этого опорного пункта, противник заранее укрепил его. Старостин из укрытия наблюдал в бинокль за передним краем. Когда подтянулись все танки батальона, пошли в атаку. Но огонь нескольких вражеских батарей, минные поля и болотистая низина мешали продвижению. Ворваться в город не удалось. Нужно было собрать силы.

Почти без сумерек быстро надвигалась ночь. Казалось, сама природа помогала нашим войскам. Порадовав танкистов ясным деньком, сухими дорогами, теперь она гнала свинцово-сизые клубящиеся тучи. Ночью легче было продвигаться для атаки.

Нужно точнее разведать силы врага. И вот уже во тьме происходит что-то странное: возле машин несколько человек в гражданском, в немецких мундирах. Это разведчики старшего сержанта Чистякова и местные партизаны готовятся идти в город. Ушли, растворились в темноте. Партизаны помогли сориентироваться, передали данные о расположении орудий.

К 20 часам комбриг получил данные о противнике. Штурм начался в 22.00. Старостин действовал самым крайним на левом фланге. Теперь он командовал ротой (в атаке был тяжело ранен командир).

Что город укреплен хорошо, не было сомнений. Особенно беспокоили минные поля. Вдруг Старостину вспомнилась карта. Ведь здесь, слева, где-то недалеко дорога, соединяющая Фастов с Белой Церковью. На тыловой дороге едва ли закладывали гитлеровцы мины!

Только он успел поставить командирам машин задачу, как взвились сигнальные ракеты.

Старостин повел роту влево, в обход. Расчет оказался правильным: ни одна из его машин не наскочила на мину, не была повреждена. Выбравшись на шоссе, танки развили предельную скорость. На полном ходу перескочил командирский танк через железнодорожную насыпь и... очутился перед двумя орудиями. Выстрел! Промых! И уже под гусеницами — скрежет опрокинутой пушки. Выстрелила вторая зенитка. Снаряд попал-таки в танк, сорвал моторный люк, но больше стрелять ей уже не пришлось.

Вперед! Высокий класс вождения показал Боборыкин. Не видно ни зги в кромешной тьме! Чуть белеют стены домов. Но и это уже ориентир для водителя: в здание не врежется. По первой попавшейся улице — в город. Белые хатки расступились, и танк очутился перед высоким зданием. При вспышках выстрелов угадывались силуэты железнодорожных составов. Станция?! Выскочили на перрон. Огонь по эшелонам, по перрону! С треском рушится фонарный столб, в темноте — беспорядочная стрельба, крики, звон стекла!..

Что такое? Оживают паровозы! Искры из труб, струи пара вдоль колес...

— Гони, Иван, к выходной стрелке!

«Тридцатьчетверка» соскочила с перрона и пошла вдоль эшелонов. За выходной стрелкой развернулись поперек рельсов.

— Отсюда не уйдем! — сказал командир. — Закупорим станцию.

— Танки, — доложил заряжающий Орлов.

К стрелке спешили один за другим четыре танка противника. Старостин выстрелил по головному. Тот остановился подбитый. Началась перестрелка. Вскоре неподвижной стала и «тридцатьчетверка»: перебита гусеница. К притихшему танку бросились гитлеровцы, загремели взрывы гранат. Танк отбивался: частила пушка, выстукивали длинные очереди пулеметы. Но бой был, конечно, неравным: один против четырех танков и пехоты. Известно, чем бы кончился для смелого экипажа этот бой, но вражеские танки вдруг отошли. В город ворвались основные силы бригады.

Несколько позже пробились с востока танки второго батальона. Комбат поспешил разыскать подбитую «тридцатьчетверку».

— Молодцы! Девять эшелонов на ваш счет запишу. Да склады с продовольствием! Горючего на всю нашу армию хватит.

А всего танковая бригада, которую отныне будут звать Фастовской, захватила на станции 62 паровоза, 600 вагонов, тысячи тонн хлеба.

Военные трофеи: 64 орудия зенитной артиллерии и много другой техники.

В ночном бою уничтожено 11 танков, 5 самоходных орудий, 29 пушек разного калибра, 107 автомашин и 230 подвод с военным имуществом, десятки пулеметов. Взя-

то в плен 1230 солдат и офицеров. Бригада же потеряла всего 1 танк, 3 автомашины и мотоцикл.

Стремительность удара позволила освободить город Фастов в целости и сохранности. Но мало занять населенный пункт: нужно еще его и удержать. К утру противник перебросил на этот участок две танковые дивизии. Четверо суток отбивались танкисты полковника Якубовского от вдвое превосходящих сил противника. Враг контратаковал яростно. Но ему противостояли и мощная советская техника, и опыт закаленных в боях наших отважных танкистов, и их неодолимая воля к победе.

* * *

Отгремела война. Вернулись солдаты к мирному труду. Д. Я. Старостин ныне начальник Ульяновского областного управления кинофикации. Через четверть века, встретившись на юбилейных торжествах в Фастове с однополчанами, он долго беседовал со своим бывшим механиком-водителем Боборыкиным, тоже Героем Советского Союза, вспоминали фронтовых товарищей, поговорили о счастливой жизни нашего народа, за которую они сражались в годы войны.

А. Ермолаев

РЕЙД В ТЫЛ ВРАГА

В один из морозных дней декабря 1942 года Ульяновск провожал на фронт молодых офицеров — выпускников 2-го танкового училища.

Среди находившихся на перроне людей можно было видеть стройного белокурого лейтенанта, стоявшего в окружении родных. Его провожали сестра и тетя. Родителей у Геннадия Карюкина не было: мать умерла, когда ему исполнилось 11 лет, а отец погиб на фронте.

— Ну, дорогие, до свидания... — Геннадий обнял родных и уже на ходу вскочил на подножку вагона.

Мимо поплыли платформа, пристанционные строения... Прощай, родной Ульяновск...

Как быстро летит время. Ведь еще совсем недавно он вместе с товарищами из 7-й ульяновской школы играл в

футбол, летал вихрем на лыжах к Волге с крутых склонов. Еще недавно учился в школе ФЗО, а после ее окончания работал плотником...

В одном из своих первых писем домой Геннадий писал, что назначен командиром взвода разведки, что все его бойцы — народ обстрелянный. А не обстрелян только он — их командир, но отставать не собирается.

И вот вскоре — новое письмо с сообщением, что теперь и он получил «крещение»: две ночи подряд был в деле, находился под пулеметным и минометным обстрелом, «...немного обморозился, но вышел невредим».

Позже Геннадий писал: «За отца мщу. Открыл свой боевой счет».

За год войны Карюкин прошел суровую школу: был несколько раз ранен, горел в танке. Теперь это уже был мужественный и умелый воин. Ему часто поручали трудные и ответственные задания. Знали, что на него можно положиться. Таким он был с детства, когда еще в семье у него выработалась привычка: каждое дело, за которое берешься, всегда делать с душой, старательно и добросовестно...

А сейчас, спустя год войны, на боевом счету Геннадия уже числились десятки уничтоженных вражеских танков, автомашин, орудий, более сотни убитых фашистов.

— Герой умирает один раз, а трус — тысячу раз, — часто повторял Карюкин. И в бою войны видели, что командир не бросает слов на ветер.

Веселый, жизнерадостный, Геннадий любил шутку, хорошую песню. Подчиненные, несмотря на его молодость, относились к нему с уважением.

— С нашим лейтенантом не пропадешь, — говорили солдаты.

* * *

Наступила весна 1944 года. Преодолевая упорное сопротивление врага, 1-я танковая армия генерала Каткова приближалась к Карпатам. В каждом городе, в каждом селе со слезами радости жители встречали своих освободителей. И неизвестно, откуда в такую весеннюю пору на броне появились цветы. «В одной деревне, — писал Геннадий домой, — подошла ко мне старушка, обняла и поцеловала. Нанесли нам яиц, меду и всем угощают. Вот как встречают здесь советских танкистов».

Находясь со своей ротой в передовом отряде 45-й гвардейской бригады, Карюкин переправился через Днестр и тут же получил приказ: «Выйти к реке Прут, форсировать ее и захватить на правом берегу плацдарм».

Начался знаменитый рейд по тылам врага, в котором раскрылся талант молодого командира.

...Марш подходил к концу. Последний поворот дороги — и вот Прут. Остановив танки у рощи, Карюкин распорядился занять круговую оборону.

Вместе с командиром взвода младшим лейтенантом Кривенко он поднялся на лесистый пригорок. Отсюда открывался обзор на долину реки... Был конец марта. Деревья стояли голые, почерневшие, но на земле среди прошлогодней травы уже проглядывала молодая зелень. Слева невдалеке белели домики села. За ними виднелись остатки моста, который фашисты успели взорвать.

Геннадий раскрыл карту и сверил ее с местностью, затем обратился к товарищам:

— Ну так как же будем переправляться?.. Кривенко, бери трех автоматчиков, пойдешь в разведку. Нужно найти брод... Смотрите вот здесь, выше моста. Да хорошенько расспросите местных жителей. Они помогут...

Была уже глубокая ночь, когда вернулись разведчики, усталые, мокрые, в грязи. Но брод был найден.

Первыми стали переправляться автоматчики.

Перед рассветом к переправе подтянулись танки. Две машины Карюкин оставил на берегу для прикрытия.

Едва они продвинулись по реке метров на 20, как с противоположного берега хлестнула пулеметная очередь. По переправе било несколько пулеметов. По вспышкам открыли огонь танки Чугунина.

Около середины реки танк Карюкина накренился на левый борт. Видимо, попал в яму.

— Правее, правее, Ваня, а то засядем! — крикнул Геннадий.

На другом берегу у обрыва вырисовывались фигуры двух бойцов. Размахивая автоматами, они указывали места, где удобнее выходить машинам. Ориентируясь по ним, механики выводили танки из воды и направляли их по ложине вверх.

Бой был недолгим. Машины развернулись и устремились на немецкие окопы. Вражеские пулеметы замолкли.

Плацдарм занят! Нужно организовать его оборону. Выбрав удобные места под прикрытием небольшой горки,

Карюкин расположил танки и автоматчиков на огневых позициях и указал секторы для ведения огня.

Через полтора часа из-за холма показались черные точки. Геннадий опустился в башню и прильнул к оптическому прицелу: в колонне шли танки и самоходные орудия...

Трижды гитлеровцы бросались в яростные атаки, но, встреченные метким огнем, каждый раз с потерями откатывались назад. На поле боя уже горело самоходное орудие и лежали подбитые противотанковые пушки. Оставшиеся машины отошли в направлении моста.

Когда бой окончился, Карюкин лег у танка и развернул карту. Слева, с востока, доносились глухие звуки артиллерийской канонады. Там основные силы 11-го гвардейского танкового корпуса совместно с частями Железной дивизии вели бой за город Черновцы.

Вызвав к себе командиров, Карюкин объяснил им дальнейшую задачу.

— Наша бригада наступает на Черновцы с северо-запада. Мы обходим город правее и идем далее в тыл на юг, к румынской границе, с задачей прорваться вот к этому городку, — показал он на карте, — Сторожинец. Надо захватить его и удерживать до прихода главных сил.

Но и за плацдарм мы отвечаем головой. Поэтому Кривенко со своими тремя танками остается здесь охранять переправу, а остальные идут со мной вперед, на Сторожинец...

На пути к Сторожинцу были еще два села, где отряду Карюкина пришлось сбивать вражеские заслоны. Но вот и они уже позади. Надо спешить к Сторожинцу.

За небольшой возвышенностью начался пологий спуск в речную долину. Геннадий, стоя в открытой башне, внимательно осматривал местность. Вдали на горизонте виднелись Карпаты. После долгих дождей погода улучшилась, проглядывало солнце, но земля еще не просохла. Из-за пригорка показались крыши городских домов. На подступах к городу отряд был встречен артиллерийским и пулеметным огнем. Танки развернулись в боевой порядок. О подробностях этого боя рассказывает бывший командир корпуса, ныне генерал армии А. Л. Гетман:

«Тогда лейтенант Карюкин принял дерзкое решение: повести один свой танк в атаку с фронта, приняв на себя весь огонь противника, а остальным экипажам прика-

зал обойти городок и наступать на врага с флангов и тыла.

Маневр был выполнен стремительно. Танки ударили со всех сторон. Обходя Сторожинец справа, лейтенант Чугунин неожиданно вышел на огневые позиции вражеской батареи. Ошеломленные враги, бросив пушки, в панике разбежались. «Тридцатьчетверка» Чугунина с ходу раздавила орудия и, не останавливаясь, прорвалась с тыла к танкам противника. Один из них запылал с первого же выстрела, другой был подбит подоспевшим танком Карюкина.

Г. Карюкин.

А тут и с левого фланга открыл огонь танк лейтенанта

Кораблева. Уцелевшие машины начали беспорядочно отходить к реке. Туда же бежали многие фашистские автоматчики...» *.

Богатые трофеи достались нашим гвардейцам: много оружия, несколько десятков автомашин, склад боеприпасов и горючего, а на станционных путях — паровоз с 35 вагонами.

Оставив автоматчиков для охраны и обороны города, Карюкин с танками возвратился на северо-восток к лесу. Нужно было перекрыть дороги, идущие к городу из Черновиц.

Он организовал у дороги две засады. Машины тщательно замаскировали. В лесу наступила тишина. Но вот на дороге показалась мотоколонна — это отходила из Черновиц часть пехотного гарнизона, стремясь пробиться к румынской границе. Впереди в качестве прикрытия шли две «пантеры».

* А. Л. Гетман. Танки идут на Берлин. М., 1973, с. 185.

Вот они уже близко, а команды нет. Танкисты волнуются, и, как бы успокаивая их, в наушниках раздался голос Карюкина:

— Пропустить головную. Бить по бортам второй.

Когда «пантеры» уже прошли мимо, внезапно загремели выстрелы. Почти одновременно открыла огонь и вторая засада. Оба танка были подбиты. Оставшиеся машины заматались, ища выхода. А невидимые советские танки продолжали вести губительный огонь. В панике, бросая оружие, гитлеровцы разбегались по лесу.

Один из боевых товарищей Карюкина, капитан Замула, так оценивал действия Геннадия во время его рейда по тылам врага:

«Успех этого маневра был достигнут благодаря внезапности и дерзости удара. Карюкин по своей инициативе шел на риск. Но этот риск не был безрассудным. Карюкин не действовал опрометчиво. Он строил маневр на правильной оценке обстановки и строгом расчете. Кроме того, Карюкин знал тактику борьбы с врагом и отличался умением мастерски устраивать засады».

Почти двое суток до подхода главных сил бригады передовой отряд под командованием Карюкина удерживал занятый рубеж у румынской границы.

Представляя отличившихся воинов к наградам, командир батальона писал: «В наступательных боях с немецко-фашистскими захватчиками с 22 по 31 марта 1944 года гвардии лейтенант Карюкин проявил себя отважным и бесстрашным воином и командиром... Достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

1 мая на передовой Геннадию Карюкину были вручены правительственные награды — орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

* * *

Наступил июль 1944 года. Войска танкового корпуса подходили к пограничной реке Сан. Бригада должна была форсировать ее в районе польского города Радымно и в дальнейшем совместно с другими частями развивать наступление на Перемышль.

По-прежнему в передовом отряде идет Геннадий Карюкин. Задача нелегкая: форсировать реку и захватить хотя бы небольшой плацдарм, чтобы обеспечить действия главных сил бригады.

На рассвете 22 июля танки Карюкина с автоматчиками на броне вошли в быстрые воды Сана. Противник пристрелял переправу, но все же танки прорвались на левый берег и с ходу атаковали деревню Острув. Однако враг, ожидая наступления наших войск, успел создать здесь сильный узел сопротивления. Передовой отряд был встречен сильным огнем танков, орудий, пулеметов и автоматов. Налетела штурмовая авиация. На подступах к селу разгорелся ожесточенный бой. От удара авиабомбы загорелась машина командира. Внезапно рванувшись вперед, она врезалась в немецкую автоколонну. Раздался взрыв — и танк Карюкина окутался черным дымом.

Когда главные силы бригады, переправившись через реку, разгромили узел сопротивления и выбили гитлеровцев из села, друзья Геннадия отыскиали на поле боя обгоревший танк своего командира и похоронили его останки у реки Сан.

Сейчас могила героя находится в поселке Краковец Яворовского района Львовской области.

В Ульяновске есть улица имени Карюкина. Берет она свое начало у стен Ленинского мемориала и идет к Среднему Венцу — новому микрорайону города.

Имя героя носит профессионально-техническое училище, где когда-то учился Геннадий.

П. Мельников,

Герой Советского Союза

АТАКУЮТ ТАНКИ КАРАБАНОВА

В конце декабря 1943 года наши войска, остановив контрнаступление немцев под Фастовом, Радомышлем и Коростенем, перешли в наступление. Полк, которым я тогда командовал, вел бой южнее Бердичева. Нам было известно, что в город ворвалось два батальона гвардейской танковой бригады, в том числе батальон Карабанова. Будучи отрезанными от главных сил, они в течение пяти суток вели неравный бой с гитлеровцами.

Вот тогда-то я впервые и услышал имя командира-танкиста Алексея Карабанова, моего земляка, ульяновца. Я был свидетелем многих его подвигов.

Враг пытался уничтожить горстку храбрецов. Батальону Карабанова пришлось отразить не одну атаку врага. Находясь в боевых порядках, комбат своей беспримерной храбростью воодушевлял личный состав. И, когда войска генерала К. С. Москаленко начали штурм города Бердичева, батальон Карабанова перешел в решительное наступление, способствуя главным силам в овладении городом.

За мужество и отвагу Алексей Карабанов был награжден орденом Красного Знамени.

Впервые я увидел Карабанова в деле, когда вверенный мне самоходно-артиллерийский полк совместно с гвардейской танковой бригадой составляли передовой отряд танкового корпуса и наступали в направлении главного удара 1-й гвардейской танковой армии. В авангарде передового отряда шел батальон Карабанова с батареей самоходных установок.

17 июля 1944 года Карабанов, выйдя первым на реку Западный Буг, государственную границу СССР с Польшей, завязал бой на правом ее берегу. А с подходом главных сил форсировал реку, вступив на территорию братской Польши. Враг, используя естественный оборонительный рубеж, оказывал яростное сопротивление. Но батальон Карабанова с ходу овладел железнодорожной станцией Клусов, перерезав важную для противника коммуникацию, лишив его маневра вдоль фронта и в глубину по железной дороге.

На станции стояли груженные эшелоны с техникой и различными военными грузами. Батальон захватил их, уничтожил два бронепоезда, несколько паровозов, закрепился на плацдарме и обеспечил форсирование реки главными силами бригады и корпуса.

Продолжая двигаться в авангарде передового отряда, Карабанов не раз показывал образцы мужества и отваги. Так было при форсировании реки Сан, в бою за город Перемышль, при форсировании крупной водной преграды—реки Вислы, на Сандомирском плацдарме. Здесь я близко познакомился с Карабановым, с этим замечательным человеком и воином. Это был уже не тот худощавый юноша, что запечатлен на фотографии в комнате боевой славы Ульяновского танкового училища. Мне жал руку мужественный боевой офицер...

Враг наращивал удары, пытаясь сбросить нас с плацдарма. Гитлеровцы поняли, что наш плацдарм на запад-

ном берегу Вислы — это трамплин для последующего удара, вероятнее всего по Силезскому промышленному району. Поэтому с такой ожесточенностью они кидались в контратаки.

Немцы бросили до 40 танков с пехотой против батальона Карабанова, закрепившегося в селе Копшевица. В батальоне осталось не больше 10 танков и двух самоходных рот нашего полка, насчитывавших 7 боевых машин. Все они и отражали контратаку втрое превосходящего по силам противника. Карабанов четко руководил боем, умело маневрировал своими силами, а когда требовалась обстановка, и сам вступал в бой, проявляя при этом мужество и храбрость. В результате на поле боя осталось около 30 танков противника, много убитых солдат и офицеров врага. Карабановский батальон смог перейти в контратаку и успешно продвигаться вперед.

А вскоре перед бригадой и моим полком была поставлена новая задача: совершить бросок и 8 августа выйти к местечку Лопата, соединиться там с идущей навстречу общевойсковой армией и замкнуть кольцо окружения крупной группировки фашистских войск в районе Сандомира.

Маневрируя, батальон Карабанова в прежнем составе выполнил поставленную задачу и точно в срок вышел к местечку Лопата, но только вместо наших войск их встретил противник, превосходящий по силе. Завязался неравный бой. Гитлеровцы непрерывно контратаковали нас при поддержке интенсивного огня артиллерии. Мы несли потери. Положение становилось критическим. Снарядов осталось мало, пехоты с нами не было, тылы оказались отрезанными.

Во время этого боя, находясь в своем танке при батальоне Карабанова, я слышал по радио четкие его команды: «Танки противника уничтожить из-за укрытия наверняка, с одного снаряда. Ни одного лишнего выстрела!» И сам Карабанов подавал в этом пример: он подпускал гитлеровские танки на 200—300 метров и расстреливал их без промаха. Самоходчики также делали все, чтобы огнем и гусеницами совместно с батальоном разить наседавшего врага.

В наступившей темноте пехота противника, пользуясь тем, что у нас не было мотострелков, попыталась проникнуть в боевые порядки наших танков и самоходок и уничтожить их противотанковыми гранатами. Один из

наших танков был подбит фаустпатроном. Создалась такая обстановка, когда враг мог сжечь наши танки.

Чтобы уничтожить гитлеровскую пехоту, я предложил Карабанову вызвать огонь — залп «катюш» — по нашим боевым порядкам. Комбат без колебания дал согласие. Правда, был и другой выход из создавшегося положения — отвести танки и самоходки на более выгодный рубеж. Но отходить назад не в правилах гвардейцев. Поэтому был принят первый вариант. В этом решении сконцентрировано все: достоинство, характер, мужество и отвага волевого командира. Вызывая огонь на себя, Карабанов рисковал и своей жизнью, но о себе он не думал: в эти минуты он думал о том, как лучше выполнить приказ, как наибольший урон нанести противнику и сохранить своих людей и технику.

И батальон Карабанова не только выстоял. С подходом главных сил он перешел в наступление.

После успешных боев на Сандомирском плацдарме фронт стабилизировался. Части 1-й гвардейской танковой армии вышли в район Львова на кратковременный отдых с тем, чтоб пополнить личный состав, технику и вооружение.

Здесь мне часто приходилось встречаться с Алексеем Карабанным: его батальон стоял по соседству с нами. Но и в этой обстановке он не мог сидеть без дела. Каждый день в батальоне шли учения: танкисты «штурмовали» высоты, укрепления, ходили в разведку, отрабатывали боевое мастерство. Зная тактику врага, Алексей отрабатывал все новые варианты ведения боя. Уставшим бойцам он нередко напоминал: «Победа куется в учебе».

А вечером, в свободное от занятий время, Алексей всегда был среди бойцов, рассказывал им разные забавные истории, вместе с ними пел песни. Особенно любил он волжские. Строгий и требовательный по службе майор Карабанов в то же время проявлял постоянную заботу о подчиненных. Среди офицеров и солдат он пользовался большим уважением, хотя по возрасту был моложе многих.

Еще ближе я узнал Алексея во время Висло-Одерской операции. Его батальон действовал в составе прославленной гвардейской танковой бригады под командованием дважды Героя Советского Союза полковника И. И. Гусакковского.

В середине января 1945 года бригаде и нашему полку была поставлена задача: действуя в передовом отряде, войти в прорыв, совершить бросок по тылам врага, выйти на реку Пилица в районе Новое Място, форсировать ее и, заняв плацдарм, преградить гитлеровцам отход на запад.

Задача была не из легких. В этих случаях в авангард комбриг всегда назначал батальон майора Карабанова, усиливая его самоходными установками и мотострелками, артиллерией. Он хорошо знал Карабанова и никогда не говорил ему: «Добейся выполнения задачи любой ценой». Для Алексея у него были другие слова.

Помню, как перед боем Алексей подошел ко мне и попросил, чтобы я ему выделил роту самоходок Николая Поливоды.

— Мы с ним понимаем друг друга с полуслова, — сказал он.

Авангардный батальон должен был проложить путь главным силам бригады. Карабанов хорошо понимал, что от действия его батальона зависит успех. Командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков передал: «Успешное форсирование реки Пилица и поставленный заслон немцам за рекой составляют половину операции».

С выходом на реку Пилица наши войска отрезают всю главную группировку немцев на Висле южнее Варшавы, не давая фашистам возможности отойти на запад и закрепиться на новых, уже подготовленных оборонительных рубежах.

Действовать в тылу врага — это стихия Карабанова. Его батальон хорошо сколочен, легко управляем, отлично организована разведка. Делая смелые броски, он появляется там, где противник его не ожидал. Как ураган налетал он на врага, сметая его мощным огнем и гусеницами. «Почерк» Алеши легко узнать. Там, где прошел его батальон, не нужно было ставить указки и регулировщики — дорога была хорошо заметна: повсюду горели фашистские танки, бронетранспортеры, автомашины.

Пройдя с боями около 80 километров, батальон вечером вышел в назначенный район к реке Пилица и начал форсирование ее. Под прикрытием огня танков и самоходных установок мотострелки броском перешли на противоположный берег и захватили небольшой плацдарм. Теперь главное заключалось в том, чтобы, сдерживая на-

тиск врага, взорвать лед и преодолеть вброд реку глубиной 120—140 сантиметров. Дело в том, что лед на реке был толщиной не более 25 сантиметров и танки не выдерживал. Гитлеровцы, взорвав все переправы и мосты, считали, что зимой в таких условиях нам не преодолеть реки танками: для этого потребуется выполнить большой объем инженерных работ.

Но наши саперы быстро сделали свое дело — взорвали лед, и танки Карабанова с самоходками Николая Поливоды и Петра Колесникова вошли в воды Пилицы. Глыбы льда затирали машины, экипажи находились в ледяной воде. Обстановка была чрезвычайно сложная, к тому же немцы вели по району переправы интенсивный огонь из орудий. Задача казалась невыполнимой, да и опыта форсирования рек зимой в таких условиях не было.

Карабанов своей неукротимой энергией показывал пример. Вот его машина в числе первых выбралась на твердый грунт, за ним — остальные, и так весь танковый батальон, а с ним — две роты самоходных установок. Батальон Карабанова с ходу вступил в бой. За короткое время он уничтожил десять танков противника, артиллерийскую батарею и большое количество живой силы.

Ближайшая задача была выполнена. Вслед за авангардом преодолели важный рубеж главные силы бригады. Части 25-й немецкой танковой дивизии были разгромлены.

Преодолевая сопротивление противника, бригада стремительно двигалась дальше на запад. За сутки с боями пройдено свыше ста километров.

Обходя с запада столицу Польши — Варшаву, авангардный батальон ворвался в город Лович. Гитлеровцы никак не ожидали здесь наших танков. Они преспокойно сидели и слушали по радио сводки гитлеровской ставки о том, что советские войска якобы истекают кровью на Висле. А в это время танкисты майора Карабанова уже захватили коменданта города, и тот, дрожа с перепугу, повел их показывать, где находятся опорные пункты. С подходом наших главных сил ударом с двух сторон с немецким гарнизоном города Ловича было все кончено. Захват этого города — важного опорного пункта — лишил гитлеровцев возможности подвозить свои резервы к Варшаве и отводить войска от нее через этот узел шоссейных и железных дорог.

Советское правительство высоко оценило боевые действия мужественного командира танкового батальона майора А. А. Карабанова, присвоив ему звание Героя Советского Союза.

Новые бои, новые рейды. И опять Карабанов впереди. За 13 суток — свыше 500 километров с боями, а на спидометрах танков с учетом маневра — свыше 1000 километров. Это был настоящий подвиг! И описать его в коротком очерке невозможно.

Расскажу еще лишь о последнем героическом бое Алексея Карабанова при штурме Мезеритцкого УРа *.

28 января 1945 года батальон Карабанова в числе первых вышел на польско-германскую границу. Загоняя врага в его собственное логово, советские танкисты подошли к Восточному оборонительному валу, с его сердцевиной Мезеритцким УРом, который немцы создавали десятилетиями и считали его непреодолимым.

Орешек действительно был крепким: полоса стальных «ежей», железобетонные надолбы, противотанковый ров, залитый водой, система озер и каналов, естественная водная преграда — река Обра. И все это заминировано. Потом несколько полос тяжелых железобетонных долговременных огневых точек с артиллерийскими и пулеметными системами в них.

Бригаде Гусаковского предстояло первой штурмовать этот укреп район в местечке Мезеритц. Начать штурм было поручено опять батальону Карабанова. И вот перед боем в штабе бригады комбриг доводит боевую задачу до командира батальона.

Штурм УРа решено начать ночью, внезапно, без артподготовки. Главные силы вести вплотную за батальоном в готовности развить его успех.

В условленный час бой начался. Бригадные разведчики и танкисты Карабанова обнаружили тщательно замаскированный проход в УРе, оставленный гитлеровцами для вывода своих войск на случай контратаки. Надолбы на дороге были вставлены в гнезда, но не забетонированы, а стальные «ежи» не закреплены, мосты подготовлены к взрыву.

Используя этот проход, батальон Карабанова совершенно неожиданно для противника ворвался в УР и завязал тяжелый бой. Танки, самоходки, артиллерия

* Укрепленный район.

открыли интенсивный огонь по дотам, горели строения, трансформаторные будки, высоковольтные линии — все это наводило страх на противника, он нес большие потери.

Путь батальоном Карабанова проложен. Вслед за ним вступили главные силы бригады. Бой шел тяжелый и неравный, никогда еще танкистам не приходилось вести его в таких условиях, да еще ночью.

Этот бой для майора Карабанова оказался последним.

Заместитель командующего 1-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенант, ныне генерал армии, Герой Советского Союза А. Л. Гетман в своей книге «Танки идут на Берлин» писал:

«Тяжелую потерю понес в этом бою батальон: был убит его бесстрашный командир майор Карабанов. Один из лучших офицеров корпуса коммунист Алексей Алексеевич Карабанов являлся примером отваги и самоотверженности в борьбе с врагом. В бою он всегда был там, где особенно трудно, где требовалось организовать умелый маневр».

Так оборвалась жизнь героя.

Всего три месяца отделяли нас от победы над коварным врагом. Как ждал Алексей этого дня и как много сделал он для победы! Он часто говорил: «Каждый убитый фашист, каждый метр вперед, на запад, — это шаг к победе».

Трудно передать горе и гнев бойцов. С удесyтеренной силой они снова ринулись в бой, мстя фашистам за смерть любимого командира.

К утру бой был закончен. Майора Карабанова похоронили в сосновой роще. А батальон по-прежнему шел вперед. Войска устремились к Одеру. Пересекая германскую границу по одной из дорог, на стене полуразрушенного дома советские пехотинцы читали: «Батальон Карабанова вступил на землю проклятого врага 28 января 21.00. Даешь Берлин!»

Е. Ларин

БОГАТЫРЬ С ВОЛГИ

— Старшина Бильданов! — запыхавшись подбежал связной. — Срочно к комбату...

Командный пункт батальона находился недалеко от

траншеи в темном, полуподвальном помещении. Когда Бильданов, согнувшись, протиснулся в низенькую дверцу, там уже собрались многие командиры. Тускло чадила сделанная из снарядной гильзы коптилка. Крепко пахло махоркой.

Капитан Цветков объяснил обстановку и поставил задачу — провести разведку боем. Для этого надо выйти в тыл врага, захватить плацдарм, расширить его и удерживать до подхода подкрепления. Главная задача в этом бою отводилась роте Завьялова.

Ночью саперы проделали проходы в колючей проволоке и минном поле, и рота почти бесшумно подобралась к передовым позициям врага. Застрочили немецкие пулеметы и автоматы, но было уже поздно. Рота Завьялова продвинулась за ночь вперед на десять километров.

На рассвете немцы опомнились, поняли, что атакованы небольшими силами, и под прикрытием танков стали отрезать пути отхода, сжимать роту Завьялова в кольцо.

Положение было тяжелым. Рота таяла на глазах, а обещанное подкрепление так и не подходило. И Завьялов принимает решение отойти за речку Великую. Все четыре пулеметных расчета он решил оставить для прикрытия отхода.

— Абдулла, — командир впервые назвал Бильданова по имени. — Держись, Абдулла. Любой ценой держись...

Два с половиной часа пулеметчики сдерживали ярый натиск врага. В пылу боя Бильданов не сразу заметил, как замолчал пулемет справа. Не заметил он, и когда умолк пулемет слева. До боли в пальцах он нажимал на гашетку и видел в прорезь щитка, как падают скошенные его очередями фашисты. Но вот кожух пулемета окутался облаком пара: «максим» перегрелся, а запаса воды нет.

— Петров, воды! — крикнул старшина, отстегивая флягу с водой. И только тут услышал, что пулеметы молчат. Он кинул флягу Петрову: — Вылей воду в кожух и ползи к пулемету слева.

Сам же он бросился к пулемету справа. И вот опять заговорил «максим». Но от жаркого боя перегрелся и он. Тогда Бильданов вернулся к своему пулемету.

Подполз и Петров:

— Старшина, нас осталось двое.

— Знаю.

Вдали показались танки.

— Петров, выводите пулеметы из строя.

Бильданов оттянул свой пулемет за пригорок и резким взмахом взвалил его на плечи.

— Будем отходить за реку.

— Старшина, давай разберем и этот пулемет.

— Нет.

— Но успеем же...

— Нет! — крикнул Бильданов. — Бери пару коробок и — за мной.

Петров связал ремнями шесть коробок и перекинул их через плечо.

Лед был рыхлый, мокрый. Петров первым осторожно перебрался на противоположный берег. Бильданов по пояс провалился в воронку, запорошенную снегом. Пулемет скрылся под водой.

На помощь бросился Петров. Он быстро вытянул друга из воды. Затем принялся спасать пулемет. Петров заметил, что из рукава старшины сочится кровь.

А через несколько дней командир батальона Цветков сообщил отважным пулеметчикам, что оба они награждены орденом Славы III степени. В том же месяце их обоих приняли в партию.

За языком

Из штаба дивизии Бильданов возвращался несколько озадаченным. Жарко припекало апрельское солнце, гимнастерка прилипла к спине, и он то и дело вытирал лицо рукавом.

— Ты знаешь, старшина, что такое глаза и уши армии? — вспомнил Бильданов разговор с начальником штаба.

— Разведка вроде, — неуверенно отвечал Бильданов.

— Не вроде, а точно, — улыбнулся начштаба.

Напрасно Бильданов пытался доказать, что он пулеметчик и в разведке едва ли пригодится. Все уже было предreshено...

В тот же день он попрощался с пулеметчиками и принял взвод разведки. А вечером получил задание — взять языка.

Наступила ночь. Трое разведчиков отправились на поиск. Нейтральная полоса была сплошь изрыта воронками, и разведчики сливались с вывороченной землей.

Бильданов глянул на циферблат часов. Через минуту «заговорят» наши минометчики, загонят фрицев в землянки и блиндажи. Это позволит разведчикам подобраться к траншее. Так было условлено заранее.

С немецкой стороны изредка огрызался пулемет. Темноту вдоль и поперек прорезали росчерки трассирующих пуль. Красными пунктирами они вонзались в лес и исчезали во мраке.

Вот Бильданов увидел, как вблизи отсвечивает полоска глины бруствера. Еще несколько метров — и траншеи. Но что такое? За бруствером мелькнула каска, и прямо над головой засвистели пули.

«Неужели на засаду напоролись?» — чертыхнулся Бильданов, прижимаясь к земле. В это время ударили наши минометы.

Там и тут захлопали оглушительные взрывы. Пулемет замолчал, и ободренный Бильданов быстро пополз дальше. Камнем он свалился через бруствер вниз. Не успел подняться, как перед ним выросла тень.

— Я здесь, старшина...

Толстоган! Когда он успел подобраться к пулеметчику, прыгнуть на плечи и скрутить ему руки? Около пулемета с кляпом во рту сопел фриц. Толстоган рыкнул на него, и немец притих. В окоп прыгнул Черенков. Бильданов пошел с ним по траншее и наткнулся на дверцу блиндажа.

— Сейчас я распахну дверь — и вбегаем оба, — шепнул Черенков, приготовив гранату.

Бильданов удержал его за рукав:

— Постой. Вдруг там их много. Дождемся взрыва и юркнем. Пусть подумают, что свои от обстрела прячутся.

В это время взорвались совсем рядом мины. Бильданов открыл дверь и скользнул лучом фонарика. Пучок света выхватил из темноты стол и спящего на нарах фашиста.

Бильданов наставил на гитлеровца автомат, а Черенков скрутил ему руки...

Пленный унтер-офицер показал, что вот уже целую неделю немцы стягивают на этом участке большие силы, что скоро начнется наступление. И наше командование решило нанести упреждающий удар.

Вечером того же дня в тыл врага была направлена рота лейтенанта Митишова и Бильданов с друзьями-разведчиками.

После ночного визита разведчиков немцы, видимо, приняли меры предосторожности. То и дело раздавалась беспорядочная стрельба, небо бороздил прожектор, а над «ничейной» землей одна за другой вспыхивали ракеты. И все же вряд ли гитлеровцы думали, что наши разведчики пожелают в гости так скоро, этой ночью.

Миновав первую линию обороны, рота углубилась в тыл и остановилась на опушке леса. Местность была незнакома, и командир отправил группу Бильданова в разведку.

Небо уже посветлело, но моросил дождь. Где-то слышались приглушенные голоса. Бильданов насторожился и подал остальным знак. Рядом раздался детский плач.

— Деревня, — прошептал Толстоган. — Пошли мимо.

— погоди. Я вижу огонек и человека, — выглянул Бильданов из-за дерева. Прямо перед ним сидело несколько гражданских лиц.

— Ходить не надо, — посоветовал Толстоган. — Может, рядом фрицы.

Но старшина настоял на своем, и они окружили незнакомцев. Это была укрывшаяся от обстрела семья старого литовца.

— Немцы далеко? — спросил Бильданов.

— Герман? Ни. Герман лево, — ответил старик. — Герман пушки много...

С грехом пополам литовец рассказал, где и какие орудия стоят, и сам вызвался проводить разведчиков. Это показалось Бильданову подозрительным. Но литовец оказался честным советским человеком. Он провел разведчиков к расположению немецких артиллеристов. Не успели те схватиться за оружие, как оказались в кольце. В руки разведчиков попали восемь тяжелых орудий.

Артиллеристы Черенков, Таганошвили и Иванов вернули орудия, и полетели немецкие снаряды на головы фашистов. А на немецкой передовой суматоха. Услышав выстрелы, вся первая линия обороны в панике метнулась отступать, но была уничтожена.

Несколько часов разведчики вели бой, вызвав невероятный переполох в стане противника. Гитлеровцы бежали. Разведчики преследовали их. На дороге замерла колонна автомашин.

— Поджечь машины! — крикнул Бильданов. Взметнулся огромный столб огня.

К утру гитлеровцы пришли в себя, но время было потеряно: наша дивизия перешла в наступление и полностью сорвала планы противника.

После этого боя на груди Бильданова засиял второй орден Солдатской Славы.

Лицом к лицу

— Слышал, слышал о вас. Слава пешком не ходит. Она, брат, крылата...

Начальник политотдела дивизии усадил Бильданова рядом и продолжал:

— А вызвал я вас сказать, что парторг Гусев выбыл в госпиталь. Парторгом батальона решено назначить вас.

— Как так? Да у меня и звание неподходящее.

— Вы — коммунист, Бильданов. А это очень высокое звание.

На КП батальона Бильданов явился рано утром и доложил командиру о прибытии.

— Вовремя, — кратко ответил капитан и деловито расстегнул планшет. — Вот деревня Каукаряй. Там в подвале одного дома немцы устроили дот. Посылали две группы. Они не вернулись.

Бильданов занял место на наблюдательном пункте и попросил комбата вести постоянный плотный огонь. Он разгадал, что небольшая литовская деревня стоит на возвышенности. Крайний же дом, под которым находится дот, занимал господствующее положение. Обзор на все три стороны был. Отличная позиция.

До вечера Бильданов вел наблюдение и наметил место подхода к огневой точке врага: он решил выйти ей во фланг лощинкой.

Поздно вечером Бильданов собрал бойцов.

— Кто пойдет со мной?

Около десятка добровольцев подошли к парторгу.

Бильданов отобрал четырех, познакомил их со своим планом и приказал захватить предельное количество гранат.

Поздно ночью группа Бильданова в масках вышла на задание. Пробирались кюветами и канавами. Наконец подошли к селу. Двоих Бильданов оставил в канаве и велел время от времени высовывать пилотки, чтобы отвлечь врага. Сам же с бойцом Ивановым взял еще

А. Бильданов.

правее, где развалины дома позволяли приблизиться к доту почти вплотную.

Перед рассветом Бильданов и Иванов доползли до пепелища дома. Все это время дот не умолкал ни на минуту. Бильданов крикнул, что до него осталось не больше 20 метров. Он уже ясно различал крепкие стены подвала, выложенные из валуна. А потом заметил, что пулемет не один, а три, и ведут они огонь через короткие промежутки.

Вдруг стволы резко развернулись и застрочили длинными очередями. Видимо, оставшиеся в канаве обнаружили себя, и немцы направили огонь в их сторону. Момент был великолепный.

— Приготовиться, — шепнул Бильданов Иванову и, резко поднявшись, с силой метнул одну за другой две гранаты. Пулеметы врага умолкли, словно захлебнулись. Две гранаты бросил и Иванов. А Бильданов вплотную подобрался к дому и оказался у самой двери подвала. Там слышался непонятный говор и стоны. Стало быть, гранаты достигли цели. Но что такое? Пулемет застрочил снова. Рывком Бильданов распахнул дверь и бросил в подвал гранату. Взрыв — и снова граната.

В подвале наступила мертвая тишина. Но Бильданов еще не решался в него войти.

«Эх, кашу маслом не испортишь», — подумал он и бросил в дверной проем еще гранату...

В подвале пахло сыростью и порохом. Иванов насчитал восемь вражеских трупов. Огневая точка была подавлена.

Бильданов вынул ракетницу — и в небо взвилась красная ракета. Это было сигналом к общей атаке.

Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. У Бильданова

кончились патроны, израсходованы гранаты. Схватив винтовку, он пошел врукопашную.

Лишь после штыковой схватки Бильданов почувствовал, что ранен...

После госпиталя Бильданов попал на другой фронт, в Пруссию.

По земле уже шагала весна. Великая весна, которой суждено было стать весной победы над фашизмом. И вот в преддверии этих светлых дней 13 апреля 1945 года в боях за Инстербург (ныне Черняховск) старшина Бильданов был снова ранен. И День Победы он встретил в госпитале. А потом — демобилизация и возвращение домой...

Осенью 1945 года Бильданов был направлен в Москву на курсы торговых работников.

Однажды с товарищем по курсам он зашел в наград-отдел: товарищ должен был получить медаль.

В коридоре на стенах было вывешено множество списков, на которые Бильданов вначале не обратил внимания. Затем случайно глянул в один из списков и сразу наткнулся на свою фамилию, а рядом четыре слова: «Орден Славы I степени...».

* * *

В сентябре 1963 года в газете «Ульяновский комсомолец» было опубликовано письмо П. М. Фролова, учителя из Литвы. Вот оно:

«Где ты, герой-ульяновец?»

Я руковожу краеведческим кружком в 27-й средней школе города Вильнюса. Юные краеведы вот уже много лет собирают материалы о героях-освободителях своей республики. Не один поход совершили они по местам боев, хорошо знают любознательных ребят и в архиве Министерства обороны СССР. Однажды они нашли такую запись: «Старшина А. Бильданов во время боев в Литве, как и раньше, показал себя энергичным и смелым воином. Вот почему коммунисты и беспартийные очень любили и уважали старшину. Он был примером в бою. Агитировал не словами, а делом».

Юных краеведов очень интересовала судьба А. Бильданова. И вот что им удалось узнать.

Абдулла Бильданов был парторгом в стрелковом батальоне. В июне 1944 года вместе со своими товарищами сражался в Литве. В бою за деревню Каукарый старшина А. Бильданов незаметно подполз к фашистскому пулемету, который был установлен в подвале, и забросал его гранатами. В этом же бою на промежуточном рубеже вместе со своей ротой парторг ворвался в траншею врага и в рукопашной схватке уничтожил трех гитлеровцев. В числе первых А. Бильданов 23 октября был в городе Кибартае, и в числе первых он вышел на берег пограничной реки Ширвинты.

За подвиг на литовской земле Указом Президиума Верховного Совета СССР старшина А. Бильданов и был награжден орденом Славы I степени. Так отважный воин-коммунист стал кавалером всех трех степеней высшего солдатского ордена.

Известно, что Абдулла Бильданов родился в 1911 году в селе Тартарское Урайкино Старомайнского района Ульяновской области... К сожалению, нам не удалось найти ни самого героя, ни его родных. А нам хотелось бы узнать его дальнейшую судьбу. Мы обращаемся к вам, земляки Абдуллы Бильданова, помогите нам в этом».

После войны Абдулла Бильданов вернулся на родину, в город Димитровград. Многие годы он добросовестно трудился в торговой сети, принимал активное участие в общественной работе. Часто его можно было видеть среди молодежи и школьников города, которые с большим вниманием слушали бывалого солдата про боевые дела советских воинов в годы Великой Отечественной войны.

А. Харитоновский

ТАРАННЫЙ УДАР

Уже не один час ходил я по залам Военно-Морского музея в Петропавловске-на-Камчатке. Мое внимание привлекла большая картина: объятый пламенем штурмовик Ил-2 пикирует на военный корабль с фашистской свастикой. Еще секунда — и крылатая машина врежется в цель...

За прозрачным фонарем штурмовика — профиль летчика: твердая линия подбородка, короткий прямой нос, напряженно сжатые губы.

«Вроде бы знакомое лицо», — подумал я.

Наверное, я хитрил перед самим собой. Я сразу узнал его, но боялся ошибиться, боялся разочароваться. Конечно же, это он, Каштанкин, мой командир.

Летом 1943 года в штурмовую авиацию Тихоокеанского флота прибыл взвод курсантов, отчисленных из Ейского военно-морского авиационного училища по болезни. В Закавказье, куда эвакуировалось училище, они заболели тяжелой формой малярии. Врачи решили лечить их переменой климата и отправили с крайнего юга на крайний восток.

Я встретился с ними в школе младших авиаспециалистов, куда временно, до отправки в летное училище, прикомандировали и меня.

Лето выдалось дождливое. Пятнистая от плесени палатка не успевала просыхать. Мы уже неделю находились в дивизии, а нами пока никто толком не заинтересовался. И вот однажды перед отбоем в палатку вошел кражистый светловолосый человек.

— Добрый день, товарищи, — сказал он.

Ответили не очень дружно.

«Да ведь это же новый командир полка Каштанкин!» — узнал я его и, вскочив, отрапортовал:

— Товарищ майор, взвод занимается самоподготовкой! — первое, что пришло мне в голову.

Майор улыбнулся, вскинул ладонь к козырьку и прошел по палатке. Остановился возле кровати Витьки Кара-Моско.

— Справитесь с машиной? — спросил Каштанкин. — С автомашиной то есть, — уточнил он.

Дружно прогудели:

— Конечно, справимся!

— Так и запишем, — сказал майор. — Окопайте палатку — меньше воды будет. Поднимайте ее края. И так каждое утро! — это уже звучало приказанием.

Дня через два после того как он посетил нас, из больных курсантов организовали автовзвод аэродромного обслуживания.

Когда майор Каштанкин сказал перед строем, что многие еще вернутся на боевые самолеты, все как-то распрямились, развернули плечи. Конечно, вид у нас был не очень бравый, но на этот раз мы стояли как солдаты.

Честно говоря, мы несколько преувеличили свою значимость и убедились в этом довольно скоро. Шоферов в дивизионной автороте хватало, могли обойтись и без нас. Видимо, майор взял «маляриков» к себе, чтобы как-то встряхнуть нас и побыстрее поставить на ноги.

Некоторых сразу направили на заготовку леса, в тайгу, к горам. Лагерь устроили на солнечном склоне, заросшем золотистыми кедрами. В ветреную погоду на палатку сыпался дождь плотных шишек. Запас орехов каждый возил под сиденьем, и это было хорошим подспорьем к небогатому пайку (по общему мнению, даже лекарством).

За лето и осень «малярики» изменились до неузнаваемости, окрепли и загорели. Они давно отказались от акрихина, которым их по привычке снабжала санчасть. А вечерами в землянке шоферов открывались занятия по устройству штурмовика...

На летном поле днем и ночью садились и заруливали, заправлялись и снова взлетали «илы». Часто поднимался в воздух и сам командир полка. Как-то зимой в полете на командирской машине отказало шасси. Колеса никак не выходили из люка. С земли тревожно следили за маневрами командира. Каштанкин кидал самолет, делал крутые виражи, но ничего не помогало. Тогда он передал, что идет на посадку.

Майор не сел с первого захода, прицеливался несколько раз, проходя бреющим над аэродромом. Но вот машина ниже, ниже... «Ил» зарылся в снежном облаке и остановился.

Все побежали. Самолет сел на фюзеляж, но остался цел. Цел был и майор. Он открыл фонарь, вылез и молча обошел самолет. И тогда взглянул на собравшихся:

— Так сажать разрешаю.

В один из зимних дней, вернувшись с дежурства, я застал в землянке необычное оживление. Оказалось, пришло предписание — бывших курсантов отправить в распоряжение штаба ВВС для продолжения учебы. Слова командира сбывались: мы возвращались на крылатые машины. А сам он вскоре получил новое назначение и уехал на фронт.

...22 мая 1944 года я сидел на «пускаче», спецмашине, предназначенной для провертывания винтов самолета. Рядом на бензозаправщике дежурил Кара-Моско. И он, и я пока еще ходили в шоферах. Мы только что обслужили эскадрилью и встали на площадку в ожидании следующего вызова. Виталий решил сходить за газетой.

Через минуту бежит обратно. В руках — газета.

— Читай! — кричит, а на самом лица нет...

Я прочитал: «...Самолет, еще послушный воле пилота, перешел в пике и врезался в фашистский сторожевик.

Взрыв, отправивший ко дну вражеский корабль, прогремел над морем, как салют героическим балтийцам, гвардии майору Каштанкину и разделившему с ним судьбу и славу воздушному стрелку гвардии младшему сержанту Кузнецову».

* * *

Вот что я вспомнил, когда стоял в музее перед картиной. А дома вытащил на свет потрепанный чемодан, который путешествует со мной со времени войны. Достал тоненький пакет. На стол выпали фотографии гвардии майора Виктора Николаевича Каштанкина. Он был вырезан из того самого памятного номера газеты.

Обо всем этом я вскоре написал очерк, опубликовал в книге. А месяца через два мне позвонили по телефону.

— Это ваша книга «Я рад, что ты живой»? — спросил взволнованный женский голос.

— Моя.

— Там есть очерк о майоре Каштанкине.

— Да, есть.

— Я его дочь...

Вечером мы встретились. Стройная, милая Наташа Каштанкина пришла вместе с мужем — военным врачом Валентином Капициным. Это он, будучи в плавании, увидел в кают-компании корабля мою книжку и натолкнулся в ней на очерк о Наташином отце.

На Камчатку они оба приехали совсем недавно. Наташа тоже врач, работает в гарнизонной поликлинике.

— А мама даже не знала, что папа служил на Дальнем Востоке.

— Мама? А где же она?

— Здесь, на Камчатке, с нами. Заходите к нам, пожалуйста.

И вот новая встреча. Вера Афанасьевна Каштанкина, моложавая женщина с очень спокойным и внимательным взглядом, приняла меня радушно. Она усадила с собой рядом внучку Леночку и стала рассказывать о муже. Она отдала мне пачку писем Виктора Николаевича, несколько газетных вырезок, показала документы. И вот что я узнал о своем командире.

30 ноября 1939 года начал свой боевой путь летчик Каштанкин. Он вылетел на бомбежку укреплений «ли-

нии Маннергейма» в Финляндии. А дальше по четыре-пять боевых вылетов в день. Его мужество и воинское мастерство высоко оценило командование: капитан Каштанкин награждается орденом Красного Знамени. В эти дни Вера Афанасьевна родила сына Владимира.

— Две награды сразу, — шутили товарищи Каштанкина.

22 июня 1941 года на рассвете командир эскадрильи капитан Каштанкин повел морской бомбардировщик МБР-2 в первый бой с фашистами. А назавтра снова. Оборона Ханко записана в истории войны как образец беззаветного мужества советских воинов.

Вчитываюсь в пожелтевшие газетные страницы:

«...Капитан тов. Каштанкин вел свою группу летчиков на выполнение боевого задания. Нужно было идти по следу вражеских бомбардировщиков и разбомбить их на месте посадки. Враг не предвидел такого маневра. Он попался врасплох. При посадке одних и при заправке горючим других было подожжено несколько вражеских машин, разгромлен фашистский аэродром».

Его считали мастером разведки. Сохранился рассказ, как он сфотографировал батареи противника, укрытые на каменистом финском берегу. Они не давали покоя нашим кораблям. Для отвлечения вражеских зениток туда вылетела демонстративная группа истребителей, завязал дуэль наш крейсер. В это-то время Каштанкин и вынырнул над позициями врага. Вокруг самолета запрыгали разрывы зенитных снарядов, но поздно: летчик успел засечь тяжелые батареи.

В начале сентября Каштанкин был ранен. После излечения его направляют осваивать новые самолеты — штурмовики Ил-2. Эти грозные машины фашисты называли «черной смертью». И вот Каштанкин снова бьется с врагом, но уже на Южном фронте.

«...Успешно использует свои самолеты-штурмовики часть, которой командует капитан Каштанкин, — писала 3 сентября 1942 года в передовой статье газета «Красный флот». — Только за один налет бомбами и пулеметно-пушечным огнем летчики этого подразделения уничтожили и повредили на земле несколько переправ, сожгли много танков, автомашин, истребили сотни гитлеровцев».

Так воевал коммунист Виктор Каштанкин на Черном море.

Товарищ Виктора Николаевича капитан Н. Крыхин вспоминает:

— Однажды перед группой штурмовиков возникла стена плотного огня. Маневрировать бесполезно. Тогда Каштанкин повел свою машину по прямой. Несколько попаданий в самолет! Заклинило руль поворота, одна сторона стабилизатора была полностью отбита, самолет стал почти неуправляем. К тому же осколком снаряда летчика ранило. Превозмогая страшную боль, Каштанкин довел машину до аэродрома.

И снова бои. И опять ранение, а после лечения — на фронт. Проездом удалось увидеться с женой. Она выходила на станцию, где проходил эшелон. Пять минут длилось их свидание.

В начале 1943 года В. Н. Каштанкина, уже майора, направляют на Тихоокеанский флот. И тут-то, в 12-й авиадивизии, и перекрещиваются воинские судьбы командира-фронтовика Каштанкина и взвода «маляриков». Бывало, я думал, что майор так близко принял к сердцу их беду потому, что сам когда-то учился в Ейском училище. Да нет, дело, конечно, в другом: коммунист, большой души человек, он иначе и не умел относиться к людям. Как и в бою, он всегда думал о других.

В начале марта 1944 года В. Н. Каштанкин воюет уже под Ленинградом. «Назначением я исключительно доволен. Снова настоящая боевая работа, причем в самых дорогих для меня местах», — пишет он другу.

23 марта 1944 года рано утром наши самолеты обнаружили в Финском заливе вражеские суда. Разгорелся бой. Вот уже 2 немецких судна водоизмещением по 2000 тонн каждое отправлены на дно. Группа штурмовиков, которой командовал майор Каштанкин, перенесла свои действия на фашистские военные корабли, ставившие мины. Бомбежка получилась удачная; накренился и скрылся в волнах сторожевик, следом затонул вспомогательный катер.

Каштанкин пошел в новую атаку. Противник вел ураганный зенитный огонь. Разрывы постепенно сгущались вокруг самолета. Вдруг «ил» Каштанкина подбросило, он воспламенился.

Враги ждали, что сейчас самолет завалится в штопор... Но Каштанкин сумел выровнять штурмовик и, точно рассчитав, направил его на корабль. Пылающий

самолет гигантской воздушной торпедой пикировал с высоты.

Взрыв потряс море. Фашистский сторожевик пошел ко дну.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 апреля 1944 года Виктору Николаевичу Каштанкину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Каштанкин не раз писал жене, что на войне не обходится без жертв. В одном из писем он добавил: «Не будет отца, останется сын. И он также отдаст всего себя для лучшей жизни своего народа». Эти отцовы слова твердо помнит выпускник Ленинградского высшего военно-морского училища имени Дзержинского Владимир Каштанкин.

Н. Кондратьев

«ПРОШУ СЧИТАТЬ КОММУНИСТОМ...»

Это было в августе 1944 года. Редактор газеты «За Отчизну» Анатолий Рыбин дал мне задание — написать очерк о герое форсирования реки Нарвы. В штабе полка я увидел комсорга, который писал донесение о комсомольцах, отличившихся в бою. Присев к столу, я прочел подчеркнутые красным карандашом строки:

«Особо отличился при форсировании реки Нарвы и в траншейном бою комсомолец Владимир Николаевич Деев, которого командование представляет к званию Героя Советского Союза».

Спросив, где найти Деева, я поспешил в указанную мне восьмую роту.

В землянке Владимир Деев что-то торопливо писал. Заметив меня, вскочил, сказал смущенно:

— Вот маме письмо пишу, товарищ капитан. Сегодня у нас праздник: такой большой город взяли. Хочу с родными радостью поделиться...

Владимир Деев был из тех людей, которые запоминаются с первого взгляда. Бронзовое от загара лицо, тонкий с горбинкой нос, строгие и в то же время привлекательные глаза.

Боевое крещение рядовой Владимир Деев получил под Красным Бором. Гитлеровцы занимали ключевые высоты. Советские воины сражались за каждую пядь родной земли.

Над черным, взрытым снарядами и бомбами передним краем, трепеща, вспыхнула алая ракета. Стремительно поднялась и ринулась ко вражеской траншее стрелковая рота. Темный, полуразбитый, казавшийся оставленным дзот неожиданно ожил. В его черной пасти лихорадочно забилась зловеющий оранжевый огонек...

По рву Владимир Деев достиг желанного «мертвого пространства» и метнул в дверь гранату. В то время не было у молодого солдата опыта, а может быть, и волнение помешало — только граната не попала в амбразуру, разорвалась на земле. Пулемет умолк на минуту и вновь застрочил. До солдата донеслись стоны раненых товарищей. В его сердце поднималась ярость. Но чем уничтожить пулемет? Гранат больше нет. Вырыл из земли булыжник, бросил в амбразуру. Камень высек искры. И сразу же Деев вспомнил о зажигательных бутылках, взятых на случай встречи с танками. Подполз ближе, привстал на колени и метнул одну за другой две бутылки в огненную глотку дзота. Высокая шапка дыма поднялась над огневой точкой...

В феврале 1944 года на плацдарме западнее города Нарвы рота закрепились на господствующей высоте «Три березы». Бойцы отбили шесть яростных атак неприятеля. На исходе были боеприпасы. Деев сполз с высоты к гитлеровским окопам и притащил трофейный пулемет. Им он отразил седьмую атаку. Недалеко от мелкого окопчика, где стоял пулемет, упала вражеская мина. Взрывная волна опрокинула Деева. Полузасыпанный землей, он потерял сознание.

Его подобрала санитары. Не разобравшись, положили на волокушу и потащили к братской могиле. От толчков солдат очнулся, простонал:

— Тише, черти! Растрясли, сил нет...

Бородатый санитар наклонился над раненым, сказал удивленно:

— Ишь ты! Ожил парень-то!.. Ну потерпи немного. Сейчас мы тебя на санки перекантуем и в медсанбат наладим. На живом все заживет.

Правду сказал бывалый солдат: победил Владимир Деев смерть...

Из госпиталя послал домой письмо:

«Мама, родная моя. Я был в бою и 12 февраля был ранен. Я жив, здоров и умирать не собираюсь. На днях получил правительственную награду — медаль «За отвагу»... Пиши мне почаще.

Целую. Твой сын *Володя*».

И снова в бой. Владимир Деев одним из первых переправился через широкую, вспененную разрывами снарядов и мин реку Нарву.

На широком зеленом поле непрерывно поднимались и опадали черные фонтаны земли, дымился синий лес, на темном бугре четко выделялись багровые вспышки вражеского пулемета. Видно, хорошо замаскировали фашисты огневую точку: уцелела, не попала под наши снаряды.

Деев понял, какая страшная опасность нависла над товарищами: вот сейчас они выскочат на открытый луг и попадут под кинжальный огонь пулемета. Надо подавить, уничтожить дзот. А поляна открытая, ровная: заметят и срежут на полпути.

Владимир осмотрелся, его взгляд остановился на канаве, заросшей высокой травой. Плотнo прижимаясь к вязкому дну ее, он прополз по канаве метров 300. Обрадовался, увидев распахнутую дверь дзота, и бросил в нее гранату «лимонку». Взрывная волна опрокинула солдата. Вражеский пулемет умолк. Деев устало выпрямился.

Продвигаясь вперед, Деев подполз к шоссе. Слева увидел столбы огня и дыма: горела Нарва. Но оттуда мчался окутанный облаками пыли немецкий грузовик. Деев хлестнул автоматной очередью по кабине. Машина резко метнулась вправо и опрокинулась в кювет. Показались новые машины. Под колеса головной Деев метнул гранату. Подоспели боевые друзья и перерезали шоссе Нарва — Таллин. На рубеж восьмой роты противник двинул четыре танка и батальон пехоты.

Глухо гудела, стонала земля под тяжелыми машинами. Они приминали кусты, стреляли на ходу. Их нужно остановить, не пустить к дороге, иначе они сомнут не успевших окопаться бойцов. Деев увидел ползущего к

танкам лейтенанта Чурюмова. В правой руке у него стянутые бинтами гранаты. Один — против четырех! Надо помочь. Владимир двинулся к головной машине. Пожалел, что осталась одна граната. Промахнется — раздавят!

Не промахнулся Владимир Деев! Взрыв остановил танк. Вторую вражескую машину подорвал связкой гранат лейтенант Чурюмов.

Уцелевшие два танка повернули назад и скрылись в роще...

Над полем боя покатилося могучее «ура». Наши бойцы залповым огнем расстреливали потерявших броневой щит фашистов...

О подвиге героя рассказала листовка, выпущенная политотделом армии: «Бейте фашистов, как бьет их комсомолец Владимир Деев!» Она заканчивалась призывом:

«...Равнение на героя! Так же любить нашу Родину, как любит ее Деев. Так же ненавидеть врагов, как ненавидит их Деев. Свято выполнять присягу! Так же, как Деев, истреблять проклятых фашистов, очищать от них родную землю!»

Осенью 1944 года наши части с боями пересекли Эстонию и достигли острова Саарема. Перед нами лежала узкая полоса — полуостров Сырве. Стояла задача — закончить освобождение Советской Эстонии. Для этого нужно было пройти в непрерывных боях тридцатикилометровую полосу минных полей, траншей, противотанковых рвов, колючей проволоки.

Наступавшие не имели возможности маневрировать: мешало море. Героическая попытка соседей — высадить десант в тылу противника — окончилась неудачей. Приходилось лобовыми атаками отбивать каждый хуторок.

В память врезался скоротечный бой за деревушку Инду. Сперва отстрелялись гвардейские «катюши», затем передний край перепахали мины и снаряды. Еще висело над полем тяжелое темное облако пыли и дыма, а в серое небо уже врезалась ракета — сигнал к атаке.

Бойцам, измученным непрерывными боями, тяжело было подниматься с земли и врываться в полосу огня, минных полей. Первым поднялся и ринулся вперед неистовый, прекрасный в своем благороднейшем порыве рядовой Владимир Деев! Он снова возглавил атаку.

В. Деев.

Гитлеровские пулеметчики поздно заметили Деева. Солдат сильно размахнулся и кинул гранату. На дно окопа сползли вражеские пулеметчики. Спасены от смерти друзья-побратимы. Рядом с Деевым упала вражеская мина и опрокинула солдата. Он порывисто поднялся, выпрямился в полный рост и рухнул на землю.

Санитары вынесли Деева из полосы огня. Я увидел его по дороге в медсанбат. Он узнал меня и рвущимся от боли голосом спросил:

— Товарищ капитан... Возьмите в кармане документы. Напишите маме так: умер сразу на поле боя... Маме будет легче...

— Через месяц ты сам напишешь письмо маме, Володя...

Он хотел еще что-то сказать, губы его шевелились, дрожали, но я ничего не услышал. Из кармана гимнастерки достал документы его, прошитые осколками, окрапленные кровью, — заявление в партию, три рекомендации и комсомольский билет. Накануне атаки он написал эти строки:

«Прошу принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Все, что есть у меня в жизни светлого и дорогого, я получил от партии большевиков. Партия учила меня любить Родину и ненавидеть ее врагов. Во имя великой любви к матери-Отчизне и смертельной ненависти к ее врагам я иду на бой. Прошу считать меня коммунистом...»

«Напишите маме», — просил он. Тяжело, трудно общаться матери о гибели сына. Я написал Глафире Николаевне большое письмо, приложил к нему вырезку из га-

зеты — очерк о сыне. Мать вскоре ответила мне. С тех пор мы непрерывно переписывались с ней.

Из писем я узнал, как рос юноша из Ульяновска. Школа, пионерский отряд, завод, комсомол. Когда в жизнь Володи вторглась война, он сразу же пошел в военкомат. Там ему сказали:

— Придет время, призовем.

Летом 1942 года в семью Деевых пришла тяжелая весть: в Севастополе пал смертью храбрых старший сын Аркадий. Тогда Владимир сказал матери:

— Я должен заменить Аркадия. Собери в дорогу что полагается.

...Владимир Деев не дожил до нашей великой победы. Звание Героя Советского Союза ему присвоено посмертно 24 марта 1944 года. Родина помнит своего верного сына. Одна из улиц Ульяновска названа именем Владимира Деева, ему воздвигнут памятник.

На Саареме в древнем эстонском городе Кингисеппе есть улица, огибающая старинный крепостной парк. На голубых дощечках, прикрепленных к домам, написано «Улица Деева». В центре ее, под столетними елями и кленами, над могилой героя Владимира Николаевича Деева, возвышается мраморный обелиск-памятник ратной славы.

Однажды я побывал в детском доме имени Владимира Деева в Кингисеппе. Здесь я увидел знакомый портрет фронтового друга и под ним строки: «Будем любить Родину, как Владимир Деев...».

Я рассказал детям, что знал о Дееве. Они слушали внимательно, и в глазах их светились огоньки восхищения и благодарности герою.

А. Ермолаев

БОЙ ПОД ШАУЛЯЕМ

Наступила весна. Прошел теплый дождь. Почки на деревьях набухли, и из-под бурой оболочки их уже проступали зеленые язычки будущих листочков. Над городскими садами с громким криком суетились грачи, поправляя старые и строя новые гнезда.

На Южной улице Ульяновска, около школы, собрались восьмиклассники. Они только что вернулись с экскурсии — побывали в Доме-музее В. И. Ленина. Расходиться по домам не хотелось. Как-то сам собой возник разговор о будущем, о том, кем быть, какую дорогу выбрать в жизни. Нелегкая эта задача — выбрать из многих интересных, увлекательных дел такое, которое было бы для тебя самым интересным...

— Хорошо стать геологом! Лазить по самым неизведанным уголам, открывать нефть, металлы, алмазы.

— Ну а летчиком. Таким вот как Чкалов, Громов?

— А я — на Волгу, на пароход, радистом или даже просто матросом. Люблю речные просторы...

— А строителем разве плохо? Построить такие дома, чтоб люди смотрели и любовались. Вот здорово...

Старый учитель, сидевший подле, внимательно слушал речи своих воспитанников. Потом сказал:

— Каждый труд хорош, если он на пользу обществу. Но если вы мечтаете о том, чтобы работа была для вас интересной и увлекательной, то нужно выбрать такую профессию, которая пришлась бы по сердцу, найти свое настоящее призвание. Смотрите, как жил и работал Ильич. Всю жизнь он упорно трудился не покладая рук. Он учил не пренебрегать никакой, даже, казалось бы, самой будничной работой.

И если вы будете работать, отдавать делу все свои силы и знание, то, где бы вы ни находились, какую бы работу ни выполняли, вы всегда заслужите уважение народа. Запомните это, друзья!

Слова старого учителя крепко запали в душу Александра Пильникова, худощавого черноволосого юноши...

А через два месяца вспыхнула война. Впоследствии Пильников вспоминал об этих днях:

«Мы, восьмиклассники, видели, как уходили на фронт наши отцы и братья, а на их место вставали матери, сестры, подростки, как вся страна становилась боевым лагерем. Среди нас уже не было разговоров о том, какая работа интересней: было ясно — наиболее важной для страны в те дни стала профессия солдата».

В июле Александр Пильников простился со школой и ушел добровольцем в армию. Его направили во 2-е Ульяновское танковое училище. В 1943 году он уже вел танковый взвод по полям и дорогам Смоленщины на запад.

«Врага бьют не числом, а умением» — Пильникову хорошо запомнились эти суворовские слова.

В одном из боев на Рижском направлении летом 1944 года его взвод поддерживал действия стрелкового батальона, наступавшего на высоту 76,8. Сильный пулеметный огонь с высоты прижал нашу пехоту к земле. Произошла заминка.

Танки Пильникова пошли вперед. Ведя огонь с ходу, они ворвались на высоту и принялись утюжить вражеские позиции. Шесть фашистских пулеметов раздавлено. Высота взята!

Но гитлеровцы начали артиллерийский обстрел. Один танк им удалось подбить. Пильников отвел оставшиеся две машины в укрытие и стал наблюдать за полем боя.

Впереди на расстоянии 800—900 метров из-за кустарника выкатились два противотанковых орудия, а немного подальше, на опушке леса, показались три «тигра» и около батальона пехоты. Гитлеровцы готовились к контратаке, чтобы вернуть высоту.

Пильников быстро нанес появившиеся цели на карту и сообщил по радио их координаты нашим артиллеристам. Через несколько минут просвистели снаряды и разорвались на опушке леса. Пехота залегла. Но орудия оставались невредимыми.

«Нужно точнее дать их координаты, — решает Пильников и продолжает наблюдение. — Ага, они недалеко от кургана, южнее на 150 метров».

Передано новое, более точное целеуказание. Сосредоточенный огонь артиллерийского дивизиона накрыл вражеские орудия. Над полем боя появились наши самолеты. Они нанесли бомбовый удар по фашистской пехоте и «тиграм».

После того боя Пильников назначается командиром роты. Молодой командир умело руководил боевыми действиями. Его рота нанесла врагу немалый урон.

Передо мной вырезка из фронтовой газеты, рассказывающая о боевых делах танкистов:

«Эх и дали мы сегодня немцу жару, долго будет помнить, — говорили воины роты лейтенанта Александра Пильникова после одного из боев. В этот день рота подбила и сожгла восемь вражеских танков.

А недавно, в последних схватках, танкисты Пильникова вновь показали себя. Они подбили 2 «тигра», уничто-

жили 4 пушки, 20 пулеметов с их расчетами и истребили до роты гитлеровцев».

В те дни советские войска, развивая наступление в Прибалтике, прижимали фашистов все ближе к морю. Гитлеровцы понимали, что их прибалтийская группировка может быть отрезана от Восточной Пруссии. Поэтому они пытались разорвать железные тиски. Их яростные контратаки не прекращались ни днем, ни ночью.

Часть, в которой служил лейтенант Пильников, действовала северо-западнее литовского города Шауляй. Вечером 21 августа 1944 года Пильников получил приказ явиться в штаб.

За столом над раскрытой картой склонился начальник штаба, рядом с ним капитан с артиллерийскими эмблемами на погонах.

— Командир роты лейтенант Пильников прибыл.

Начальник штаба подозвал его к карте.

— Обстановка такова: по данным разведки, противник на участке нашей бригады концентрирует танки и пехоту. Вероятно, намерен контратаковать нас и прорвать линию фронта где-то в этом районе, — карандаш начальника штаба описал на карте круг. Вам вместе с противотанковой батареей капитана Кирмановича встать в засаду и перекрыть шоссе вот здесь. — Начальник штаба показал на перекресток дорог. — Вы должны отстоять эту дорогу и не пропустить по ней врага.

Уточнив по карте район засады и свою задачу, Пильников возвратился в роту.

Под покровом ночи танкисты с батареецами двинулись в заданный район. Пильников, находясь в головной машине, вел колонну. Дорога шла лесом. Из низин тянуло сыростью: чувствовалась близость болот. Потом немного посветлело: вышли на открытое место. Во мгле промелькнули силуэты телефонных столбов.

— Стой! — Пильников вглядывался в темноту. — Вот он, перекресток...

Здесь, на опушке леса, справа от шоссе командир роты расположил свои четыре танка. По другую сторону дороги заняли позиции противотанковые орудия.

Начался рассвет. Вскоре послышался нарастающий гул моторов: вдоль дороги шла вражеская колонна.

Впереди показался танк. Он медленно выполз из-за высотки и, остановившись, стал обшаривать перископом опушку. Но надежно замаскированные советские ору-

дия и танки ничем не выдали себя. Не обнаружив ничего подозрительного, головной немецкий танк подал остальным сигнал продолжать движение.

В это время наблюдатель доложил командиру роты:

— Тридцать шесть танков и самоходок! За ними — бронетранспортеры с пехотой!

«Тридцать шесть танков против четырех и одной батареи!.. Ну что же, будем стоять!» — думал лейтенант, разглядывая в бинокль поле предстоящего боя.

— Подпустить немцев на возможно близкое расстояние. Огонь открывать только по моей команде, — приказал он.

Через несколько минут уже хорошо были видны вражеские машины. Поднимая пыль, по обочине дороги двигались «тигры» и тяжелые самоходные орудия. Следом за ними — средние танки. Колонна шла прямо на засаду.

Вот до нее уже меньше километра... Семьсот метров... Пятьсот...

— Огонь!

И опушка леса внезапно наполнилась грохотом выстрелов. Залпом ударили противотанковые пушки, эхом отозвались орудия «тридцатьчетверок».

Пильников помнит, что он делал выстрел почти каждую минуту. Заряжающий едва успевал подавать снаряды.

Лошину между холмами и лесной опушкой заволочло дымом. Наступающая колонна, развернувшись по полю, обрушила на засаду шквал ответного огня. Несколько «тигров» уже дымилось, но бой продолжался с нарастающей силой. Враг напрягал все усилия, чтобы прорваться вперед по шоссе.

Снаряд «фердинанда» угодил в машину Логинова. Танк загорелся, но из него еще продолжали вести огонь...

— Сокол-три, Сокол-три! — кричал в микрофон Пильников. — Логинов, жив ли ты, слышишь меня?

Ответа не было. А пламя из горевшего танка все сильнее вырывалось наружу. Он уже не стрелял...

Обращаясь к остальным экипажам, Пильников гневно крикнул:

— Отомстим за Логинова и его экипаж! Огонь! — И он снова и снова нажимает на спуск.

Но вот тяжелый снаряд хлестнул по башне командирского танка. Пильников сделал еще два выстрела, а потом почувствовал острую боль в бедре. Силы оставили

его. Тут он увидел, что к нему уже подбирался огонь. Загорелась одежда. Нестерпимо жгло лицо, руки... Далее он уже ничего не чувствовал.

Механик-водитель и заряжающий с трудом вытащили своего командира из горящего танка.

А бой продолжался. Два уцелевших танка и батарея вели по противнику губительный огонь... И гитлеровцы не выдержали. Оставив на поле боя половину машин (10 подбили танкисты и 8 — батареицы), они стали отходить. Враг не прошел!..

Войска фронта готовились к решающему наступлению. Накануне боя начальник политотдела 202-й Сивашской танковой бригады вручал партбилеты молодым коммунистам. Среди них был и лейтенант Пильников, оправившийся после ранения и ожогов. Вспоминая об этом, он писал:

«Вручая партбилет, начальник политотдела сказал мне: «Вы образцово выполнили боевое задание. Действуйте так и впредь. Звание коммуниста обязывает». И у меня перед глазами сразу встал облик моего боевого товарища коммуниста Семена Логинова, который вел огонь из горящего танка, пока не погиб. Этот пример я никогда не забуду...

В эту минуту я почувствовал, что в моей жизни осуществилось то большое и значительное, о чем нам говорил наш школьный учитель, о чем мы размышляли после посещения ленинского домика.

Вот он, путь в жизнь, путь служения Родине и народу.

И, когда на другой день я получил от командования ответственную задачу идти на рейд в тыл врага, я с гордостью отправился на это задание и выполнил его с честью».

* * *

После окончания войны Герой Советского Союза Александр Пильников был направлен на учебу в Высшую офицерскую бронетанковую школу, а в 1955 году он окончил Академию бронетанковых войск.

И сейчас, спустя годы, генерал Пильников, когда ему приходится выступать перед молодыми воинами и рассказывать им о бое под Шауляем, обычно обращает внимание своих слушателей на то, что победа в этом бою была добыта не только благодаря мужеству и храбрости наших танкистов, но еще и потому, что расчеты экипажей

обладали отличной боевой выучкой, были мастерами своего дела. Они хорошо знали, как дорога в огневом поединке каждая выигранная секунда.

В. Лебедев

ПОДВИГ НА СВИРИ

В глуши свирских лесов, под раскидистыми деревьями, неумолчно стучали топоры — это воины Карельского фронта готовили своеобразную флотилию. Их умелые руки быстро и ловко мастерили плоскодонные лодки с ручками для переноски, специальные плоты. С каждым днем плоскодонок становилось все больше и больше. Их можно было считать уже сотнями. Однако топоры все продолжали свой ритмичный перестук.

Окидывая взором эту необычную флотилию, укрывшуюся под кронами сосен, гвардии рядовой Иван Мытарев, прибывший сюда, как и его земляки Аркадий Барышев, Владимир Маркелов, Михаил Тихонов, с берегов Средней Волги, догадывался, что предстоит большое дело. Правда, комсомолец Мытарев еще не знал, какую роль придется ему играть в этом деле. Но он хорошо понимал: пришло время нанести сокрушительный удар по врагу. Шел июнь 1944 года.

Вражеский берег казался пустым: лес да кустарник вперемежку с болотами. Но наши воины знали, что за этими кустами и деревьями притаились вражеские пулеметы и минометы, пушки и самоходки... 1005 дней совершенствовал враг оборону: весь берег был изрезан траншеями, ходами сообщений; всюду — стальные колпаки, дзоты, бесчисленные ряды колючей проволоки.

Эту глубоко эшелонированную оборону предстояло взломать, сокрушить. В приказе Ставки говорилось, что здесь, на Севере, должен быть нанесен сокрушительный удар по врагу.

...Перед десантниками стоял комбат гвардии капитан Матохин. Обращаясь к бойцам, он сказал:

— Товарищи, нужна группа смельчаков, которая могла бы переправиться на противоположный берег Свири, принять на себя удар врага, чтобы выявить его огневые точки...

Первым вышел вперед восемнадцатилетний юноша, один из воспитанников Мелекесской (ныне Димитровградской) средней школы Аркадий Барышев. К нему присоединились старший сержант Немчиков, Иван Мытарев из Репьевки-Колхозной Майнского района, Владимир Маркелов из деревни Подбельск Мелекесского района, Михаил Тихонов из деревни Коржевки Инзенского района... Добровольцев насчитывалось уже десятки. И каждый из них просил именно ему доверить это опасное задание. А выбрать надо только 12...

— Предупреждаю, что дело это трудное и рискованное, — говорил командир, беседуя поочередно с каждым из смельчаков. — Нужно уметь хорошо плавать. Учтите, что плыть придется под сильным огнем противника... Подумайте хорошенько.

Выбор дал на самых выносливых, физически закаленных. Все они — воспитанники Ленинского комсомола.

До войны эти парни не знали друг друга. Аркадий Барышев, Владимир Маркелов, Иван Мытарев и Михаил Тихонов жили в Ульяновской, а Петр Павлов, Виктор Малышев и Михаил Попов — в Куйбышевской области. В одном из пензенских сел учился на тракториста Иван Зажигин. На Украине проводил свои последние каникулы Иван Паньков, в Казахстане — Серкказы Бекбосунов. В разных школах Ленинграда учились Владимир Немчиков и Борис Юносов.

Это были люди не только разных профессий, но и разных национальностей. Кроме русских тут были и украинцы, и казахи, и мордва... И объединяла их всех молодость, комсомол, любовь к своей Родине.

Ночью ходами сообщения, пересекавшими все Лодейное Поле, группа смельчаков пробралась к переднему краю. Здесь каждый квадратный метр был пристрелян неприятелем. На другом берегу почти к самой воде спускался густой лес, скрывавший в глубоких окопах и дотах противника.

Иван Мытарев, Аркадий Барышев, Владимир Маркелов, Михаил Тихонов и другие с волнением устремили свои взоры на тот берег, где в ночной тишине притаился враг.

Показывая на противоположный берег реки, командир роты старший лейтенант Старопольцев сказал:

— Чтобы форсировать Свирь, требуется уничтожить огневые точки противника. А они будут молчать до последней минуты...

— Надо заставить их заговорить! — с сердцем бросил кто-то.

— Правильно! — подтвердил командир. — Вот вы и должны решить эту задачу. За полчаса до начала общего наступления вы спуститесь в разных местах в воду и поплывете к другому берегу. Когда враги заметят вас, они не выдержат и откроют огонь. Таким образом, вы заставите противника раскритиковать свои огневые точки. Тогда в дело вступит наша артиллерия. Она подавит огневые средства противника и облегчит переправу наших войск. Понятно?

— Все ясно, товарищ командир! — ответили гвардейцы.

— А для того чтобы противник всполошился не на шутку, — сказал в заключение командир роты, — и пустил в ход все свои огневые средства, вам будут помогать в этом плоты с чучелами...

До начала операции времени оставалось немного. В эти напряженные минуты ожидания по предложению комсорга роты Владимира Немчикова воины-комсомольцы написали письмо однополчанам, которое было напечатано в фронтовой газете «Во славу Родины» в день начала форсирования Свири. История сохранила нам этот яркий, патристический документ.

«Нам доверена почетная задача: первыми форсировать реку, — писали гвардейцы. — Мы клянемся, что поставленную задачу выполним с честью, хотя бы нам пришлось для этого пожертвовать своей жизнью.

Мы призываем всех воинов, всех комсомольцев быть смелыми в бою, отдать все силы, а если потребуется, и жизнь для победы над врагом!...».

У небольшого костра, укрытого от взора противника, тесным кольцом сидели Мытарев, Маркелов, Попов, Бекбосунов... Одни обсуждали предстоящий бой, другие писали письма родным и любимым девушкам, вспоминали родные места...

Аркадий Барышев, самый младший из 12-ти, прислонившись к дереву, вспоминал небольшой домик в Мелекессе, среднюю школу, где он проучился 8 лет. Когда

началась война, он вынужден был оставить школу и пойти работать. А вскоре поезд увозил его в одно из военных училищ. Навстречу неслись пассажирские и товарные составы. В одних ехали солдаты в серых шинелях, другие везли на фронт пушки, танки, продовольствие...

В памяти вставали лица родных, товарищей по работе. Провожая Аркадия в армию, они наказывали ему быть стойким и храбрым солдатом. Барышев заверил тогда земляков, что он сумеет постоять за любимую Родину, не запятнает комсомольскую честь...

И вот сейчас Аркадий снова вспомнил наказ земляков. Ему казалось, что он отвечает за выполнение боевого задания не только перед фронтовыми товарищами, но и перед рабочим коллективом, пославшим его на фронт.

— Ну, друзья, пора идти, — сказал старший группы Владимир Немчиков. Все встали, посмотрели друг другу в лицо и крепко обнялись.

— Ну, держись, ребята, — напутствовал смельчаков командир. Говорил он спокойно, твердо. Но в этом обычном для него тоне прорывались взволнованные нотки, и они придавали его речи задушевность, отцовскую заботу. — Помните, мы на вас надеемся. Успех будет зависеть от того, как вы будете действовать.

— Не сомневайтесь, товарищ командир, — раздались твердые голоса.

Еще раз проверив, все ли в порядке, десантники вошли в холодные воды Свири, и сразу же от берега один за другим отошло несколько плотов с установленными на них чучелами, которые на расстоянии действительно сильно смахивали на человеческие фигуры.

Взвилась ракета. Шквальный огонь нашей артиллерии обрушился на противоположный берег Свири. Это началась обработка переднего края вражеской обороны.

Над рекой стлался дым от снарядных разрывов. И плоты были пока не видны противнику. Направляемые и подталкиваемые гвардейцами, они вскоре вышли на середину реки. Через некоторое время дым развеялся. Фашисты, заметив плоты с бойцами, всполошились.

И, хотя еще была наша артиллерия, через минуту противоположный берег озарило огнем. Как и предполагал командир дивизии полковник Блажевич, враг поверил, что началось форсирование Свири главными силами, и обрушил огонь на советских воинов. Ожили все уцелевшие и до сих пор молчавшие огневые точки противника.

Над головами десантников свистели пули, с воем проносились снаряды и мины. Врезаясь в воду у самых плотов, они вздымали к небу водяные столбы...

Основное задание было выполнено: 12 советских смельчаков заставили противника раскрыть огневые точки, притаившиеся в лесной глуши.

«Ложный перенос огня в глубину и ложный десант на воде, — вспоминает генерал-лейтенант Лисов, — ...оправдали наши расчеты: разведчики, артиллерийские наблюдатели и корректировщики успели засечь действующие огневые точки и батареи противника... Мощный огневой вал стал возвращаться из глубины обороны к переднему краю, уничтожая все на своем пути. Враг в панике замесался по траншеям, но было уже поздно...».

С нашего берега открыли огонь по обнаружившим себя огневым средствам белофиннов десятки пулеметов. Усилили прицельный огонь и артиллеристы, они били по огневым гнездам врага прямой наводкой.

А когда наша «флотилия» стала приближаться к вражескому берегу, усилили огонь и фашисты...

— Давай налегай! — подбодрял товарищей Иван Мытарев.

В ту же минуту вражеская пуля пробила поплавок, который его поддерживал на воде.

— Держись, Иван! — крикнул ему Бекбосунов и вместе с Поповым поспешил на помощь товарищу.

Поддерживая Мытарева, они вместе продолжали плыть к берегу.

В тяжелом положении оказался и Владимир Немчиков. Когда он стал приближаться к берегу, вражеским снарядом развалило его плот. Владимир успел зацепиться за небольшое бревнышко, но оно не могло его удержать.

Набухшая одежда связывала движения, тянула ко дну. Выбываясь из последних сил, Немчиков старался удержаться на воде. Но силы его покидали — он уже не раз уходил под воду, но тут же всплывал наверх. В эти секунды к нему подоспели десантники и помогли добраться до берега.

Воины почувствовали новый прилив сил, когда увидели первые лодки и машины-амфибии с десантом — началась переправа наших войск. Буквально через считанные минуты река была усеяна плотами и лодками-плоскодонками. Они стремительно неслись к финскому берегу.

А когда до берега оставалось несколько десятков метров, наша артиллерия перенесла огонь в глубь обороны противника.

Прошло еще несколько напряженных минут, и группа храбрецов с автоматами в руках бежала уже по берегу. Комсорг Владимир Немчиков вместе с волжанами Аркадием Барышевым, Иваном Мытаревым, Владимиром Маркеловым и Виктором Малышевым с криком «За Родину!» устремились к вражеским окопам. Несколько правее их к проволочным заграждениям подползли Серкказы Бекбосунов, Михаил Тихонов и другие. Преодолев несколько рядов колючей проволоки, наши воины ворвались в первую траншею, на дне которой валялись пустые гильзы и убитые солдаты. Траншея оказалась заминированной. Произошла заминка.

И тут десантники увидели бегущего к ним комбата Матохина вместе с группой бойцов.

— Саперы, вперед! — крикнул Матохин.

Александр Абросимов и Владимир Щербинин молча бросились к опасной зоне. Быстро обезвредили ее от остальных мин.

И снова раздался сильный голос Матохина.

— За мной, вперед!

Гвардейцы с криком «ура» бросились вперед. Их удар был настолько стремителен и дерзок, что противник дрогнул, побежал, оставляя в окопах и траншеях снаряжение, убитых и раненых.

Через некоторое время, собрав силы, враг перешел в контратаку, пытаясь окружить прорвавшихся. Однако десантники стойко отбивали одну за другой вражеские контратаки, прочно удерживая захваченный плацдарм. Боеприпасы были уже на исходе, а противник продолжал насаждать. К исходу пятого дня бойцы подразделения капитана Матохина, а вместе с ними и 12 героев-комсомольцев сами перешли в контратаку.

В полдень 21 июня в районе Лодейного Поля прорыв достиг 20 километров по фронту и около 10 километров в глубину.

В тот памятный день Свирь была форсирована нашими войсками на всем протяжении от Онежского озера до Ладожского. Это было началом освобождения Карелии от фашистских захватчиков.

Правительство высоко оценило подвиг 12 отважных сынов Ленинского комсомола. 21 июня 1944 года всем им

было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

По-разному сложилась судьба героев после войны. Все они благополучно вернулись домой. Одного из них, Аркадия Барышева, к сожалению, уже нет в живых. Умер он в 1956 году, похоронен в городе Димитровграде. Его именем названа одна из улиц этого города.

Иван Петрович Мытарев и Борис Николаевич Юносов живут и работают в Димитровграде. Б. Н. Юносов — на автоагрегатном заводе. Комсомольцы часто приглашают его на свои собрания, выступает он и перед молодежью завода.

Всегда среди людей и Мытарев. Он работает в грузовом автохозяйстве. Беспокойная это должность. Ежедневно идут к нему люди: одни с просьбами, другие с жалобами. И каждого из них он старается внимательно выслушать, по возможности помочь. Этому он учит и своих дочерей. Старшая, Галина, окончила плановый техникум, младшая, Зоя, — машиностроительный техникум. Работают они обе в коммунальном хозяйстве. Но особая гордость Ивана Петровича — сын Владимир, офицер Советской Армии.

А что известно о других героях Свири? Владимир Маркелов и Виктор Малышев связали свою судьбу с Советской Армией. Иван Паньков — обозреватель Центрального радио и телевидения. Серкказы Бекбосунов работает в Казахстане. Иван Зажигин на Урале, пенсионер. Петр Павлов тоже на пенсии, живет в Севастополе.

Летом 1974 года они встретились со своими друзьями-однополчанами гвардейского ордена Кутузова III степени Свирского полка в Лодейном Поле на торжестве по случаю 30-летия подвига на Свири. Это была их уже третья встреча.

На месте, где находился наблюдательный пункт и откуда утром 21 июня 1944 года разведчик полка Александр Солнышкин выпустил в небо зеленую ракету, возвестившую о начале атаки, установлен обелиск с надписью: «Отсюда двенадцать героев-комсомольцев, солдат 300-го гвардейского полка, под огнем врага начали переправу через Свирь». Здесь же, на этом памятном месте, лодейнопольцы заложили парк Свирской победы. И вот уже шумят нежно-зеленой листвой белоствольные бере-

зы, высоко подняв свои кроны над рекой. В память о встрече герои Свири посадили в парке аллею молодых елей. Ее назвали аллеей Героев Свири. Здесь же создан музей, материалы и документы которого рассказывают об отваге, мужестве и героизме воинов-свирцев, о подвиге 12 Героев Советского Союза, которые выстояли и победили.

30-летие Победы над немецко-фашистской Германией и 31-ю годовщину подвига на Свири однополчане отметили на родине Ленина. Они приехали сюда из разных городов и сел страны. Ульяновцы тепло встретили дорогих гостей. В Большом зале Ленинского мемориала состоялся торжественный вечер. Среди его участников были: Герои Советского Союза И. П. Мытарев, В. А. Маркелов, В. А. Малышев, И. К. Паньков, их бывшие командиры — генерал-лейтенант И. И. Лисов, генерал-майор А. А. Евдан и многие другие участники Свирской битвы, представители трудящихся города Лодейное Поле, молодые солдаты-ульяновцы, рабочие предприятий, учащиеся, представители партийных, комсомольских, советских и общественных организаций Ульяновска.

В часы этой незабываемой встречи в зале Ленинского мемориала царило приподнятое, радостное настроение. И это естественно: здесь встретились люди, чье братство и дружба испытаны и скреплены ратным трудом, великой любовью к Родине.

С любовью и уважением относятся ульяновцы к ветеранам 300-го гвардейского полка. Одну из улиц своего города они называли Свирской. В 31-й средней школе создан музей, посвященный славным героям. Ежегодно, в канун Дня Победы, здесь собираются свирцы-ульяновцы. Ведь 300-й гвардейский полк был укомплектован волжанами: ульяновцами, куйбышевцами, сталинградцами. Многие свирцы и сейчас живут и трудятся на предприятиях, в совхозах и колхозах Ульяновской области, принимают активное участие в общественной работе, помогают партийным организациям воспитывать нашу молодежь в духе преданности идеям коммунизма, беспредельной любви к Родине и ненависти к ее врагам.

*Сквозь все бои мы пронесли отвагу...
И майским утром с нашей стороны
Последний выстрел грянул по рейхстагу,
Поставив точку в летопись войны.
«Мир и Россия» — на стене рейхстага
Горячей гильзой высек фронтовик.
И лоскутом низвергнутого флага
Он вытер закаленный в битвах штык.*

Вас. Степанов

ВЕСНА ПОБЕДЫ

П. Слесарев

ОН ЛЮБИЛ НЕБО

Командир звена 128-го авиаполка пикирующих бомбардировщиков Михаил Мизинов возвращался на свой аэродром после выполнения боевого задания по бомбардировке воздушного десанта, выброшенного немцами в районе севернее Смоленска.

Стрелок-бомбардир и стрелок-радист зорко осматривали безоблачное небо и уплывающую под самолетом местность.

— Истребители! — внезапно крикнул стрелок-радист и показал рукой влево от курса.

«Мессеров» было две пары, они шли на разных эшелонах наперерез бомбардировщику. Идти прежним курсом — значит стать мишенью для врага. Повернуть назад — тоже плохо: «мессершмитты» смогут атаковать с хвоста.

И Мизинов принял смелое решение. Круто развернув самолет, он повел его навстречу немецким истребителям. Это позволило вести по ним огонь из всех видов оружия. Расстояние между «мессами» и самолетом Мизинова быстро сокращалось.

«Пора», — решил летчик и, поймав в перекрестке прицела ведущего «мессера», нажал на спуск. В тот же миг открыл огонь стрелок-радист. Немецкий истребитель задымил и, теряя высоту, отвалил в сторону. Вторая пара «мессов» проскочила ниже бомбардировщика. Мизинов понял, что ведут их опытные асы, знающие, как надо уходить из зоны обстрела бомбардировщиков.

Но немецкие самолеты не собирались выходить из боя. К паре пристроился третий. Набрав высоту, вражеские истребители стали поочередно пикировать на самолет Мизинова. На крыльях его машины появились пробоины. При повторном заходе «мессов» экипажу нашего

бомбардировщика удалось подбить еще один самолет, и он камнем полетел к земле.

«Уже легче, — подумал Михаил, глядя на оставшуюся пару истребителей. — Теперь бы только дотянуть до своих». До линии фронта оставалось не больше десяти минут полета. Но тут Мизинов увидел, что его стрелок-радист беспомощно повис на пулемете. В тот же миг он заметил, что левый мотор лижут языки пламени, и сразу принял решение: «Надо немедленно погасить огонь».

Он резко перевел машину в пикирование, а когда снова вывел ее на горизонтальный курс, пламя, кажется, еще сильнее охватило мотор. Тогда летчик, сцепив зубы, нажал на рычаги. Бомбардировщик стал падать к земле, кренясь на правое крыло. Теперь языки пламени относило от крыла в сторону. А вскоре от мотора отрывались уже не клочки пламени, а лишь белые струйки дыма...

Наконец-то линия фронта осталась позади. Неподалеку от железнодорожной станции летчик, выбрав поудобнее площадку, повел самолет на снижение. Но, когда стал выпускать шасси, обнаружил, что одно колесо заклинило и не поддается управлению.

Мизинов снова стал набирать высоту. В это время в баках самолета кончилось горючее. Тогда летчик принимает единственно возможное решение: с первого же захода он мастерски посадил машину на одно колесо.

Мизинов облегченно вздохнул. Задание выполнено. Боевая машина сохранена для новых полетов. Спасен и раненый стрелок-радист.

Мы рассказали лишь об одном боевом эпизоде. А сколько их было в фронтовой жизни Мизинава! Об этом свидетельствуют хотя бы лаконичные записи из журнала боевых действий части:

«5 марта 1942 года самолет Мизинава в составе четырех машин бомбардировал защищенный истребителями аэродром противника. По наблюдениям экипажа, повреждено и уничтожено 20 немецких самолетов».

Спустя сутки — новый подвиг.

«Группа из четырех самолетов, ведомая Мизиновым, атаковала аэродром врага. Уничтожено 10 самолетов. В воздушном бою стрелками-радистами сбито два фашистских истребителя».

А вот запись от 16 марта:

«...В составе 6 самолетов ведомый Мизинов бомбардировал аэродром врага, где уничтожено 20 самолетов».

И, как всегда, такие емкие, лаконичные записи заканчиваются словами: «Результаты бомбежки подтверждены фотоснимками».

Авиационная часть, в которой служил Михаил Мизинов, активно вела бои, защищая родную столицу. Ее летчики наносили мощные удары с воздуха по скоплениям противника на Ленинградском, Волоколамском, Минском шоссе.

На всю жизнь запомнились Мизинову бои на подступах к Ржеву в июле 1942 года. Гитлеровцы отчаянно защищали этот важный стратегический пункт, ибо, владея Ржевом, противник мог маневрировать резервами вдоль линии фронта.

Город был сильно укреплен. Бои за Ржев приняли затяжной характер.

Однажды Мизинов получил задание в одиночном полете нанести удар по станции Ржев-Южная и уничтожить немецкую батарею. Он поднялся в воздух. Через десять минут полета бомбардировщик попал в полосу сплошной многоярусной облачности.

В этих условиях бомбить можно было только с малой высоты. Мизинов понимал, что это большой риск, поскольку плотность заградительного зенитного огня над городом была очень высокой. И все же летчик решил пойти на такой риск.

На подходе к городу он пробил плотные облака, стремительно приближаясь к земле. Немецкие зенитки не только не были готовы к ведению огня по низко летящему самолету, но буквально были ошеломлены неслыханной дерзостью советского летчика.

И вот в летной книжке старшего лейтенанта Мизинова появилась новая запись:

«...Бомбардировал артбатарею и станцию Ржев-Южная. Прямыми попаданиями разрушены станционные сооружения, взорван склад с боеприпасами и разбит эшелон с танками».

В непрерывных боях провел Мизинов начало 1943 года. Он бомбил важные объекты противника под Кастирной и Речицей, под Орлом и Белгородом, дальние и ближние тылы его. Командующий 16-й воздушной армией Руденко в наградном листе от 1 мая 1943 года писал:

«За образцовое выполнение боевых заданий командования, за храбрость, мужество и героизм, проявленные в боях с немецкими захватчиками, старший лейтенант Ми-

зинов достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Боевой самолет, небо, атмосфера опасности и риска стали для него как бы родной стихией, без которой он не мог прожить и дня.

Эти качества наиболее полно проявились у него во второй половине войны, особенно на заключительном ее этапе. С начала 1945 года капитан Мизинов — командир эскадрильи в 128-м гвардейском полку 241-й Речицкой бомбардировочной дивизии. Все летчики, разумеется, ждали и усиленно готовились к решающему сражению за Берлин.

В этот период в соединении возникло движение «тысячников» и снайперов бомбовых ударов. Летчики соединения соревновались за то, чтобы в каждый полет брать на борт самолета не менее тысячи килограммов бомб в наборе, точно поражать цели. Отличная выучка, опыт, накопленный за годы войны, хорошие организаторские качества позволили Мизину в короткий срок вывести эскадрилью в число передовых. Командование присвоило ей звание «Эскадрилья тысячников», а экипажу Мизина — «Снайперский экипаж».

Умело, упорно тренировал свои экипажи капитан Мизинов. Особенно много внимания уделял он молодым летчикам. Комэск не только фиксировал промахи новичков, но рассказывал и лично показывал, как их устранить. Благодаря этому его «девятка» добилась того, что на подъем в воздух и на посадку стало затрачиваться времени почти вдвое меньше.

Однако Мизинов не ограничился только этими показателями. Он совершал посадку с первого захода в самых сложных условиях. Этому же требовал и добивался от подчиненных. К началу сражения за Берлин в 241-й Речицкой авиадивизии было уже 25 снайперских экипажей, в том числе 8 из эскадрильи Мизина, которые могли садиться в сумерках при подсветке прожекторами и ракетами.

Готовясь к решающей схватке с врагом, летчики эскадрильи Мизина в совершенстве овладели также новым и весьма эффективным средством обороны задней полусферы самолета — гранатами АГ-2. Приведем лишь один пример, подтверждающий это. В январе 1945 года пятерка Пе-2, ведомая командиром эскадрильи, успешно разбомбила один из объектов в тылу врага. Однако на

М. П. Мизинов.

обратном пути была атакована двумя самолетами «фокке-вульф».

«Без команды гранатами не стрелять», — еще на земле предупредил всех летчиков Мизинов, и, когда немецкие самолеты приблизились на расчетную дистанцию, он условным сигналом подал команду:

— Огонь!

Почти одновременно сверкнули вспышки. Дружным залпом был тут же сбит ведущий «фокке-вульф».

...Группа Мизинова только что возвратилась с очередного бо-

евого задания. Но в эскадрилье существовал железный закон: машины, коснувшиеся колесами посадочной полосы, должны быть готовы к новому полету... Вот почему всюду трудились техники, оружейники, сновали бензовозы. Осматривались моторы, пулеметные установки, заканчивалась подвеска бомб, пополнялся боекомплект.

В это время прибежал посыльный:

— Товарищ капитан, вас срочно требуют в штаб...

По тому, как запыхался от бега посыльный, Мизинов понял, что отдохнуть им не придется.

Едва Мизинов переступил порог, начальник штаба сказал:

— Как слетал — знаю. А в каком состоянии машины?

— Последние бомбы подвешиваем.

— Хорошо, — сказал начштаба и подозвал к столу, на котором лежала развернутая карта. — Вот станция Опочно. Согласно полученным данным к ней подходят с двух сторон три эшелона с танками, орудиями и другой техникой... Знаю, что устали, знаю. И все же не прошу, а приказываю. Надо как можно быстрее накрыть их на станции...

И самолеты Мизинова снова в воздухе — третий раз за день. Вдали показались привокзальные постройки, а вот уже отчетливо видны тонкие ниточки железнодорожных путей. На станции стоят два эшелона. Ждут, когда освободит путь к фронту третий встречный эшелон, который уже на подходе...

Раздается команда — и пикировщики один за другим устремляются к земле. Каждый сбрасывает, как было условлено еще перед вылетом, по одной-две бомбы. Сейчас главное — точность. Во-вторых, надо как можно дольше «повисеть» над объектом и выиграть время для подхода новой группы бомбардировщиков. Первые взрывы, полыхает огонь на станции...

Наши войска вплотную подошли к Берлину. Идут бои уже на его улицах.

Фашисты еще яростно сопротивлялись, но это было сопротивление обреченных. Не складывали оружия и окруженные эсэсовские части. В ликвидации одной из таких вражеских группировок участвовал и капитан Михаил Мизинов.

Командиров эскадрилий срочно вызвали в штаб полка. Когда все расселись за столом, командир полка стал объяснять довольно сложную обстановку, создавшуюся в одном из пригородов Берлина.

В лесу, расположенном в пяти километрах от Потсдама, наши войска окружили десятитысячную группировку противника, которая пыталась пробиться к центру города. Наше предложение о сдаче гитлеровцы отвергли. Располагая большим числом танков, самоходок и артиллерией, они оказывают упорное сопротивление советским войскам, угрожая тылам.

— Наша задача, — сказал командир полка, — мощными ударами с воздуха нанести максимальный урон технике и живой силе врага, раздробить окруженную группировку. Но следует учесть, что наши наземные войска вплотную подошли к окруженной группировке. Поэтому прошу точнее нанести их позиции на свои карты...

Мастерством, точностью бомбовых ударов капитан Мизинов и его экипажи всегда отличались. Они сделали несколько боевых вылетов в заданный район. А на следующий день, 30 апреля, начальник штаба 2-й гвардейской армии генерал Радзиевский передал:

«Сердечное спасибо отважным пикировщикам про-

славленной Речицкой дивизии и штурмовикам 9-го корпуса за исключительно меткие удары по врагу».

К вечеру этого дня окруженная группировка была полностью уничтожена.

В. Поляков

ЕСТЬ СВЯЗЬ!

Бой за Клин разгорался. Фашисты сопротивлялись отчаянно. Пулеметные очереди не давали поднять головы. Третья рота морской пехоты ворвалась в город одной из первых и закрепились в нескольких домах на южной окраине. С командного пункта увидели, что ее движение замедлилось.

Командир батальона старший лейтенант Ильин хриплым голосом кричал взводному Ефремкину по телефону:

— Где связь?

А на линию ушли один за другим два бойца, но связи с ротой вот уже полчаса не было. Ушедшие бойцы не вернулись. Все понимали почему, но вслух не произносили короткого и страшного слова.

— Макаров! — позвал командир взвода Александра. — Теперь моя очередь. Командиру я свое решение доложил, оставайся за меня.

— Осторожно, Гена.

Ефремкин молча скрылся в предутренней мгле.

Старшина 1-й статьи Ефремкин с линии не вернулся.

Когда иссякла последняя надежда на возвращение командира взвода, Александр подумал: «Теперь надо идти мне».

Быстро проверил запасную катушку кабеля, контрольный телефон, потом поспешно вышел из блиндажа, на ходу крикнул телефонисту:

— Я на линию...

Пригнувшись, он бежал, глядя под ноги, поэтому не замечал, что делалось там, где находился Клин. Винтовочные выстрелы и пулеметная трескотня, тяжелое уханье разрывающихся снарядов и звонкое хлопанье гранат слилось в один гул. Несколько раз Александр попадал в воронки. Удивлялся невероятному: в таких местах провод был цел! Но вот рядом с ним что-то треснуло, и мощ-

ная воздушная волна подняла Александра, отбросила на несколько метров в сторону, ударила о мерзлую кочковатую землю. Перед глазами поплыли разноцветные круги. Макаров с трудом пришел в себя и сразу вспомнил о тоненьком кабеле. По тяжести на спине понял, что катушка и телефонный аппарат на месте. Ощутил боль в боку. В голове шумело.

Минут 15 он искал обрыв линии. Обнаружив один конец провода, словно обрезанный ножницами, присоединил к катушке. Ползком, шаря руками по земле, начал искать другой конец. Вот и он. Достал щипцы, откусил несколько метров запасного кабеля, соединил концы. Стало жарко. Снял рукавицы, сунул их за ремень. Зажав провод в руке, пополз дальше. Разрывы сотрясали землю, мерзлые комья ее падали с сухим стуком. Уже совсем рассвело, и Макаров в черной морской форме стал хорошо виден на белом поле. Еще десять метров вперед... двадцать... В пальцы воткнулось что-то острое. Взглянул и понял: в этом месте разорванный провод соединил кто-то из тех, кто раньше его ушел из блиндажа и не вернулся.

Ефремкин лежал к нему головой. Казалось, он вот-вот двинется навстречу и скажет обычное: «Есть связь...» Но Ефремкин лежал вниз лицом, без шапки, раскинув в стороны руки, как бы преграждая дорогу и предупреждая об опасности. Провод от него дальше не шел: его, по-видимому, отбросило в сторону взрывной волной. Тот конец, который мертвый командир зажал в руке, Александр не стал трогать. Он прополз влево, потом вправо, конец провода нашел в воронке. Захватив его, вернулся обратно к Ефремкину. И только теперь соединил разорванный провод. Подсоединил телефон, крутнул ручку. В трубке послышался треск, писк. Макаров простуженным голосом закричал:

— Я — Фиалка, я — Фиалка. Как слышимость?

— Я — Тюльпан. Третий приказывает идти к Березке.

Связь была восстановлена, но он направился вдоль линии к роте: таков был приказ командира батальона. Теперь Макаров увидел наконец город. Оказалось, что он добрался почти до окраины Клина, даже не подозревая об этом. И только сейчас связист явственно различил перебегающих от дома к дому людей, услышал короткие автоматные очереди и даже человеческую речь. Он знал,

что здесь, на окраине города, свои, и на сердце стало спокойно. Поудобнее уложив катушку с кабелем и телефонный аппарат; Макаров взял наизготовку автомат и короткими перебежками рванулся вперед. Вот и первый окоп. На краю его лежал полузанесенный снегом фашист. Еще сто метров — и вот они, родные люди, в морских бушлатах. К нему кинулся командир роты.

— Молодец! — крикнул он, быстро перезаряжая автомат. — Вовремя дал нам связь...

— А теперь в атаку, ура! — крикнул лейтенант.

— Ура! — Закричал Макаров, подхваченный общим боевым порывом, и бросился вслед за ротным.

...В 7 часов утра 15 декабря 1941 года город Клин был полностью очищен от фашистов.

* * *

Все дальше и дальше уводили Макарова дороги войны от родного дома. Клин, Старая Русса, Западный Буг... И всюду вслед за ним тянулся телефонный кабель, эта нитка внешней жизни, которую враг обрывал и которую надо было под смертельным огнем снова и снова сращивать.

Вот и восточный берег Вислы. Взвод связи, которым командовал гвардии старшина Макаров, разместился в подвале полуразрушенного дома. Бойцы, не теряя времени, приводили в порядок оружие, снаряжение.

Как-то в середине января 1945 года Макарова вызвали к командиру батальона майору Ковалевскому.

— Сегодня ночью начали форсировать Вислу, — сказал он торжественно и строго. — Точное время будет сообщено дополнительно. Будьте готовы.

На рассвете 14 января батальон начал форсирование Вислы. Глухо урча моторами, осторожно, словно ощупью, покатались к реке амфибии, неся на себе бойцов и пушки. Белесый туман упрятал всю эту армаду, и движение ее выдавал только легкий всплеск волны. Ничего не подозревавшие гитлеровцы молчали, и от этого у бойцов еще тревожнее становилось на душе.

Вдруг что-то заскрежетало по днищу амфибии, и она остановилась. Рывок взад-вперед, но машина ни с места. Сели на мель и другие амфибии. Ни колеса, ни винты не могли им помочь.

Стремясь вырваться из вынужденного плена, связис-

ты прыгнули в воду и стали толчками стаскивать машину с мели. Звон металла, голоса, натужный рокот моторов всполошили фашистов, и берег ошетинился огнем. Бойцы кто вплавь, кто на вырвавшихся наконец амфибиях добрались до берега. Завязался бой за плацдарм.

Макаров бежал вслед за пехотинцами, разматывая провод. Начиналось прибрежное мелкоколесье. И вот тут Александру пришлось впервые один на один сразиться с гитлеровцем. Он прыг-

А. Т. Макаров.

нул на него из-за дерева, но не рассчитал скорости бега Макарова и промахнулся. Старшина на одно мгновение растерялся и забыл об автомате. Фашист, воспользовавшись паузой, успел вскочить на ноги. Но сделать он уже ничего не смог: Макаров с размаху опустил ему на голову катушку.

Внезапно яркое пламя взметнулось на пути Макарова. Потом перед глазами завертелось серое пасмурное небо, что-то еще раз грубо трянуло, в тело впилось множество иголок...

Очнулся в окопе. Медленно открыл глаза. Словно сквозь мглу увидел: над ним склонились двое. Одного узнал по голосу.

К ночи Макаров пришел в себя и не выдержал, пошел на проверку линии. Он шел медленно, шатаясь, прикусив от боли губы. В ближайшей роте, залегшей в окопах второй линии, увидал Александрова. Тот попятился от неожиданности.

— Батюшки! А мы тут...

— Рано меня хоронить. — Макаров присел на бруствер окопа.

— Да не хоронить. Думали, ты уже в госпитале.

Затрещал телефон. Александров поднял трубку, послушал, повернулся к Макарову:

— Майор требует немедленно установить связь с третьей ротой. Она ушла на север.

— А что, туда провод не вели?

— Нельзя: болото. Да и ночь уже.

— Так... Скажи, что я пошел сам. Только не сейчас, потом, когда уйду, а то он мне приказал неделю лежать. Вроде отпуска по ранению... Где катушка, телефон?

И Макаров пошел на север, где держала плацдарм третья рота. Командир ждал связи с ротой, вырвавшейся далеко вперед.

Макаров шел, думая только об одном: дойти, во что бы то ни стало дойти. Под ногами чавкало болото. Трасирующие пули рассекали промозглый воздух. В их отблесках высохшие деревья с корявыми сучьями были похожи на фантастические существа. Макаров не знал, кто стрелял, свои или враги, и от этого чувство опасности обострялось. С каждым шагом идти становилось тяжелее, словно к ногам прилипли пудовые гири. Болезненно ныла раненая спина, руки оттягивала катушка с проводом.

Стараясь выбрать кочку покрепче, Макаров пошатнулся и провалился по пояс в болото. Спас автомат: положил его плашмя на мох и вылез на сухое место. Это отняло остатки сил. Теперь старшина не шел, а полз. Звуки перестрелки приближались, ночь просвечивалась ракетами, свет которых озарял болото. Они служили Макарову ориентиром, по которому он упорно стремился к цели.

Солдатское счастье на этот раз не покинуло его: он свалился прямо в окопчик пулеметчиков третьей роты. Александр успел еще прохрипеть в трубку:

— Я — Фиалка, я — Фиалка...

* * *

Март, но снега нет. Он перемешан с грязью тысячами ног, колесами автомашин, гусеницами танков и самоходных орудий. Всего несколько часов назад батальон форсировал Одер. Штаб разместился в двухэтажном доме с островерхой крышей из красной черепицы. Ночью старшина Макаров дежурил по штабу. В разбитые окна

залетал ветер, глухо шумели голыми сучьями деревья. Старшина присел на корточки возле камина и безуспешно пытался разжечь сырые дрова.

За домом в стороне сада загудели танки. Макаров сбежал вниз и встретился с артиллеристом из охраны штаба.

— Откуда здесь танки взялись? — удивленно спросил тот.

— Днем я их не видел.

— Может, заблудились? Пойдем узнаем, — предложил Макаров.

Танки гудели почти рядом с домом и в предутренней мгле казались большими бесформенными движущимися пятнами. «Точно, заблудились», — подумал старшина, определив, что направляются они в противоположную сторону от наших передовых частей. Он включил фонарик, и тонкий луч стал выписывать в воздухе яркие круги, подавая сигнал «стой». В ответ на это с передней машины раздалась пулеметная очередь, а сзади пронзительный голос артиллериста: «Фашисты».

Макаров с артиллеристом побежали к орудию, которое находилось по другую сторону дома. Навстречу спешили другие бойцы. Узнав в одном из них дежурного телефониста, Макаров приказал:

— Звони комбату, он где-то в ротах. — И тут же крикнул артиллеристам:

— Выкатывай пушку на угол дома, там немецкие ганки.

Орудие двинулось по направлению разгоравшегося боя. Три танка с десантом против одного орудия да десятка связистов и бойцов комендантского взвода!

Расчет выдвинул пушку на прямую наводку. После гремяго выстрела над передним танком, пытавшимся прорваться в ворота усадьбы, к небу взметнулся столб огня и дыма.

Артиллеристы перетаскили орудие за другой угол дома и взяли в прицел второй «тигр», заходивший с тыла. В это время атакующие отрезали от фашистских бронированных машин десант и гоняли немцев по саду. В пылу схватки упустили из вида третий «тигр», а он в это время мчался на орудие сбоку. Еще минута, и гибель расчета была бы неминуемой, но Макаров успел подскочить к артиллеристам. Этой минуты оказалось достаточно, чтобы развернуть орудие и вклепить снаряд прямо

в гусеницу танка. Он закрутился на месте, следующий снаряд поджег его. Второго «тигра» нигде не было видно, и лишь через несколько часов его обнаружили далеко от штаба, он подорвался на mine.

* * *

16 апреля 1945 года на Кюстринском плацдарме землю потрясли разрывы снарядов, выпущенных из тысячи советских орудий — началась Берлинская операция.

Смертоносный огонь по врагу был настолько силен, что трещал пятискатный потолочный настил связистов. Наступившая вслед за этим тишина раскололась многоголосым «ура». Советская пехота пошла в атаку. В это время дежурный телефонист крикнул:

— Со второй ротой нет связи.

«Что-то случилось с Александровым, — горько подумал Макаров. — Он же пошел на линию этой роты». И скомандовал:

— Гусев, Марьяненко, действуйте.

— До встречи в Берлине, — весело крикнул Марьяненко, выбегая из землянки.

Макаров стал ждать. Через несколько минут дежурный телефонист доложил.

— Есть связь со второй, ребята идут обратно.

Но пришел только один Гусев. На безмолвный вопрос товарищей тихо ответил, стянув с головы ушанку:

— Мина... Прямо в него...

Телефон затрещал снова. Макаров, потрясенный гибелью друга, медленно поднял трубку и услышал голос командира батальона майора Гриня.

— Слушай, где вторая? — кричал майор. — Где вторая, я спрашиваю?..

«Напрасно погиб Марьяненко, со второй опять нет связи», — подумал старшина и механически ответил в трубку:

— Сейчас будет, иду...

Он побежал вдоль осевого провода. «Скорее, скорее!» — подстегивал старшина себя. Вдруг впереди взметнулась вверх земля, и его сбило с ног. От удара сперло дыхание, и он хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Потом догадался, надо двигать руками. Через силу поднял одну, опустил. То же со второй и так несколько раз подряд. Дыхание вернулось. Глотнув

перемешанного с пороховыми газами воздуха, встал и начал искать потерянный провод. Нашел только свитый в спираль один конец. Секунды потребовались для того, чтобы отрезать кусок провода из катушки, присоединить его к концу. Но где второй? Метнулся туда-сюда — обрывок валялся в стороне. Соединил, подключил телефон, крутнул ручку. Сверху посыпалась земля. Подложил телефон под себя, снова крутнул. Через потрескивание донеслось: «Алло, я — Одер, я — Одер...» Он ответил: «Я — Дуб, я — Дуб, все хорошо». Отсоединил телефон и побежал дальше.

Осевая линия привела его к третьей роте. Дежурный сидел, приладив трубку проводком к уху.

На Зееловских высотах ничего нельзя было разобрать. Телефонист указал на это столпотворение и крикнул на ухо Макарову.

— Вторая рота там, а провод — вот он, — и показал на черную «нитку», лежавшую на земле.

Подхватив провод, Александр побежал. Все чаще и чаще ложились вокруг него мины, и тогда он упал на землю и пополз. Метров через 200 провод пропал. Подхватив конец, Макаров начал ползать кругами, с каждым разом их расширяя. Найдя второй конец, соединил, проверил — связи не было. Значит, где-то еще обрыв. Пополз дальше. Дышать становилось все тяжелее, пот заливал лицо, земля под ним содрогалась. Уставшие руки не хотели слушаться, колени задубели, а он полз. Но вот и новый обрыв. Так же, двигаясь кругами, нашел второй конец, отрезал от запасного провода кусок, соединил линию.

Вторая рота была на проводе!

...Тысячи километров телефонного кабеля протянул за собой гвардии старшина Макаров.

За подвиги при форсировании Вислы и Одера, во время штурма Зееловских высот Александр Трофимович награжден орденом Славы всех трех степеней.

В юности Макаров мечтал стать моряком. Но после войны стал строителем, возводит светлые, просторные дома. Связь с жизнью, с людьми, с человеческим счастьем на земле не оборвалась!

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

Утреннее солнце ласкало его своим теплом. Он недоверчиво прислушивался к чуткой тишине. И вдруг загрохотала немецкая артиллерия. Ее дополнили минометные взрывы. Из-за косматого облака выползла стая немецких «юнкерсов» и, достигнув нашего переднего края, сбросила бомбы. Взрыв снарядов и бомб, вой самолетов — все слилось в единый гул и грохот.

Но это происходило там, на передовой, позади Вершинина.

«Что же это получается? — терзался он. — Там ребята гибнут, а я тут отлеживаюсь...»

Вершинин посмотрел на Прохоровку и увидел на ее окраине фашистские танки. Припав к оптическому прицелу, он внимательно стал наблюдать за их движением.

— Один... два... пять... — считал Михаил танки, за которыми шла пехота.

Заработала наша артиллерия. Вот один вражеский танк загорелся.

— Так их, гадов! — воскликнул снайпер.

Атака продолжалась... «Тигры» замедлили ход, стреляли и снова набирали скорость. Уже отчетливо видны кресты на броне, слышится лязг гусениц. Вот один из «тигров» ползет прямо на Вершинина. Из-за танка появился немецкий офицер. Размахивая руками, он грозил pistolетом. Вершинин взял его на мушку, нажал спусковой крючок, и фашист рухнул на землю.

И снова Вершинин припал к винтовке и буквально в считанные секунды уничтожил еще трех фашистов.

А вражеский танк неумолимо приближался к окопу нашего снайпера. Разорвавшийся вблизи него снаряд подсказал Вершинину, что он обнаружен.

Нашим бойцам удалось отрезать фашистов от танков. Вершинин, отложив в сторону винтовку, вооружился гранатами и стал ждать. И, когда бронированная машина подошла совсем близко, снайпер приподнялся и с силой бросил связку гранат. Танк закрутился на месте и вспыхнул. Забыв об опасности, Вершинин стоя торжествовал победу и не заметил, как с фланга вынырнул другой ме-

мецкий танк и... Что-то толкнуло его в грудь, ударило по ногам. Снайпер скатился в заросший репейником овражек...

РАЗВЕДКА БОЕМ

До сентября 1943 года Вершинин пролежал в госпитале. Прошитые пулеметной очередью грудь и бедро с трудом поддавались лечению. А когда снайпер выписался из госпиталя, то ему не суждено было вернуться в свою часть: его зачислили в разведку. И вот он в районе Краснограда, за который зацепились фашисты после поражения на Курской дуге. Город опоясан колючей проволокой, минными полями...

Наше дальнейшее наступление в этом районе сдерживалось неполнотой разведывательных данных о противнике. Ночные вылазки разведчиков не приносили желаемых результатов. И тогда вступила в дело группа разведчиков-добровольцев.

— Мы должны провести разведку боем, — сказал командир взвода разведки, — прорваться через передний край обороны противника, выйти в северную часть города и там закрепиться. Для решения этой задачи нам придется взвод танков.

Затем, объяснив направление движения, место и роль каждого солдата в предстоящем бою, он подошел к новичку и сказал:

— А вы, товарищ Вершинин, назначаетесь связным.

...Разведчики преодолели часть нейтральной полосы без потерь. Но ожесточенный огонь противника с каждой минутой нарастал. Снаряды и мины ложились то справа, то слева, однако наши танкисты искусно уклонялись от них. Но вот головной танк достиг немецких окопов. Наши разведчики стремительно спрыгнули в траншеи. Началась рукопашная схватка. Часть немцев, отстреливаясь, бежала. Наш танк начал утюжить траншеи, но прямым попаданием снаряда был выведен из строя. Второй танк, углубившись в оборону немцев, закружился на месте и стал. Третья машина, на которой Вершинин вступил в бой, была также подбита после того, как пророскомла в тыл противника.

Вражеский огонь нарастал.

Разведчики оказались в трудном положении.

— Окопаться! — раздалась команда.

М. А. Вершинин.

Особенно досаждал разведчикам фашистский пулемет, что укрылся за холмом. Было ясно, что без подавления этой огневой точки дальнейшее выполнение боевого задания невозможно. Взводный вопросительно посмотрел на Вершинина. Тот понял, что от него требуется, и ползком начал подбираться к вражескому гнезду. Вот он сполз в воронку, вырытую разрывом снаряда и осмотрелся. «Надо взять левее, — решил Вершинин, — вон той ложбинкой подберусь к кустарнику и тогда попаду в мертвое пространство». Рывком он бросился в ложбинку и тут же лег.

Расчет его был верный. Двумя связками гранат он ликвидировал пулеметную точку и быстро вернулся к товарищам. Тем временем остальные разведчики сумели занять круговую оборону. А вскоре по фашистам ударила «катюша». Разведчики выполнили задание.

У седого Днепра

Под прикрытием артиллерийского огня разведчики переправились на правый берег Днепра. Взрыв вражеского снаряда повредил лодку. Она до половины наполнилась водой, но не тонула, приближаясь к правому берегу. А когда под ее дном захрустел песок, разведчики выпрыгнули из нее и устремились на берег.

— Занять оборону, — приказал Вершинин.

Одна за другой накатывались атаки фашистов, и каждый раз отбрасывали их артиллерийские залпы и огонь разведчиков. Только к вечеру бой начал утихать. Вы-

ставив посты наблюдения, разведчики стали окапываться.

А утром...

— Воздух! — оповестил Вершинин.

«Хейнкели», описав над разведчиками дугу, один за другим камнем падали вниз и, с ревом выходя из пике, бомбили плацдарм.

— Фашисты! — встревожился один из солдат. — Вон на той высоте.

Действительно, на высоте копошились два фашиста.

— Боевое охранение, — заключил Вершинин. — А что если нам их того... Язык-то нам во как нужен, — и он ладонью провел по горлу. — Может быть, рискнем? На том и порешили.

Под прикрытием мелкого кустарника разведчики попластунски ползли к высоте... Вот уже слышится приглушенная чужая речь. Когда до цели оставалось каких-нибудь 5—6 метров, они резким броском достигли окопа.

— Хенде хох! — крикнул Вершинин.

Гитлеровцы подняли руки, испуганно смотрели на наших разведчиков.

— Шнель! Шнель! — торопил Вершинин.

Фашисты поспешно вылезли из окопа, и разведчики, подталкивая их в спину, побежали по склону вниз.

С опушки леса ударили немецкие минометы. Но разведчики с пленниками уже были в безопасности.

За эту смелую операцию Вершинин был награжден орденом Славы III степени.

По тылам противника

23 июля 1944 года началось наступление в Белоруссии. Советское командование придавало серьезное значение действиям подвижных групп, засылаемых глубоко во вражеский тыл. Там в заданном районе они занимали оборону и поджидали отступающего противника, чтобы встретить его мощным огнем. В одной из таких групп и действовал Михаил Вершинин.

...Под покровом ночи 50 разведчиков и рота танков скрыто преодолели передний край немецкой обороны, углубились на 30 километров в тыл врага и расположились в урочище. В 500 метрах от них проходила грунтовая дорога, по которой ожидалось отступление гитлеровцев. Командир группы ставил задачу:

— Гвардии рядовой Вершинин, вашей группе занять оборону у дороги... Вон там. — Он выбросил руку вперед. — Задача — охранять дорогу. При появлении фашистов открыть огонь.

На выполнение задания вместе с Вершининым отправились бывалые солдаты Кожухов и Вальков и два необстрелянных новичка. Они знали, что охраняемая ими дорога связывает тыл противника с его передовой позицией, и поэтому здесь каждую минуту могут появиться гитлеровцы. Но пока спокойно.

Вдруг до разведчиков донесся стрекот приближающегося мотоцикла. Шел он в сторону фронта.

— Это, наверно, фашисты, — тревожно сказал новичок.

Мотоцикл приближался. Вершинин с Вальковым вышли на дорогу и медленно зашагали навстречу приближающемуся мотоциклу. Когда до него осталось несколько шагов, Вершинин повелительно крикнул: «Хальт!»

Немцы, видимо, не сразу поняли, что команда «стой» подана русским солдатом (ведь они ехали в тылу своих войск), и поэтому остановили мотоцикл, а когда увидели, что перед ними стоят с автоматами наготове советские воины, быстро пришли в себя и попытались вступить в бой. Но было уже поздно: возле них, словно из-под земли, появились еще три наших разведчика — Кожухов и с ним два новичка.

Вершинин вместе с новичками обезоружили водителя, а Вальков с одним из бойцов вытащили другого фашиста из люльки и связали ему руки...

На рассвете группа Вершинина обнаружила немецкий кабель связи с передовой линией. Не долго думая, Вальков перерезал его и сказал:

— А теперь будем ждать...

С наступлением дня разведчики укрылись в окопах, продолжая держать под наблюдением дорогу и участок, где обрзан кабель. Вскоре в стороне от дороги они заметили человека.

— Принимайте гостя — немецкий связист пожаловал, — сказал Вершинин.

Пленение для немца было такой неожиданностью, что он с ужасом смотрел на советских бойцов немигающими глазами.

...Во второй половине дня с каждым часом стал приближаться артиллерийский гул. Он шел с северо-восточ-

ной стороны урочища. Судя по обстановке, с минуты на минуту следовало ожидать появления отступающего неприятеля. И разведчики подготовились к бою.

Вот показалась первая конная повозка, за ней вторая, третья... Следом две пары тяжеловозов тащили орудие. За повозками по обочине дороги брели отступающие немцы.

— Восемнадцать... Двадцать... — считает Кожухов повозки.

— Сто десять, сто двадцать... — с помощью бинокля они считали гитлеровцев.

— Насчитали два орудия, два миномета и три ручных пулемета, — докладывает Вальков.

— Без команды не стрелять, — предупредил Вершинин. — Пусть подойдут поближе.

А немцы шли и шли... Вот хвост их колонны оторвался от опушки леса, и теперь вся группа оказалась перед советскими разведчиками как на ладони.

— Огонь! — скомандовал Вершинин.

Колонна остановилась. Гитлеровцы в замешательстве бросились врассыпную и укрылись кто где мог. Завязался бой. И, когда наши танкисты выпустили по колонне несколько снарядов и устремились на гитлеровцев, на одной из повозок появился белый флаг.

* * *

А вскоре — снова в тыл врага, бои за Слуцк, Клецк, Барановичи, Брест.

Вот она — государственная граница! По ту сторону лежала истерзанная Польша. И Вершинин, сияя радостью, видел, с каким подъемом скандировали бойцы: «На Вар-ша-ву!», поднимая над головой автоматы. «На Вар-ша-ву!» — звали в бой надписи на танках, орудиях...

За отвагу, проявленную в этих боях, Вершинин был награжден орденом Славы II степени.

А награждению его орденом Славы I степени предшествовали вот такие события...

Расплата

За Одером фашисты создали глубоко эшелонированную оборону. 16 апреля 1945 года заместитель командира корпуса вызвал девять разведчиков, в числе которых были Вершинин и Кожухов.

— Товарищи, — начал генерал, поглядывая на карту, — фашисты, отступая, взрывают мосты и дороги, а это затрудняет наше продвижение вперед. Вот видите, здесь через реку переброшен мост. Он заминирован и усиленно охраняется. Ни справа, ни слева моста нашим частям не пройти. Мост — единственный путь, его надо захватить и сохранить... В ваше распоряжение придается бронетранспортер. На максимальной скорости вы должны прорваться через передний край фашистов вот здесь, — генерал поставил точку красным карандашом на карте, — а с рассветом захватить мост. И когда он будет в ваших руках, займите оборону и ждите подхода наших главных сил...

Разведчики во главе с Вершининым начали действовать в полночь. Небо хмурилось. Лишь временами вспыхивали вражеские ракеты. Умело используя складки местности, водитель бронетранспортера с подветренной стороны приблизился к фашистским окопам и остановился. Потом дал полный вперед. Фашисты открыли яростный огонь.

— Скорей! Скорей! — торопит водителя Вершинин. — Еще поднажми, браток.

Уже заработали минометы, орудия. Но разведчики проскочили и растворились в ночной мгле. Где-то позади продолжалась перестрелка.

Бронетранспортер остановился. Разведчики сориентировались и двинулись дальше. Уже забрезжил рассвет, а моста еще не видно, хотя по расчетам они должны были достичь цели.

— Может, заблудились? — встревожился Кожухов.

— Нет, — ответил Вершинин. — Мост должен быть где-то здесь.

Сориентировав карту на местности, разведчики установили, что они отклонились от маршрута — мост находился от них в двух километрах левее. Ошибка была исправлена. Бронетранспортер шел по опушке леса, а когда до моста оставалось около 500 метров, нырнул в чащу, прошелся по ней и остановился у кряжистого дуба, откуда отлично просматривался мост. По нему вышагивала охрана. И с той, и с другой стороны моста — сторожевые будки... Насчитали 12 солдат с автоматами. Пулеметов не видно. А может, они замаскировали их так, что трудно обнаружить? Откуда и как начать операцию? Рассвет торопит. Ждать нельзя.

Разбились на три группы. По три человека в каждой. Две — атакующих, третья, «инженерная», займется разминированием моста, разумеется, после того, как охрана будет снята. А пока эта группа остается на бронетранспортере, и как только две первые завяжут бой, она должна на полном ходу атаковать фашистов.

Вершинин со своей группой незамеченным подкрался с левой стороны моста. Кожухов — с правой. Немцы заметили группу Кожухова и открыли по ней автоматный огонь. Из сторожевой будки выскочили еще три фашиста и тоже вступили в бой. Чувствуя, что Кожухов обнаружен, Вершинин тоже открыл огонь, а мчащийся бронетранспортер, ведя огонь, с бешеной скоростью проскочил по мосту и остановился на другом его конце. Через 10—15 минут все было кончено. «Инженерная» группа обезвредила мост, и смельчаки заняли оборону на противоположном берегу реки. Только смелого разведчика Кожухова не оказалось с ними: пал смертью героя.

...Все плотнее и плотнее сжимаются тиски наших войск вокруг Берлина. Ни на минуту не утихает артиллерийская канонада, дым пожаров окутал город. Наши бойцы, а вместе с ними и Михаил Вершинин рвутся к рейхстагу. Вот Вершинин выскочил из только что обвалившегося многоэтажного дома и молнией проскочил через улицу к полуразрушенному зданию. От него к другому. Из его подвала стрелял фаустник. Вершинин прошелся по нему автоматной очередью и с ходу бросил в подвал гранату. Фаустник умолк.

И снова Вершинин в бою. Теперь уже он ведет поединок через отверстие в стене, за которой засели гитлеровцы. Одна, вторая автоматная очередь и «лимонка» Кажется, все тихо. Закопченный, в пыльных сапогах, в разорванной гимнастерке Михаил выскочил на дымящуюся улицу. И то, что он увидел здесь, его несказанно обрадовало. На куполе рейхстага развевался красный флаг. Тысячи воинов скандировали: «Ура! Победа! Ура! Победа!»

Обнимались, целовались, качали на руках своих командиров. Вершинин, широко улыбаясь, шагнул на площадь...

ОТВАЖНАЯ РАЗВЕДЧИЦА

В Инзе на улице Рабочей жила семья Вологодских. Глава семьи работал кочегаром на заводе, а мать была домохозяйкой. И неудивительно: в семье росло девять детей — три сына и шесть дочерей. И каждого надо было одеть и накормить. Каждого надо было подготовить к самостоятельной жизни.

Девочки пошли в отца — невысокие, крепко сбитые. Ничем не отличалась от своих сестер и Лиза. Пальто и туфли переходили к ней по наследству от Дуси и Оли, а потом доставались другим сестренкам.

Но не было на Рабочей улице семьи жизнерадостней и дружней. В дом Вологодских всегда тянулись соседские ребяташки и девчонки: и поиграть, и полакомиться блинами, и поваляться на большой кровати, на которой спали не вдоль, а поперек.

Лиза, к которой накрепко пристало прозвище «Кнопка», верховодила всем классом, успевала заниматься и в кружке художественной самодеятельности, и в спортивных секциях, и отлично учиться, как, впрочем, и все Вологодские-младшие.

В год начала войны Лиза закончила строительный техникум, но работы по специальности не нашла. Небольшой трепельный завод, каким тогда был нынешний Инзенский диатомовый комбинат, обзавелся квалифицированными кадрами за счет эвакуированных специалистов, и она устроилась на должность инспектора районного отдела нархозучета.

Но и здесь работать пришлось недолго. В один из осенних дней сорок второго Лиза зашла в райком комсомола.

На фронте воевали три старших брата, и она завидовала им. А теперь есть возможность самой взять в руки оружие.

Она долго не решалась начать разговор с матерью, а когда начала, все оказалось очень просто. Мать только и сказала:

— Раз надо, иди, а за нас не беспокойся...

6 ноября, в канун Октябрьских праздников, со станции Инза уходил на запад воинский эшелон. В одной из

теплушек, свернувшись калачиком, лежала на нарах Лиза Вологодская.

Сначала девушку направили в пехотное училище. Затем она успешно окончила спецшколу и была направлена в штаб 1-го Украинского фронта. Много лет спустя Маршал Советского Союза В. Соколовский, бывший в то время начальником штаба фронта, писал: «Лично я не знал Лизу Вологодскую. Но сегодня, знакомясь с документами, которые бессрочно хранятся в Генеральном штабе Советской Армии, я ясно представляю эту отважную комсомолку. В ее облике — черты всей советской молодежи тех суровых лет».

Но пока Лиза ничего не знала о дальнейших путях-дорогах, лишь получила в штабе еще одно назначение — в разведывательную группу «Львов».

Группа жила на конспиративной квартире на окраине Киева. И теперь Лиза уже не была Лизой. Ее имя — Ольга, фамилия — Богуславская, кличка Комар.

Наконец все готово к заброске в тыл. Группа получает боевой приказ: «Убыть на выполнение задания с приземлением в районе реки Раба (приток Вислы), в дальнейшем легализоваться в г. Кракове по ул. Святого Яна у слесаря Гимитраж. Задача: вести разведку войск и гарнизонов противника в районе Краков — Катовице; определять дислокацию штабов, узлов связи, баз с горючим, складов и т. д.; установить характер оборонительных сооружений по реке Висле в районе Краков — Катовице; контролировать воинские перевозки по железным дорогам Катовице — Краков — Львов, Катовице — Краков — Люблин. Связь с Центром держать по радио».

Через несколько часов после отлета в разведотдел штаба 1-го Украинского фронта поступил рапорт от командира экипажа, в котором сообщалось, что выброска группы «Львов» прошла удачно, все парашюты раскрылись. Однако вскоре стало известно, что руководитель группы Юзеф — предатель.

Лиза и ее подруга по группе Анна скрывались в семье польских патриотов Сендеров в деревушке под Краковом. Пришлось немедленно уходить. Помогали им в этом польские друзья. Лиза каждое утро выходила на связь с Центром, передавая информацию о передвижении войск, о дислокации воинских штабов, складов с боеприпасами и баз с горючим, о тщательно маскируемых немцами аэродромах. Это были бесценные телеграммы Комара.

Но предательство Юзефа, за которое по вынесенному польскими патриотами приговору он был выслежен и расстрелян, продолжало приносить новые беды. Гитлеровцы схватили Анну, и Лиза снова уходит на новое место, передав в Центр радиogramму: «Анна попала в гестапо. Задержите груз. Ждите новых сигналов. Комар». (Груз — это питание для радиопередатчика, оружие для подпольщиков).

Во имя спасения всей операции необходимо было все создавать заново: явки, конспиративные квартиры, способы передачи информации.

А в Центре готовились к отправке в район Кракова разведывательной группы «Голос». Самоотверженно, с колоссальной нагрузкой работала Комар, но в момент решительного наступления советских войск нужна была всеобъемлющая многосторонняя информация о противнике.

Наконец Лиза приняла радиogramму:

«Комару. Группа будет выброшена в условленном районе от нуля до двух часов 19 августа 1944 года. Организуйте встречу».

В тревожном ожидании прошли ночи. Но тщетно: самолет не прилетел. В ответ на запрос Центр сообщил Лизе:

«Три человека и груз выброшены ночью 19 августа. Подробности сообщить не можем, т. к. самолет на базу не вернулся. Постарайтесь разыскать наших людей».

В группу «Голос» входили Евгений Березняк, Алексей Шаповалов и Ася Жукова. Березняк до войны заведовал Львовским гороно. Потом был на подпольной работе на Днепропетровщине, а после освобождения области, уже будучи работником обкома партии, снова попросился в тыл врага. Шаповалов командовал взводом, руководил партизанской диверсионной комсомольско-молодежной группой. Жукова до армии работала в Новомосковском горкоме комсомола.

Только через семь дней пришла в условленное место Ася Жукова, но она ничего не знала о судьбе товарищей. Прыгали с большой высоты, не в той точке, где предполагалось.

На долю Березняка выпали тяжелые, ежеминутно грозившие смертью испытания. Приземлился он прямо на шоссе. Перевалив через кювет, углубился в кустарник. На условные позывные никто не отвечал, и он много часов шел по лесу, пока совсем не обессилел. Присел на пенек

и задремал. Здесь уснувшего Березняка схватили жандармы.

Нужно было молниеносно принимать решение, и на вопросы допрашивавшего Березняк сказал, что он — советский разведчик, которому поручено доставить своей группе в Кракове радиопитание и деньги. Определенного адреса не имел, встреча назначалась на краковском рынке «Тандета».

Перевод в Краковскую тюрьму, допросы за допросами, и наконец обманутые гитлеровцы стали возить Березняка на рынок в надежде схватить связных. Беспольные поездки злили гестаповцев. Остался последний день, когда, по словам Березняка, должны еще раз прийти разведчики.

Шансов на спасение не оставалось. Но перед самым закрытием рынка вдруг поднялась какая-то суматоха, раздались выстрелы, людская толпа хлынула вдоль торговых рядов. Березняк рванулся в сторону, выскочил в переулок...

Вечером он уже был в деревушке под Краковом, где на конспиративной квартире все эти дни его ждала Лиза.

Счастливо закончились и злоключения Шаповалова. Днем он, как и Березняк, обнаружил, что их сбросили на территории Германии, в Верхней Силезии. Спрятав парашют и переодевшись, Шаповалов добрался до ближайшего городка, выдал себя за украинца, сотрудничавшего во Львове с немцами и теперь бежавшего от наступавших большевиков.

В комендатуре Шаповалов получил направление на один из заводов для использования на подсобных работах. Через несколько дней с выданными документами и продовольственными карточками он сбежал, перешел германскую границу и добрался до явки.

Группа «Голос» развернула энергичную деятельность. Каждое утро в Центр летели подписанные Комаром радиogramмы: «Через Краков на восток прошли 24 эшелона. Из них 101 вагон с солдатами пехоты, остальные — с автомашинами, боеприпасами...»; «Восточнее Бохни, параллельно шоссе Литанув — Сони — Стары Сони поспешно строят оборону: окопы, проволочные заграждения, противотанковые рвы, дзоты...»; «На юго-восточной окраине села Моравица — штаб летного соединения. Командир генерал-лейтенант Ройман. Здесь же аэродром, постоянно 30 самолетов».

Но для Лизы самый грозный час еще не пробил. Ожидания на чердак, где была установлена рация, ворвались гитлеровцы. Они сорвали с Лизы наушники, грубо поволокли по лестнице. У дома среди бронетранспортеров стояли два автобуса с антеннами-пеленгаторами. Все ясно. Гитлеровцы обнаружили давно замеченную ими таинственную радиостанцию, славшую в эфир шифрованные радиogramмы.

Теперь и Лиза оказалась в Краковской тюрьме, в грязной и холодной камере-одиночке. Допросы за допросами. Перед ней выкладывают стопку расшифрованных телеграмм, которые она передавала в Центр. И Лиза начала говорить о проваленной группе «Львов», о своей работе в одиночку. Ей стало ясно, что гитлеровцам ничего неизвестно о новой разведывательной группе.

Из тюрьмы Лизу перевезли за город, в отделение армейской контрразведки. Заместитель начальника отделения Отман заявил, что она должна передавать Центру составленные ими телеграммы, и показал ей лист с текстом, закодированным ее же шифром.

Перед заброской в тыл Лизу инструктировали, что она может попасть в подобную ситуацию, и тогда, вызывая своих, она должна недоступать лишь одну букву. Вместо Комар — Омар.

Лиза отстучала шифровку и перешла на прием: «Я — Омар, я — Омар». Центр ответил: «Вас понял. Желаю удачи».

Телеграмма отправлена, и Лиза без дела разгуливает по наглухо огороженной, оцепленной колючей проволокой территории отделения. За ней неотступно следует солдат с автоматом.

Вдали у забора стоит деревянная уборная. Лиза заходит, запирается. Задняя стена выходит прямо в переулок. Если удастся раздвинуть доски, можно убежать.

Ночью Лиза осторожно пробирается в радиорубку. Ей необходимо завладеть шифром, на котором немцы работают со своими агентами. Конечно, он заперт в этом железном ящике. Лиза подходит ближе. Ее ослепляет яркий луч карманного фонарика. Из темного угла выходит Отман и совершенно спокойным голосом говорит ей, чтобы она возвращалась в свою комнату до утреннего вызова.

Лиза всю ночь не смыкала глаз, лихорадочно думая о странном поведении Отмана. Утром все прояснилось. Немецкий офицер усадил ее в машину, и они вскоре приеха-

ли на хутор, откуда Лиза передала свое последнее донесение.

Отман приказал ей отыскать свои вещи, а потом вместе они поднялись на чердак. И тут Отман заговорил. Он — сотрудник германской контрразведки, член национал-социалистической партии, но понимает, что Гитлер войну проиграл.

Перед Лизой стоял человек, который предвидел приближающуюся расплату, и она поняла, что этот человек не только поможет ей бежать, но может принести и большую пользу. Со всей решительностью, на какую была способна, Лиза заявила, что Отман должен сотрудничать с советской разведкой. Она назначила первую явку.

Вечером отделение опустело. Остались только часовые у ворот да приставленный к Лизе солдат. Она вышла во двор, зашла в уборную, раздвинула доски, гвозди из которых выдернула еще днем.

К утру Лиза с помощью польских друзей добралась до партизанского отряда, где после ее ареста находились Березняк, Шаповалов и Жукова. Группа «Голос» снова начала действовать в полном боевом составе, снова в эфире раздались позывные Комара.

Вскоре Лиза приняла из Центра радиограмму, которая возлагала на группу чрезвычайно ответственное задание. «Установите, — указывалось в телеграмме, — точную численность войск и нумерацию частей в Кракове. Сообщайте о каждой новой части, прибывающей в город. Точно установите расположение артпозиций, танков, пехоты, все мероприятия немцев по обороне Краковского района. Данные молнируйте».

Центр одобрил и вербовку Отмана, который начал сообщать важные и, как оказалось при проверке, точные сведения. Больше того, по требованию командира «Голоса» он сумел устроить Шаповалова на работу в контрразведку абвера.

Вместе с польскими партизанами советские разведчики сумели достать точный план всех оборонительных сооружений, и Комар сеанс за сеансом передала его по частям.

В январе 1945 года советские войска в стремительном броске освободили Краков. Древняя столица Польши, один из красивейших городов мира, был спасен от варварского разрушения. Свое слово в этом незабываемом подвиге сказал и «Голос», действия которого командование

штаба фронта оценило так: «Материалы группы были исключительно точны и важны. Все разведданные были подтверждены боями...»

...Приехав во Львов, я созвонился с первым стройучастком строительного треста Львовской железной дороги, где Вологодская работала по своей еще до войны полученной специальности. Мне ответили, что Вологодская на объектах и будет к концу дня.

В конторе участка, поджидая Вологодскую, я разговаривал с ее сослуживцами. Поступила она к ним сразу же после войны, никто на участке не мог и подумать, что Ольга Яковлевна (так представляется она и до сих пор) человек необычайной судьбы. За многие годы службы она зарекомендовала себя аккуратным и вдумчивым техником, ей привыкли поручать сложные объекты. Знали ее упорство, ее настойчивость, но чтобы представить Вологодскую в подполье, в застенках гестапо, в партизанском лесу...

Прошло время, и сейчас стала известна вся правда о тех днях. Сама Елизавета Яковлевна молчала, но ее разыскивали польские друзья, журналисты стали изучать документы военных архивов, появились статьи и очерки о группе советских разведчиков, действовавших на территории Польши, экраны страны обошел знаменитый «Майор Вихрь» — фильм, в основу которого легли действия группы «Голос». Елизавета Яковлевна и ее друзья — почетные граждане города Кракова, часто гостят в Польше, переписываются с десятками людей.

Когда мы вышли из конторы, предвечерний Львов заливало солнце. Елизавета Яковлевна то и дело останавливалась перед очередным памятником старины, и было видно, что за годы, прожитые во Львове, она полюбила этот город.

— Полюбила как родные места, — словно отвечая на вопрос, вдруг тихо сказала Елизавета Яковлевна. — Но Инзу не забываю. Стоит только зажмуриться, и я вижу свою Рабочую улицу, тихие плесы, куда мы бегали купаться, лес, где было столько грибов...

ЗДРАВСТВУЙ, ЗЛАТА ПРАГА!

Зима в том страшном году рано пришла в Подмоскowie. Мороз сковал землю. И там, где еще недавно автомашины и даже танки вязли в грязи, теперь они могли быстро продвигаться вперед. Это благоприятное обстоятельство и попытались использовать гитлеровцы: они начали новое наступление на Москву. Нужно было не только остановить их, но и разбить.

В решении этой ответственной задачи участвовала и мотострелковая бригада, в которой служил Максим Денисов, уроженец села Малое Станичное Карсунского района Ульяновской области.

Рано познал он трудовую жизнь. Скромный и спокойный по натуре, он был горяч в работе. Трудом своим в колхозе снискал всеобщее уважение. И когда его призвали в Красную Армию, почти все колхозники пришли провожать своего земляка.

Через неделю Максим был в Забайкалье. Попав в полковую школу и успешно окончив ее, он в звании помощника командира взвода прослужил в Забайкалье до 1939 года. Сбылась его заветная мечта стать командиром Красной Армии. Денисова зачислили курсантом Хабаровского пехотного училища. Незаметно пролетело два года напряженной учебы.

Всегда подтянутый, с безукоризненной строевой выправкой, полный энергии, молодой командир взвода Денисов много трудился, чтобы вывести свое подразделение в передовое. Он строго придерживался правила: «Учить войска тому, что необходимо на войне».

Боевая учеба была в разгаре, когда пришла тревожная весть: фашистская Германия напала на нашу Родину.

* * *

...Вечерело. Денисов, осторожно открыв дверь, быстро вошел в землянку. Бледный свет от лампы, сделанной из гильзы снаряда, падал на стол, за которым сидел начальник штаба Клещев. Слегка склонившись, он внимательно рассматривал лежавшую перед ним карту. Заметив вошедшего, начальник штаба повернулся к Денисову:

— Вам поручается добыть языка. Тщательно обдумайте план и доложите мне.

Денисов начал готовить своих разведчиков. Разбил взвод на две группы — группу захвата и группу обеспечения. В первую вошли сержанты Кудрявцев и Никифоров. Возглавлял ее сам командир взвода. Старшим второй группы был назначен помощник командира взвода Зайцев.

Приближалось время поиска. Стояла морозная, безлунная ночь. Падал легкий снежок. Ветер подхватывал его, кружил и, будто по заказу, густой дымкой закрывал едва заметные очертания переднего края противника. Денисов еще раз взглянул на часы. Пора!

Разведгруппа в ночь с 5 на 6 декабря вышла на передний край, откуда двинулась по намеченному маршруту. Разведчики преодолели минное поле, проволочное заграждение и бесшумно подползли к первой траншее противника. Группа обеспечения остановилась, а группа захвата поползла дальше. Заметив за траншеей справа вражеский расчет у пулемета, затаились. Когда фашистский патруль подошел к ним почти вплотную, они набросились на него, связали, завернули в плащ-палатку и потащили...

Фашист, придя в себя через некоторое время, закричал. Поднялась стрельба. Все бойцы группы захвата оказались ранеными, но языка взяли. Командование получило ценные сведения.

На следующий день разгорелся бой. Личный состав взвода Денисова дрался отважно. В том бою Максим Денисов был ранен в руку, но продолжал оставаться в строю.

На второй день Денисов был снова ранен. В бессознательном состоянии его вынесли с поля боя и отправили в госпиталь.

* * *

По инициативе трудящихся был сформирован Уральский добровольческий танковый корпус. В нем и продолжал службу после выздоровления Максим Яковлевич Денисов.

Танкисты готовились к отправке на фронт. Денисов, командир с боевым опытом, днем и ночью готовил подчиненных к предстоящим боям.

Июль 1943 года был уже на исходе, когда части корпуса сосредоточились в исходном районе для ввода в про-

рыв. Противник, сильно укрепившись западнее города Болхова Орловской области, непрерывными атаками с воздуха стремился задержать наступление наших войск и дать возможность отойти своей группировке. Особенно тяжелые бои шли на реках Орс и Нугрь. Смело и дерзко дрались воины корпуса. За мужество и героизм, проявленные в боях, 491 человек — рядовые, сержанты и офицеры мотострелковой бригады — были награждены орденами и медалями Советского Союза. На груди офицера Денисова засверкал орден Красной Звезды.

* * *

...Шли дни. Позади осталась Унеча, Новозыбков, Каменец-Подольский, освобожденные нашими войсками. 29-я гвардейская мотострелковая бригада сосредоточилась в районе Бзовица для ввода в прорыв на Львовском направлении.

Перед ротой автоматчиков, которой командовал старший лейтенант Денисов, стояла задача: пройти в тыл противника, провести разведку, выяснить наличие воинских частей в городе Львове, затем выйти на его восточную окраину и установить связь с нашими передовыми частями.

Рота гвардии старшего лейтенанта Денисова шла форсированным маршем, скрытно, лесами. Опередив отходящие на Львов части противника, рота вышла на восточную окраину города и заняла рубеж, который был подготовлен фашистами для обороны.

Разведчики обнаружили, что в ближайшем к городу селе сосредоточено до батальона гитлеровцев, которые намереваются отходить к восточной окраине города на рубеж, занятый ротой Денисова.

Создалась сложная обстановка. Когда фашистский батальон приблизился к позициям роты, Денисов через переводчика предложил гитлеровцам сдать оружие, но враг отверг эти предложения. Тогда советские воины открыли огонь. Фашисты не ожидали такого внезапного удара. Большинство из них здесь же нашло свою могилу, а оставшиеся в живых были взяты в плен.

Разведчики установили, что фашисты при отступлении заминировали городскую электростанцию, хлебозавод и подготовили их к взрыву. Денисов организовал разминирование этих объектов.

М. Я. Денисов.

В это время к командиру роты подбежал автоматчик и доложил, что пришел какой-то гражданин и хочет сказать советскому офицеру что-то важное.

— Быстро доставить его ко мне, — распорядился Денисов.

Подошедший представился:

— Я местный учитель.

Он сообщил, что на железнодорожных путях стоят два эшелона с награбленным фашистами добром. Эти эшелоны вот-вот должны уйти в Германию.

Денисов приказал местным партизанам разобрать железнодорожное полотно, а сам со взводом уничтожил охрану эшелона.

Продвигаясь с боями от квартала к кварталу, автоматчики обнаружили немецкую комендатуру. Рядом с ней, на дороге, стояло восемь тяжело нагруженных автомобилей с заведенными моторами. Завязался бой. Гитлеровская комендатура была разгромлена, а машины с грузом отправлены в штаб бригады. Своими умелыми действиями рота Денисова способствовала скорейшему освобождению Львова...

Фашисты возлагали большие надежды на мощные оборонительные сооружения, построенные на Одере. Здесь у врага были три линии траншей с густо развитой сетью ходов сообщения, недалеко друг от друга располагались доты, площадки для пулеметов и минометов. Каждый метр восточного побережья реки простреливался многослойным огнем. Гитлеровцы считали Одер непреодолимой преградой.

Рота Денисова получила приказ первой форсировать реку. Денисов собрал коммунистов и комсомольцев. Разъяснил обстановку, поставил перед личным составом задачу. Вслед за командиром выступил парторг. Он вы-

нул из полевой сумки красноармейскую газету и прочитал: «Вот он и Одер. Были мы на Висле, вышли на Одер. Наши знамена реют над Померанией, Бранденбургом. Советские «тридцатьчетверки», ведомые гвардейцами, беспощадно истребляют врага. Дорога от Вислы до Одера — дорога нашей славы...»

Кончив читать, он громко произнес горячие, призывные слова:

— Гвардейцы, вперед, на западный берег! Недалеко Берлин!

В роте царил небывалый подъем. Все рвались в бой. А вскоре последовал сигнал — начать переправу. На подручных средствах, по ломающемуся льду, обходя полыньи и воронки, советские воины перебирались на правый берег Одера. Форсировав реку, они с боями ворвались в деревню Дибан и разгромили находившийся там фашистский гарнизон. Противник подтянул резервы, бросился в контратаку, но гвардейцы не только отбили ее, но и расширили захваченный плацдарм.

В наградном листе на офицера Денисова, подписанном командиром 10-го гвардейского Уралъского добровольческого танкового корпуса генералом Е. Е. Беловым, говорится:

«...Гвардии старший лейтенант Денисов Максим Яковлевич, командуя ротой автоматчиков, первый по ломаному льду переправился на западный берег реки Одер. Штурмуя сильно укрепленную полосу противника, он со своей ротой уничтожил 112 гитлеровцев и 58 взял в плен. Захватил 2 исправные пушки, 6 пулеметов, 43 винтовки и 2 автомашины. После этого он смело отражал контратаки противника, нанося ему большие потери в живой силе и технике».

За проявленное мужество и героизм М. Я. Денисову 10 апреля 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

Берлин!.. Советские воины были уверены, что придут сюда, на берега Шпрее, что под их ногами будет берлинская земля. И гвардейцы дошли до фашистского логова.

Нас вера в жизнь с боями привела
Сквозь сто смертей на подступы к Берлину.

Так писала красноармейская газета 1 апреля 1945 года. А на рассвете в один из апрельских дней наши войска, прорвав сильно укрепленную оборону врага на реке Нейсе, форсировали Шпрее и вышли на канал Тельтов. Этим они завершили окружение берлинской группировки с юга. В завершающих боях отличилась и рота автоматчиков Денисова.

* * *

Третий день шел ожесточенный неравный бой на улицах Праги. Восставший город сражался, истекая кровью. Но силы были слишком неравны. Нужна была немедленная помощь. И это помощь пришла. На рассвете 9 мая гвардейские танковые армии 1-го Украинского фронта прорвались с севера к столице Чехословакии и завязали бой на улицах города. На рассвете вместе с танкистами Уральского корпуса вошла в Прагу и рота Денисова. Цветами встречали жители чехословацкой столицы советских воинов — своих освободителей.

В этом бою вместе с Денисовым принимала участие и его боевая подруга медсестра Евдокия Петровна Денисова. И так случилось, что в последнем бою за Прагу супруги Денисовы были тяжело ранены и оказались в госпитале.

* * *

После войны Герой Советского Союза М. Я. Денисов жил и работал в рабочем поселке Карсун. Умер в 1970 году. На его могиле поставлен памятник, напоминающий о трудном и славном пути, который прошел Максим Денисов, сын Волги.

А. Кузнецов

ОН ШТУРМОВАЛ БЕРЛИН

С Алексеем Максимовичем Пазерским я познакомился случайно на волжском пляже. Мне бросились в глаза не только его атлетическое сложение, но и багровая метина под широкой лопаткой. Нетрудно

было догадаться, что это след ранения. Разговорились. Речь, естественно, зашла о войне. Говорил он о ней с какой-то неохотой, и я мало что узнал тогда о его боевых делах, хотя Пазерский сказал, что награжден тремя орденами Славы.

Три солдатских ордена! Какие же совершил подвиги этот скромный, малоразговорчивый человек?

Пазерский живет в Новоспасском, куда он любезно пригласил меня. Однажды мне пришлось быть на его родине, и я не преминул воспользоваться этим приглашением. Нашел я Алексея Максимовича в районной конторе Сельхозтехники, где он работал главным бухгалтером. В широком коридоре на доске Почета был портрет Пазерского. Я порадовался за него. И в мирном труде он остался человеком долга.

Алексей Максимович позвал к себе домой. Там за стаканом чая мы и продолжали разговор о его ратных делах...

Родился Пазерский в 1919 году. В 1939 году он был призван на флот. Впервые Алексей покидал родное село. Ехал на Дальний Восток охранять морские рубежи нашей Родины.

А вот воевать Пазерскому пришлось на суше. Морская бригада, в которой он служил, пришла на защиту Сталинграда на самый боевой участок фронта. Здесь он стал разведчиком-радистом в артиллерийском дивизионе 170-го стрелкового полка 57-й гвардейской дивизии.

После разгрома трехсоттысячной армии Паулюса под Сталинградом гитлеровцы решили взять реванш. Разгорелись жестокие бои в междуречье Северского Донца и Днепра. Почти месяц 170-й гвардейский полк стойко держал оборону около города Изюма. Враг настойчиво стремился форсировать реку. Нередко завязывались артиллерийские дуэли. Алексей, как обычно, находился на переднем крае и вел наблюдение. Вдруг что-то тяжелое ударило его в спину, бросило на каменный берег, и он потерял сознание.

— Видели у меня рубец на спине? — сказал Алексей Максимович. — Это памятка об Изюме.

Он не помнил, как его спасли наши разведчики, как санитары отнесли на полковой медпункт и как оттуда отправили в медсанбат. Не знал и того, как врачи с трудом извлекали из спины осколки. В сознание пришел лишь на второй день. А когда вылечился и вернулся в свою часть,

она уже готовилась форсировать Днепр. Но не так-то легко и просто было переправиться на тот берег.

Гремела канонада над Днепром. Бойцы глохли от грохота. Большое каменное здание школы села Войсковое фашисты превратили в настоящий бастион: оттуда били не только из пулеметов и орудий, но и из шестиствольного миномета. «Ну, погодите, сволочи! Мы у вас эту «лавочку» прикроем», — сердился Пазерский.

Ночью он подполз к самому берегу Днепра, по вспышкам засек местонахождение школы и координаты ее сообщил командиру батареи. На цель обрушились снаряды. Подавлены были и другие огневые точки, обнаруженные Пазерским.

29 сентября 1943 года с наступлением темноты передовые отряды дивизии начали переправляться через Днепр. Все делалось быстро и четко, с максимальной осторожностью. Нашим бойцам помогали и местные жители. С первым отрядом переправился через Днепр и Алексей Пазерский.

Плацдарм, который заняли наши воины, простреливался со всех сторон. Но гвардейцы стояли мужественно, решительно отбивали контратаки, расширяли плацдарм. К 2 часам ночи переправилась вся дивизия.

Наступила весна 1944 года. Продвигаясь вперед, 57-я дивизия с ходу форсировала Ингулец, затем — Ингул, а в конце марта вышла к Южному Бугу. Ночью Пазерский со своими товарищами переправился на другой берег и разведал вражескую оборону. А утром, едва забрезжил рассвет, по выявленным целям уже была наша артиллерия. Командир полка за образцовое выполнение задания представил Пазерского к ордену Славы III степени.

Наступление советских войск продолжалось успешно. Враг отходил к Одессе. Вот уже в апрельской дымке показался город. Сердце забило от радости. Пазерский с группой солдат разведывает расположение передовых частей противника, находит брод через лиман.

Форсировали лиман осторожно. Когда рассвело, разведчики увидели впереди свежий стог сена. Пригибаясь, они тихо вышли на берег и по-пластунски поползли к стогу. Здесь на сене спал фашистский офицер, рядом дремал солдат.

Пазерский, шедший впереди, с автоматом в руках бросился на фашистов. Офицер оказался полковником. Пленных они доставили к командиру полка. Гитлеровский пол-

ковник рассказал, где стоит резерв, где расположены огневые точки, указал место переправы через следующий лиман, сообщив при этом, что его охраняет взвод солдат, засевший в здании мельницы.

На этот раз через лиман наших разведчиков провела девочка лет 12. Она была горда и счастлива своей миссией.

Мельницу охранял немецкий пулеметчик. Он находился в укрытии. Отважная пионерка указала, как обойти его. Алексей Пазерский подполз к пулеметчику сзади и прикладом оглушил фашиста. Остальные гитлеровцы находились в помещении. Лейтенант Шумилов с гранатой в руках, распахнув дверь, крикнул:

— Хенде хох!

Немецкий офицер схватился было за пистолет, но его опередили Александр Борисов и Василий Липунов. Они обезоружили фашиста. В плен было взято 20 человек.

За выполнение поставленной задачи лейтенант Шумилов был представлен к ордену Красного Знамени, а Пазерский — к ордену Славы II степени.

Ломая сопротивление врага, части дивизии ранним утром 10 апреля вошли в Одессу. Начались бои на Днестре. А летом гвардейцы были уже в Белоруссии. Здесь 57-я дивизия, прорвав сильно укрепленную оборону фашистов в районе Ковеля, вступила на польскую землю и вскоре вышла к городу Демблину. А потом была Висла, тяжелые бои за освобождение братской Польши.

28 января 1945 года — этот день надолго остался в памяти бойцов дивизии. Наши части вступили на территорию Германии. Сколько времени ожидали они этого часа!

А. М. Пазерский.

В логово фашистского зверя пришло возмездие. Пожар войны возвращался туда, откуда он был начат.

У одного из пограничных столбов разведчики водрузили доску с надписью: «28 января 1945 года в 14 часов дня здесь пересекли границу Германии гвардейцы 57-й стрелковой дивизии».

В начале февраля дивизия вышла к Одеру. На ее берегах развернулись ожесточенные бои. Здесь погиб лейтенант Шумилов.

Вместо него командиром разведки стал лейтенант Сова. Большой смелости был этот человек. Однажды с отделением автоматчиков (имея ручной пулемет) лейтенант Сова пошел в разведку. Как всегда, он взял с собой Пазерского: без радиста нельзя. Пробираясь через село, стоящее на берегу Варты, разведчики увидели на мосту колонну фашистских солдат. Впереди — два мотоциклиста. Советские воины залегли в прибрежных кустах. Проехав мост, мотоциклисты подали сигнал «Опасности нет». Гитлеровцы подходили к селу. Их было не меньше роты. Нашим разведчикам хорошо видны были фашисты. 12 автоматов и пулемет нацелены на врага. Наготове держит свой автомат и Пазерский.

— Огонь! — раздалась команда лейтенанта, и свинцовый дождь хлестнул по гитлеровцам. Хорошая половина их осталась лежать на шоссе. Но оставшиеся в живых вступили в бой, и он складывался не в пользу наших разведчиков. О создавшемся положении Пазерский радиовал командиру полка. К разведчикам немедленно был послан бронетранспортер с группой бойцов. Помощь пришла вовремя.

* * *

Началась Берлинская операция. Части дивизии изготовились к штурму Зееловских высот — мощного узла сопротивления фашистских войск на подступах к Берлину.

Накануне штурма в штабе армии проходило собрание партактива, на котором было решено: во всех частях перед штурмом вынести на передний край боевые знамена, «чтобы каждый видел, что он идет в этот бой вместе со своими товарищами, бойцами и командирами, со святыней части — под Боевым Красным Знаменем, символом революционных идеалов...»

Вот как описывает начало сражения за Зееловские высоты Маршал Советского Союза В. И. Чуйков:

«Перед рассветом на мой наблюдательный пункт приехал командующий фронтом маршал Г. К. Жуков. К этому моменту войска армии уже заняли исходное положение. Командиры частей с гвардейскими знаменами вышли на передний край и пошли вдоль траншей. Изредка шла перестрелка и взвивались осветительные ракеты. Они освещали гвардейские знамена. Ленин, будто живой, смотрел на воинов с алых полотнищ, как бы призывая к решительности в заключительном сражении с ненавистным врагом. Коленопреклоненные гвардейцы клялись перед своими знаменами бороться с врагом так, как учил Ленин, — не жалея сил и самой жизни.

Пять часов утра... Секундная стрелка сделала последний круг, и предрассветная мгла ночи будто расступилась, исчезла в одно мгновение. Вся приодерская долина качнулась и забилась как в лихорадке. Сорок тысяч орудий открыли огонь. Сорок тысяч! Лавина огня понеслась на Зееловские высоты. Там вздыбилась, поднятая разрывами мин и снарядов земля. Она поднялась сплошной стеной до самого неба, как бы разделяя мрак фашизма на западе с восходящей зарей свободы и прогресса на востоке» *.

И опять в рядах наступающих идут радисты-разведчики и среди них Алексей Пазерский. По своей скромности он мало что рассказал мне о своем участии в этих боях.

Лишь потом, придя как-то в одну из ульяновских школ, в комнате боевой славы я увидел на большом плакате знакомое лицо с характерным зачесом волос. Это был Алексей Максимович Пазерский. Под портретом я прочитал: «Особенно тов. Пазерский отличился на подступах к Берлину при штурме Зееловских высот. Постоянно находясь в боевых порядках пехоты, умело обнаруживал вражеские огневые средства, точно определял их координаты и своевременно передавал на огневые позиции батарей. Только за три дня боев по его данным дивизион уничтожил до 10 станковых пулеметов, 2 орудия прямой наводки и подавил огонь артиллерийской и минометной батарей...».

* В. И. Чуйков. Штурм Берлина. — «Москвн», 1975, № 4, с. 85.

18 апреля полки 57-й дивизии овладели городом Зее-лов и устремились к Берлину. Но Пазерского уже не было среди товарищей. Он был тяжело контужен. В себя пришел только в медсанбате. И затосковал. «Неужели, — думал Алексей, — так и не дойду до Берлина, не успею».

Но он успел. 25 апреля войска фронта начали штурм фашистской столицы. К этому времени Пазерский вернулся в свою часть.

Из всех боев, в которых ему пришлось участвовать, уличные бои в Берлине были, пожалуй, самыми трудными. Порой наши части сближались с противником настолько, что их отделяла друг от друга только улица, а иногда стена здания. Негде развернуться ни танкам, ни орудиям. Трудно и разведчикам-радистам. Гитлеровцы засели в домах, подвалах и на чердаках. Отовсюду стреляют, отовсюду летят пули, снаряды и фаустпатроны.

30 апреля гвардейцы форсировали Ландвер-канал, захватили Ангальтский вокзал и ворвались в центральные кварталы города, где расположены правительственные здания.

Вот группа автоматчиков остановилась, залегла. Минометный огонь придавил их к земле.

— Откуда бьют? — кричит Пазерскому командир ору-
дийного расчета.

Пазерский показывает ему цель. Орудие быстро разворачивается. Выстрел! Снаряд делает пролом в стене и взрывается внутри здания. В пролом бросаются наши автоматчики...

170-й гвардейский полк начал штурм имперской канцелярии. И вот над рейхстагом в эти минуты взвилось знамя Победы.

Здесь, на подступах к рейхстагу и Бранденбургским воротам, радист Пазерский закончил войну. За отличное выполнение заданий командования в Берлинской операции гвардии сержанту Пазерскому был вручен орден Славы I степени.

Получая награду, Алексей строго по-уставному произнес:

— Служу Советскому Союзу!

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
---------------------------	---

Вставай, страна огромная...

О. Фортушина. На первых рубежах войны	6
Ф. Галимов. Один из двадцати восьми	10
Б. Вайнтрауб. Неустрашимый комбат	16
А. Царев. Один миг и вся жизнь	23
Н. Кузминский. Бой у развилки дорог	29
П. Ковальчук. Снайперский счет	36
В. Лебедев. Подвиг военврача	43
Л. Фомин. «Принадлежу к династии танкистов».	51

Стоит над Волгою курган

Н. Кузминский, С. Жмырев. Он защищал Сталинград	64
Н. Васильев. Первый кавалер ордена Суворова	71
А. Шарипов. Дорогой бессмертия	81
В. Грачев. «Я должен летать...»	93
В. Лебедев. Идем на сближение	102
П. Слесарев. Цель накрыта!	108
А. Дмитриев. Под гвардейским знаменем	116

От Волги до Днепра

Г. Сосновский. Смелого пуля боится	124
В. Радыльчук. Медаль за бой, медаль за труд	129
А. Шарипов. Вызываю огонь на себя	134
А. Ворожейкин. Мой командир и учитель	141
А. Муромцев, Г. Демин. По-чапаевски	153

Вперед на запад!

В. Румянцев. Танковый бросок	160
А. Ермолаев. Рейд в тыл врага	167
П. Мельников. Атакуют танки Карабанова	173
Е. Ларин. Богатырь с Волги	180
А. Харитоновский. Таранный удар	188
Н. Кондратьев. «Прошу считать коммунистом...»	194
А. Ермолаев. Бой под Шауляем	199
В. Лебедев. Подвиг на Свири	205

Весна победы

П. Слесарев. Он любил небо	214
В. Поляков. Есть связь!	220
Н. Коваленко. В огненном кольце	228
И. Хрусталеv. Отважная разведчица	236
В. Радыльчук. Здравствуй, Злата Прага!	243
А. Кузнецов. Он штурмовал Берлин	248

Коллектив авторов

ЧЕСТЬ, ОТВАГА, МУЖЕСТВО

Редактор *Е. З. Мельников*

Художественный редактор *В. К. Бутенко*

Художник *И. Н. Калашников*

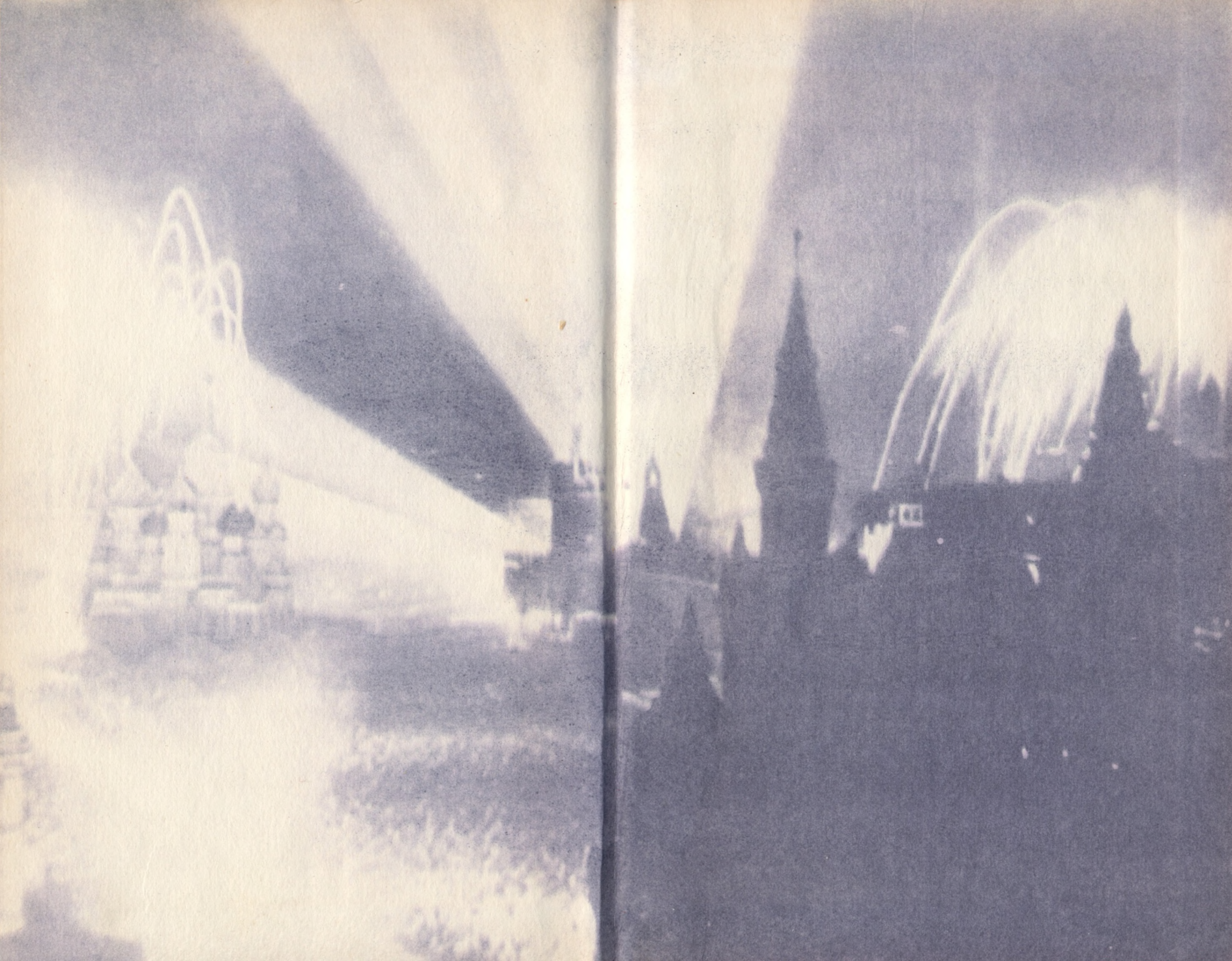
Технический редактор *Л. И. Борисова*

Корректор *Т. И. Краснова*

ИБ 468

Сдано в набор 12.02.1979 г. Подписано в печать 31.08.1979 г. НГ26535. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура шрифта литературная. Печать высокая. Уч.-изд. л. 13,183. Усл. печ. л. 13,44. Заказ 253. Тираж 11 000. Цена 55 коп. Приволжское книжное издательство, Ульяновское отделение. Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

55 к.

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛЬЯНОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1979

